

*Нет, не зазя звезда моя жива,
Мерцает в поднебесье тихим светом,
Я сделал все, что Родина ждала, -
И лишь прошу не позабыть об этом.*

Ю. Бурков

**Живая
память
Афгана**

«ПАРУС - М»
Курган, 1999.

КОЗ (07)

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ АФГАНА
10-летию вывода советских войск из
Афганистана посвящается

Книга издана по заказу военного комиссариата Курганской
области и Администрации Курганской области.

Составители **В.В.Усманов, Г.П.Устюжанин**

Редакционная комиссия:

С.П.Суханов (председатель), Б.Б.Болотин,
В.А.Осипов, А.А.Ревякин, В.Ф.Шишкин.

Составители, редакционная комиссия и издательство «Парус-М»
выражают глубокую признательность и благодарность главам
Администраций области, городов и районов, журналистам, военным
комиссарам, общественной организации «Побратим», организации
инвалидов «Аспирин» города Москвы, всем, кто принял участие в
сборе документов и подготовке материалов, в финансировании
издательства этой книги.

ISBN 5 - 86047 - 107 - 6.

© «Парус-М», 1999.

Дорогие боевые друзья!

Вы держите в руках еще один документ человеческой памяти о событиях,

которые невозможно выбросить из нашей жизни.

Молодцы курганцы, что занесли в эту замечательную книгу имена всех участников афганских событий, еще раз на ее страницах увековечили память павших в Афганистане земляков, рассказали о нелегких буднях афганской войны.

Это еще одно яркое проявление нашего боевого братства, которое, можно сказать, у нас в крови. Это еще одно подтверждение того, что люди, прошедшие Афганистан, пользуются у земляков уважением и заслуженным авторитетом.

Представляя книгу “Живая память Афгана”, искренне желаю курганским “афганцам” доброго здоровья, успехов, оптимизма и благополучия.

**БЫВШИЙ КОМАНДУЮЩИЙ 40-й АРМИЕЙ, ПРЕЗИДЕНТ
ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ ВЕТЕРАНОВ
ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ “БОЕВОЕ
БРАТСТВО”, ДЕПУТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ,
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК

Б. ГРОМОВ

*Какое счастье для родной земли –
Ее сыны вернулись из похода!
Они сквозь годы горя пронесли
Достоинство великого народа.*

*Герои по-мальчишески юны,
Но по-мужски их доблесть окрестила.
Безмерно ликование страны,
Которая таких сынов взрастила.*

*Цветы, улыбки, чистая слеза.
Они свое смущенье не скрывают.
Над Гиндукушем пронеслась гроза,
Машины от похода остывают.*

Н. Кирженко

*У армии может быть только одна
политическая программа – присяга*

Нам глаз ни перед кем не опускать

Время неумолимо отсчитывает секунды, часы, годы и десятилетия, невзирая на наши житейские будни, хлопоты, трудности, невзгоды и торжества. И вот я, бывший советский комбат в Афганистане, а ныне Военный комиссар Курганской области – генерал-майор УСМАНОВ, стою перед строем призывников - новобранцев, вглядываюсь в их глаза, лица и прошу свою память: может узнаешь ты, генерал, среди этих парней схожие лица солдат, с теми, кто ходил с тобой боевыми дорогами и тропами по горам и пустыням Афганистана? Ведь среди нынешних призывников стоят и сыновья воинов-интернационалистов, вошедших первыми в декабре 1979 года в бурлящий трагическими событиями Афганистан, выполняя решение руководства нашей страны, принятое по многочисленным просьбам правительства соседнего дружественного нам государства и обусловленное строками Договора о дружбе между нашими народами, проверенного многими десятилетиями плодотворного сотрудничества и добрососедства.

Двадцатый год с тех событий отсчитывают уже часы истории и десять лет отметил календарь с того дня, как последние наши бойцы, возвращаясь обратно, прошагали по знаменитому мосту через реку Аму-Дарью, созданному руками тружеников завода “Курганстальмост”. Но и по сей день политики, историки и военные не выработали единой оценки тех горьких и памятных событий и лет. Видимо, непростой тот “орешек” требует множества подходов и сторон в его оценке.

Безусловно, у каждого поколения и времени свои измерения и оценки пройденного пути. Задним числом мы все умны и дальновидны, как мудрейшие деятели, бойко критикуем просчеты и упущения предшественников. Так что же тогда столько лет топчемся в перестроечной чехарде и выхода из нее никак не найдем вместе с советчиками со всего света. Большое видится на расстоянии. Время когда-нибудь,

безусловно, праведно рассудит и оценит те неоднозначные события и все поставит на свои места.

Наша забота и цель сегодня в другом, – не забыть о солдате, его верности воинской присяге, чести и мужестве, умении в самых сложных условиях не дрогнуть, проявить себя продолжателем славных боевых традиций отцов и дедов, своего народа. Как человек военный, отдавший армии и служению Отечеству всю свою жизнь, могу твердо сказать, что армия сильна духом народа, его традициями, коллективизмом, способностью и умением выполнить Приказ. Если она не способна это сделать, то не имеет смысла говорить о ее боеспособности, а значит, и о безопасности нашей Родины. И такого никогда не должно случиться.

Книга, которую мы создали, не просто дань памяти воинам, прошедшим трудными дорогами Афганистана, она учебник гражданского долга, солдатского мужества, стойкости, чести, верности делу отцов, воинской присяге и умению выполнить Приказ. Нам хочется, чтобы люди, прочитав эту книгу, в первую очередь, подумали не об ошибках и просчетах руководителей и политиков двух стран той поры, а о солдатах и офицерах, которые в многотрудных и опаснейших условиях с честью и достоинством выполнили свой воинский долг и военную присягу. Никто не вправе сомневаться в том, что в декабре 1979 года тысячи наших соотечественников, одетых в солдатские шинели и бушлаты, покачиваясь в боевых машинах на крутых поворотах горных перевалов, неслись в своих чистых помыслах и устремлениях на помощь афганскому народу, чтобы помочь ему строить в своей стране свободную и счастливую жизнь. А что помощь этому народу была нужна, мы видели ежедневно, но как ее лучше оказать, не всегда понимали, умели и могли. Но и в этих условиях наши воины действительно становились защитниками угнетенных и обездоленных, спасали жизни женщин, стариков и детей, охраняли кишлаки и селения от налетов душманских банд. И не вина нашего народа, что Афганистан в те годы стал полигоном большой мировой политики, а интернациональная помощь обернулась жестокой войной.

Когда я слышу дилетантские разговоры и мнения об афганских событиях и о наших солдатах на этой войне, сформированные с подачи многочисленных радиоголосов и поверхностных кинолент, то передо мной встают в полный рост мои товарищи по боям, настоящие наши парни с обветренными лицами и потрескавшимися от жары губами, по первому зову взбиравшиеся на горные вершины, чтобы вынести с поля боя товарища. В изодранных ботинках, пропыленных и просо-

ленных потом гимнастерках они светились чистотою своих помыслов и сердец, блеском бескорыстной отваги и мужества, гуманностью чувств. Это о моих современниках участник боев на афганской земле Виктор ВЕРСТАКОВ очень честно и точно сказал:

*Вспомнится холод брони на рассвете,
Жаркие схватки в ущельях сырых.
Вспомнятся дети, афганские дети.
Дети – во-первых. Бои – во-вторых.
Ради детей на бандитские пули
Ты поднимался, себя не берег,
Ради детей, подлечившись в Кабуле,
В полк сэкономленный вез сухпак...*

Люди на этой войне, кроме того, что они потеряли, многое и приобрели. И в первую очередь проверили себя на человеческое мужество и прочность, обрели боевое братство. Я знаю, что если понадобится эти парни первыми снова встанут в воинский строй. И будут также справедливы и мужественны..

И не вина многих, вернувшихся с той войны, что они все еще не определились, ищут свое место в жизни и не все у них получается, как бы хотелось. И во многом твердо определиться в жизни вчерашним воинам-интернационалистам помешали холодность людей, занявших кабинеты государственных учреждений в перестроечную пору, их равнодушие и, как бич, хлесткие слова: “А мы вас в Афганистан не посылали”.

Но мы знаем, кто нас посылал: одних – приказ Родины, других – приказ сердца. В нас и по сей день течет горячая кровь, а не водица. Жизнь продолжается и борьба за справедливое место в ней тоже.

Дорогие мои “шурави”, мы честно выполнили свой воинский и гражданский долг перед Отечеством. Идите по жизни гордо. И пусть вам повезет. А ведь история наших взаимоотношений с Афганистаном это не только война, вспомним, как все это начиналось.

Чтобы более-менее объективно рассматривать и понять, почему и как наша страна оказалась втянутой в афганские события, необходимо хотя бы вкратце знать их предисторию.

Афганистан – южный сосед бывшего Советского Союза, независимое государство на юго-западе Азии. Его площадь 655 тысяч квадратных километров, население – около 16 миллионов человек. Это один из древнейших уголков человеческой цивилизации, лежит на важном

пересечении торговых путей Востока и Запада. Поэтому за свою историю народы, живущие здесь, множество раз подвергались нашествию захватчиков и входили в состав многих крупных держав, но при первой же возможности добывали себе свободу.

Впервые афганское государство возникло в 1747 году. Основателем его был смелый и влиятельный вождь племени Дурании Ахмад-Шах. Но его держава просуществовала недолго. Выгоды от торговых путей тянули сюда предприимчивых англичан. И после смерти Ахмад-Шаха они воспользовались раздорами между его родственниками и трижды пытались закрепиться в этих краях. Но сделать это им не удалось. Свободолюбивые афганцы трижды прогоняли поработителей. В феврале 1919 года провозгласили страну независимой.

Молодая республика Советов в 1919 году первой признала Афганскую государственность, а Афганистан – независимой Советскую Россию. Делегация афганцев во главе с генералом Мухамедом Вали -Ханом полгода добиралась до Москвы, дважды была принята Лениным и горячо поддержана. Между нашими странами установились добрососедские отношения. 28 февраля 1921 года был подписан первый договор советско-афганской дружбы. И вскорости он прошел проверку делом. В середине 20-х годов над Афганистаном нависла угроза новой агрессии англичан. Советское правительство немедленно выделило Афганистану помощь продовольствием, оружием, а в 1925-1926 годах командиры афганской армии впервые прошли подготовку в военно-учебных заведениях России.

В период 1939-1945 годов Афганистан благодаря помощи нашей страны не был втянут во вторую мировую войну, сохраняя суверенитет, не позволил гитлеровцам использовать свою территорию для вторжения в Индию.

В середине пятидесятых годов возникли сложные политические и экономические отношения Афганистана с Пакистаном. Соседи отказали афганцам в провозе товаров через их границу и территорию. И снова выручил СССР. 28 января и 1 марта 1956 года между СССР и Афганистаном были подписаны первые долгосрочные соглашения по экономическому и техническому сотрудничеству. Ими предусматривалось оказание помощи Афганистану в строительстве гидроэлектростанций в районе Наглу и в городе Пули-Хумри, авторемонтного завода и крупного современного аэропорта в Кабуле, автодороги через горный перевал Саланг, Джалалабадского ирригационного канала с комплексом водозаборов для орошения земель и еще немало важных объектов.

Все эти проекты были осуществлены и дали возможность быстрому росту Афганистана. Построенный в городе Мазари-Шарифе мощный завод азотных удобрений и созданный в провинции Нангархар ирригационный комплекс, позволивший оросить десятки тысяч гектаров земли в субтропической зоне, обеспечили огромное производство, а затем и переработку цитрусовых культур и маслин. Был организован экспорт этой продукции в СССР.

Кабульский аэропорт связал Афганистан со многими народами Азии и Европы. Созданная первоклассная горная трасса Кабул – Хайратон прошла через богатые, но труднодоступные районы страны и кратчайшим путем связала через перевал Саланг Афганистан с Советским Союзом.

За три десятилетия мы подготовили для Афганистана более 75 тысяч квалифицированных рабочих, тысячи специалистов для различных отраслей народного хозяйства, провели крупные и успешные изыскательские работы по открытию полезных ископаемых и оказали помощь в их разработке.

Большое значение наша помощь имела в развитии образования. В шестидесятые годы был нами построен и передан в дар Афганистану Кабульский политехнический институт, способный обучать 1500 студентов одновременно. Были с нашей помощью построены и открыты горно-нефтяной техникум в городе Мазари-Шарифе, автомеханический техникум в Кабуле.

В 1978 году был подписан ряд новых долгосрочных экономических договоров. Были построены мощный хлебозавод в Кабуле, крупнейшие нефтебазы в Хайратоне, Мазари-Шарифе, Логаре, станция космической связи “Лотос”, автопредприятие по обслуживанию 600 автомобилей Камаз и т.д. Половина всех доходов в государственный бюджет поступала из предприятий советско-афганского сотрудничества.

Все эти годы на земле Афганистана работали и представители ряда капиталистических стран. С развитием капиталистических отношений в полуфеодальной стране процесс естественно-исторического развития общества стал неустойчивым. В кишлаках сельские жители в большинстве своем не имели земельных наделов, а брали поля в аренду у богачей, отдавая за это до четырех частей из пяти от полученного урожая. У рабочих в городе условия труда были крайне тяжелыми, а заработная плата позволяла едва сводить концы с концами. Появились различные политические, экономические и религиозные объединения и группировки, выразившие недовольство существующим режимом.

Нерешенность важнейших социально-экономических проблем привела в начале шестидесятых годов к обострению противоречий между различными слоями общества. Во главе самых революционно настроенных групп стояли писатель и общественный деятель Нур Мухамед Тараки и член парламента Афганистана Бабрак Кармаль.

1 января 1965 года эти группы провели учредительный съезд и создали Народно-демократическую партию. Они видели свое развитие на основе марксистско-ленинской науки, хотя уровень общественного и экономического развития в стране был исключительно отсталым. Даже в рядах партии значительная часть ее членов была малограмотной.

Работа по пропаганде идей партии шла через митинги и печать. Партийцы, группировавшиеся вокруг писателя Нур Мухамеда Тараки, организовали газету “Хальк” (Народ) и через нее распространяли свои идеи, близкие широкому массам, особенно пуштунским племенам.

Партийцы, выражавшие интересы интеллигенции, военных, новой буржуазии, группировались вокруг Бабрака Кармаля. Они выпускали газету “Парчам” (Знамя). Партия как-то само собой распалась на два крыла, которые именовались по названиям своих газет: “Хальк” и “Парчам”, хотя они просуществовали недолго.

В 1973 году король Афганистана Захир-шах был свергнут своим двоюродным братом Даудом. Афганистан был объявлен республикой, провозглашены некоторые реформы, но они не изменили жизнь народа.

Жизненные интересы заставили оба крыла партии провести в июле 1977 года объединительную конференцию. Единство партии, казалось, было восстановлено. Эти силы и подготовили революцию, которая совершилась 27 апреля 1978 года. Ее путь оказался трагическим, хотя на первых порах был широко поддержан общественностью, особенно в Кабуле и крупных городах.

Целью апрельской революции было провозглашено построение социализма. Началось проведение социально-политических и экономических реформ. К практическим ее делам было привлечено много студенческой молодежи, людей, не разбиравшихся в реформах и в последовательности их проведения, не обладавших политической зрелостью и гибкостью.

На улицах появились многочисленные лозунги, такие как: “Религия – опиум народа.”; “Долой улемов и мулл!”, “Землю крестьянам” Целевые кварталы домов выкрашивались в красный цвет. Но лозунги и преобразования зачастую воплощались в жизнь драматично. Так, приехавшие в кишлак революционеры из Кабула сажали муллу верхом на

осла или ишака лицом к хвосту, вешали ему на шею плакат “Обманщик народа”, возили по кишлаку под улюлюканье. И это человека всеми уважаемого и почитаемого, слово которого для простого люда – равнозначно слову Аллаха. После таких действий “революционеров” люди целыми кишлаками снимались с насиженных мест, уходили в горы или бежали за границу.

В местах, где начали передел земли, где рождались первые кооперативы, гремели выстрелы – расстреливались те, кто не хотел просто так отдать веками принадлежавшую семье землю.

В партии разрасталась борьба за лидерство, переросшая в репрессии еще вчерашних товарищей. Здесь тоже не щадили друг друга. Жертвой этой борьбы стал и Генеральный секретарь НДПА, Председатель Революционного совета Нур Мухамед Тараки, погибший от рук Хафизуллы Амина, курирующего по линии партии вооруженные силы республики. Многие сторонники крыла партии “Парчам” были брошены за решетку. Эти перегибы и многочисленные ошибки партийцев порождали у значительной части населения Афганистана сопротивление, разочарование. За пределы Афганистана бросив все, бежали сотни тысяч жителей. В Иране и Пакистане возникли многочисленные поселения беженцев. Началось формирование вооруженных отрядов, многие из которых возвращались в страну, чтобы бороться с новой властью.

Этим не преминули воспользоваться спецслужбы многих капиталистических государств. Началась дискредитация социалистического пути в революционном движении.

“В последнее время, – отмечал в те дни военный атташе в Кабуле полковник А. Баранаев в одном из сообщениях – в деятельности американских официальных и частных организаций в ДРА произошли изменения: существенно преобразовалась деятельность американского культурного центра в Кабуле, который значительно увеличил число слушателей на языковых курсах, систематически проводит кинолектории. Необычайно активизировалась деятельность смешанной афгано-американской авиакомпании “Ариана”. По инициативе американцев из США прибыла большая группа специалистов авиакомпании “Дуглас”, которые владеют языками дари и пушту, знают восточные обычаи ...”

А вот сообщение, опубликованное 4 июля 1979 года в пакистанской газете “Митллат”: “В результате иранской революции ЦРУ перенесло свою штаб-квартиру в Пакистан. Отсюда ей поручено держать под контролем развитие событий в Афганистане и Иране”.

Из Пакистана в Афганистан тайно хлынуло не только оружие для подрывной деятельности, но и боевики из числа афганской эмиграции и наемники. По данным военной разведки, к концу 1979 года на территории Афганистана уже действовали около 40 тысяч мятежников, командный состав их нередко был переброшен из Пакистана.

В это время по Афганистану прокатилась волна демонстраций протеста и вооруженных выступлений против новой власти. Об этом систематически информировалось правительство СССР и другие заинтересованные ведомства по дипломатическим, разведовательным и военным каналам. Вот лишь некоторые сообщения в Генеральный штаб нашего главного военного советника и военного атташе в Афганистане:

15-20 марта – вспыхнул контрреволюционный мятеж населения в Герате. В нем приняли участие подразделения воинского гарнизона. Мятеж подавлен с помощью правительственных войск. Во время мятежа погибло 2 советских гражданина.

21 марта – раскрыт заговор в Джелалабадском гарнизоне. Арестовано 230 заговорщиков – военнослужащих.

9 мая – массовые антиправительственные вооруженные выступления вспыхнули в провинциях Пактика, Газни, Пактия, Нангархар, Кунар, Балх, Кабул. Во всех районах выступления подавлены войсками.

20 мая – в провинции Пактия подавлено выступление мятежников, решившихся захватить Гардез – провинциальный центр.

5 августа – в Кабуле, в пункте дислокации 26-го парашютно-десантного полка и батальона “коммандос”, вспыхнул мятеж. В результате решительных мер мятеж подавлен. Войска столичного гарнизона приведены в готовность № 1.

11 августа – в провинции Пактика в результате тяжелого боя с превосходящими силами мятежников подразделения 12-й пехотной дивизии понесли тяжелые потери (часть состава сдалась в плен, часть – дезертировала).

14 сентября – в связи с возникшими в руководстве НДПА разногласиями по приказу Х. Амина сегодня в 9.30 в частях Кабульского гарнизона введена готовность № 1. В 16.20 по сигналу начальника Генерального штаба ВС ДРА генерала Якуба войска вошли в город и заняли свои районы ответственности. В 17.50 по кабульскому радио было объявлено об изменениях в правительстве ДРА. Согласно сообщению, Н.Тараки освобожден от занимаемых постов. Сняты с постов члены Политбюро ЦК НДПА министры внутренних дел, связи, министр по делам границ, начальник службы безопасности, все они обвинены в

заговоре.

16 сентября – на Пленуме ЦК НДПА 16 сентября Генеральным секретарем ЦК НДПА, председателем Ревсовета ДРА был избран Амин. Резиденция Н. Тараки блокирована войсками. Все линии связи с ней отключены. Арестованы командиры артиллерийского полка, отдельного танкового батальона, начальники штабов 4-й и 15-й танковых бригад. Вылеты авиации всех видов запрещены ...

10 октября – по сообщению Афганского информационного агентства, переданного сегодня утром по радио и телевидению, Н.М. Тараки умер 9 октября “после непродолжительной, но тяжелой болезни. Тело покойного захоронено в фамильном склепе”.

15 октября боевыми действиями частей Кабульского гарнизона при поддержке авиации, танков и БМП подавлен мятеж в 7-й пехотной дивизии. Цель мятежа - физическое устранение от власти Х. Амина.

Мятежи в армии стали неожиданностью для тогдашних лидеров НДПА. После гератского мятежа в марше афганское руководство настойчиво просит о вводе на территорию страны советских войск.

В историко-архивном отделе Генерального штаба Вооруженных Сил хранятся сообщения с просьбами, поступавшими от Тараки и Амина. Они передавались через наших представителей в Кабуле: посла А. Пузанова, представителя КГБ генерал-лейтенанта Б.Иванова и главного военного советника генерал-лейтенанта Л.Горелова. Высказывались они и советским государственным и военным деятелям, посещавшим Кабул. Тараки дважды поднимал этот вопрос в беседах с секретарем ЦК КПСС Б.Н. Пономаревым, а Амин – с генералом армии И.Г. Павловским.

Вот некоторые из этих сообщений:

« ... был приглашен к товарищу Амину, который по поручению Н.М. Тараки высказал просьбу о направлении в Кабул 15-20 боевых вертолетов с боеприпасами и советскими экипажами для использования их в случае обострения обстановки в пограничных и центральных районах страны против мятежников и террористов, засылаемых из Пакистана. При этом было заверено, что прибытие в Кабул и использование экипажей будет сохранено в тайне. Горелов. 14.4.79. (На донесении резолюция Маршала Советского Союза Н.В. Огаркова, тогдашнего начальника Генерального штаба: «Этого делать не следует».)

«Тараки, а также Амин неоднократно возвращались к вопросу о расширении советского военного присутствия в стране. Ставился вопрос о вводе примерно двух дивизий в ДРА в случае чрезвычайных

обстоятельств “по просьбе законного правительства Афганистана”. В связи с этой просьбой афганского руководства было заявлено, что Советский Союз на это пойти не может ... **Б. Пономарев. 19.7.79 .»**

« ... В беседах с нами **10 и 11 августа** Х.Амин отметил, что использование афганских войск, дислоцированных в Кабуле, против мятежников станет возможным после положительного решения советским руководством просьбы правительства ДРА и лично Н.М. Тараки о размещении в афганской столице трех советских спецбатальонов. **12 августа** председатель службы безопасности Сарвари по поручению Х.Амина просил нас об ускорении выполнения просьбы руководства ДРА о направлении советских спецбатальонов и транспортных вертолетов с советскими экипажами. **Пузанов, Иванов, Горелов. 12.8.79.»**

«**11 августа** состоялась беседа с Х.Амином по его просьбе. Особое внимание в ходе беседы было уделено вопросу о прибытии советских подразделений в ДРА. Х.Амин убедительно просил проинформировать советское руководство о необходимости скорейшего направления советских подразделений в Кабул. Он несколько раз повторил, что “прибытие советских войск значительно поднимет нам моральный дух, вселит еще большую уверенность и спокойствие”. Далее он сказал: “Возможно, советские руководители беспокоятся о том, что недруги в мире расценят это как вмешательство во внутренние дела ДРА. Но я заверяю Вас, что мы являемся суверенным и независимым государством и решаем все вопросы самостоятельно ... Ваши войска не будут участвовать в военных действиях. Они будут использованы только в критический для нас момент. Думаю, что советские подразделения потребуются нам до весны. **Горелов. 12.8.79.»**

« ... **20 августа** был приглашен к Амину. В ходе беседы товарищ Амин поставил вопрос о том, что в районе Кабула сосредоточено большое количество войск, в том числе с тяжелым вооружением (танковые, артиллерийские и другие части), которые можно было бы использовать в других районах для борьбы с контрреволюцией, если бы СССР согласился выделить 1,5-2 тысячи “коммандос” (десантников), которых можно было бы разместить в крепости Бала-Хисар ... Далее товарищ Амин поставил вопрос о замене расчетов зенитных батарей 77 зенап, прикрывающих Кабул и располагающихся на господствующих высотах вокруг города, в благонадежности которых он не уверен, советскими расчетами”. **Павловский. 21.8.79.»**

Советские представители в Кабуле также направили в центр несколь-

ко докладных о необходимости ввода “под соответствующим предлогом” в ДРА некоторых советских подразделений для обеспечения безопасности при возможной эвакуации советских граждан в случае дальнейшего обострения обстановки. Их просьба была частично удовлетворена. Парашютно-десантный батальон под командованием подполковника А. Ломакина **7 июля 1979 года** был переброшен на аэродром в Баграм под видом технических специалистов. Десантники усилили охрану аэродрома. Они подчинялись главному военному советнику и не вмешивались в дела афганской стороны ...

Всего 18 раз на протяжении 1979 года афганское правительство обращалось к нам по поводу военной помощи. Советский Союз на все эти просьбы отвечал сдержанным аргументированным отказом.

Почему же все-таки было принято политическое решение о вводе наших войск в Афганистан? Вот что рассказывал по этому вопросу генерал армии Павловский, бывший главнокомандующий Сухопутными войсками: “Где-то в середине августа 1979 года мне позвонил маршал Соколов и сообщил, что решением министра обороны я назначен руководителем группы офицеров для поездки в Афганистан. Президент Тараки, подчеркнул он, убедительно просит нас оказать помощь в активизации боевых действий по разгрому мятежников. На месте будете оказывать содействие в координации действий наших военных советников и генштаба афганской армии. Вскоре наша группа в количестве 20 человек была готова к командировке. Накануне отъезда я позвонил по ВЧ маршалу Устинову в Сочи, где он отдыхал. Помню, в конце непродолжительной беседы я задал министру обороны, что называется, вопрос в лоб: “Вводить войска в Афганистан будем?” Он резко ответил: “Ни в коем случае. И если вас будет руководство ДРА об этом спрашивать, отвечайте в том же духе ...”

Из этих сообщений видно, что уже осенью 1979 года в Афганистане сложилась драматическая обстановка. Значительная часть страны находилась в руках мятежников, в партии шла междоусобная борьба за власть. Афганистан – на грани гражданской войны.

Решение возникшей афганской проблемы для СССР было очень сложным. Оно затрагивало отношения не только двух наших стран. Этот район все больше становился узлом мировых противоречий, где сошлись интересы двух мировых систем. Во внешней политике сторон преобладало тогда не здравомыслие и переговоры, а силовое давление, недоверие и подозрение, при которых отступить любой из сторон – значило многое потерять. Нельзя сбрасывать со счетов и подготовку США в то время к вводу своих войск в Иран в связи с падением

там шахского режима. И потеря в те годы дружественного нам Афганистана на южной границе могла оказаться невосполнимой. Но какие бы веские обстоятельства ни возникали, оправдания принятию решения о вводе наших войск в Афганистан нет и быть не может.

12 декабря 1979 года в кабинете Генерального секретаря ЦК КПСС Леонидом Ильичем Брежневым и группой приближенных к нему лиц было принято решение о вводе ограниченного контингента наших войск в Афганистан. Это решение состоялось втайне не только от широких народных масс, но и Президиума Верховного Совета СССР и Политбюро ЦК КПСС.

В начале декабря 1979 года министр обороны СССР Д.Ф. Устинов проинформировал узкий круг должностных лиц Министерства обороны о возможности принятия политическим руководством страны решения о применении наших войск в Афганистане, а 10 декабря отдал приказ Генштабу подготовить к десантированию посадочным способом воздушно-десантную дивизию, повысить готовность двух мотострелковых дивизий в ТуркВО и доукомплектовать до полного штата инженерную часть. Так было положено начало созданию будущей 40-й армии.

В течение декабря по устным распоряжениям маршала Устинова Генштаб отдал более тридцати различных директив. Для доукомплектования войск были призваны из запаса десятки тысяч офицеров, сержантов и солдат, в основном из республик Средней Азии. Из народного хозяйства в войска поступило около 8 тысяч автомобилей и другой техники. На местах, где разворачивались части и соединения, все думали, что это хотя и крупномасштабная, но обычная проверка боеготовности войск, поэтому многое делалось формы ради, наспех.

Однако принятое политическим руководством страны “афганское решение” выполнялось неукоснительно. **24 декабря 1979 года** маршал Устинов провел совещание с руководящим составом Министерства обороны СССР. На нем присутствовали заместители министра обороны, главнокомандующие Сухопутными войсками, ВВС, войсками ПВО, командующий ВДВ, некоторые начальники главных и центральных управлений Генштаба. На этом совещании министр обороны объявил о решении советского руководства ввести войска в Афганистан. Пересечение государственной границы было назначено на 15.00 московского времени 25 декабря 1979 года. Чем обернулась эта затея для народов СССР и Афганистана, мы знаем. Вот только выводов из этого урока не сделано. И снова авантюристам все сходит с рук. Понадобилась еще одна война уже на территории России, – я имею в виду че-

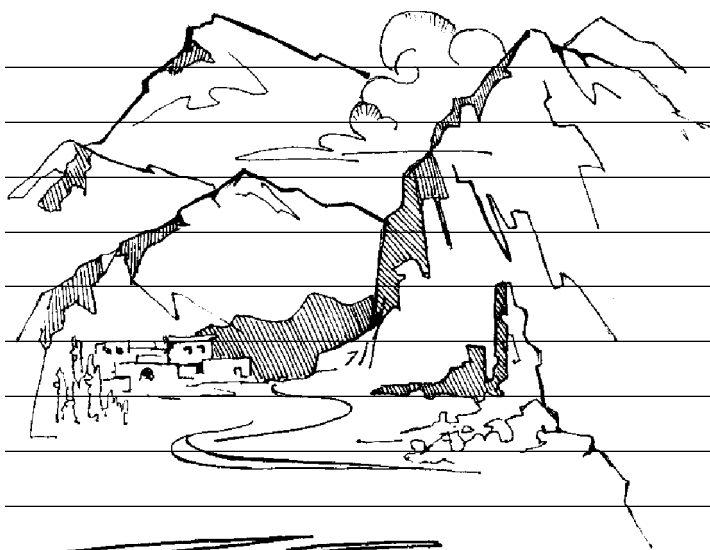
ченскую авантюру, – еще тысячи убитых и искалеченных, чтобы упрямые политики начали понимать, что война – это не самая эффективная мера разрешения политических, экономических, национальных и других противоречий. Война всегда ложится горем и тяжелым грузом на судьбы людей, от имени которых так любят вещать деятели различных мастей и калибров. А вот думать о безопасности своего Отечества, о том, чтобы населяющие его народы не были подвергнуты агрессии, бедам войны – об этом забывают.

Поверив байкам о демократических свободах и ценностях со стороны США, стран НАТО, наши “творцы перестройки” недооценивают роль армии в современном мире, что само по себе преступно и недальновидно. Но что до этого политикам – временщикам: они приходят и уходят, сменяя друг друга. А за все опять будет расплачиваться народ. Опять у него заберут последнее, чтобы восстанавливать мощь армии, которую они так бездумно развалили. Теперь все, кто хотел прикоснуться к “демократическим ценностям” Запада, прикоснулись к ним сполна. Это варварские бомбардировки Ирака, затем беспощадное уничтожение народов, населяющих суверенную Югославию. Кто следующий ... Россия?

Апрель 1999 г.

В.Усманов, генерал-майор,
военный комиссар Курганской области

ПАМЯТЬ
МОЯ —
АФГАНИСТАН

*Мы ранены Афганистаном,
Отравлены его туманом,
У нас в домах распылены
Простые ужасы войны,
Войны диковинной и странной,
Невнятной, как душа душмана,
Безмерней горя и вины
Работы «черного тюльпана».
Что зарубцует эти раны –
Какая быль, какие сны?*

*Война, не давшая ответа
Ни на один вопрос. Война,
В которой выигрыша нету,
Есть только страшная цена.
Война, где цельной нет картины,
Лишь эпизоды: голод, мины,
Геройство, оружейный склад,
Удар ракет, огонь засад...
И только кровь мальчишек наших –
Живых, измученных и павших,
Для нас горюча и честна.
Война, достойная салюта
Лишь тем, что трудно, жестко, круто,
Но – пусть для нас – завершена.*

Аркадий Каныкин.

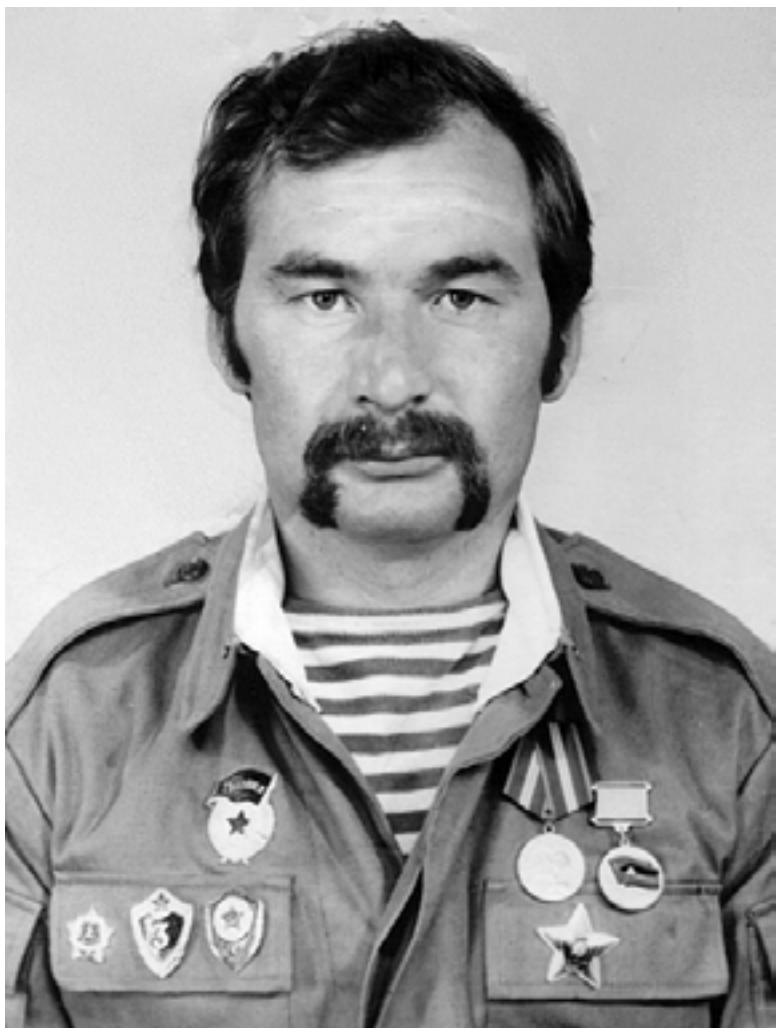
Занести в списки живых

Сейчас об афганской войне пишут много, но чаще односторонне. Мне же нужна правда, увиденная простым человеком, над кем и сегодня не довлеет ни авторитет и мнение начальства, ни сила приказа, ни дань моде, ни желание покрасоваться. Мне необходимо знать – как это было на самом деле. Как видит и оценивает эту горькую войну ее рядовой, побывавший там не в творческой командировке, а в самом пекле событий два долгих года и два дня, может быть, самых томительных и бесконечных в его жизни.

Много времени прошло, как вернулся Александр МАЛКОВ с войны. Обзавелся семьей. Трое сыновей дружно подрастают “лесенкой”. Старший, Сережа, нынче пойдет в армию служить. За эти годы многое передумалось, осмыслилось и отстоялось в душе солдата. Память об Афганистане жива. Я это понял, когда вошел в дом, еще не начав разговора. В комнате Александра Михайловича, над диваном, на нехитром рисунке – пылающий бронетранспортер, под ним фамилии.

– Мои товарищи по оружию, чьи жизни оборвались на афганской земле, – говорит Александр с горечью. – Воевали в одной роте. Тогда и поклялись вечно помнить поименно друг друга, кого среди нас уже не будет. Живу я – живут и они. Живы в сердце, в памяти, в моем доме. И так будет всегда ...

Александр Михайлович достал семейный альбом. Смотрим армейские фотографии военных лет. Они серенькие, любительские, едва видны лица. Вот остриженный под нулевку паренек “оседлал” ствол танковой пушки. На второй – ребята в армейских панاماх, трусах и ботинках перепоясаны пулеметными лентами. Я уже видел подобные и в Афганистане, и у тех, кто выходил оттуда с последним батальоном ...

Александр МАЛКОВ

На службе, как в жизни, многое повторяется.

– Александр Михайлович, вспомни, как вы входили в эту страну, – прошу я хозяина дома. – Вспомни и Расскажи, что в сердце живет по сей день.

Лицо МАЛКОВА суровое. А выражение в глазах такое – будто смот-

рит в себя. Пристально так и далеко-далеко ...

– А может начать с призыва на службу? В учебке мне нравилось водить бронетранспортер. Интересная машина, послушная и сильная, мягкая на ходу. Учился хорошо. Может, потому и оставили служить здесь же, на Урале, в Свердловске. Только начал втягиваться в армейскую жизнь, вдруг нас командировали на совместные учения с частями Туркестанского военного округа. Погрузились в эшелоны – и в Среднюю Азию, аж до самой государственной границы, города Термеза. Здесь узнали, что учения будут проходить на территории Афганистана, совместно с войсками этой страны.

НА “УЧЕНИЯ”...

В душе возникло беспокойство: все-таки чужая земля и люди не свои. Как они нас встретят? А потом подумалось: что тут особенного? Со многими социалистическими странами совместные военные учения проходят. Афганистан тоже дружественная нам страна. Раздумывать особенно тогда было некогда: получали технику, боезапас, сухой паек.

26 декабря походной колонной перешли границу и направились по известной теперь всей стране дороге от Хайротона через перевал Саланг. Куда идем, точно никто не знал, разве только большое командное руководство. Задача водителя в походной колонне – держать строй и порядок. Проезжали кишлаки и городки. Спешили. Мальчишки бежали вприпрыжку целые километры рядом с машиной, улыбались, просили бакшиш (сувенир, подарок).

Трудности встретились на перевале. Никто из нас в условиях высокогорья боевую технику не водил. Это оказалось непросто, даже очень сложно. А тут еще снег, обледенение, дорога, как ленточка, ни свернуть, ни разъехаться. Многокилометровая железная колонна зеленой змеей стала вползать в тоннель Саланга. А он почти три километра длиной! На высокогорье в воздухе мало кислорода. А тут еще столько техники! Едем как в тумане от выхлопных газов, нечем дышать. Никто не стрелял, а смерть уже находила свою добычу. Начали задыхаться бойцы. По колонне дали команду – надеть противогазы и двигаться дальше. Ломался график. Нервничали командиры. Нервозность мешала здравомыслию и делу. Здесь я впервые увидел, как сталкивали в пропасть забарахлившие в пути машины, чтобы они не мешали обще-

му движению. Это видел – и становилось не по себе. Как же так? Когда в стране каждая машина на счету! Но приказы выполнялись безоговорочно, как на войне.

За Салангом снова кишлаки. Остановились передохнуть. Местные жители смотрят на нас с тревогой и любопытством, пытаются говорить, некоторые понимают и даже говорят по-русски. Видимо, работали вместе с нашими специалистами на строительстве этой беспримерной дороги и тоннелей. Часто слышалось: “Шурави – хорошо”. Мы раздавали значки, безделушки. У кого что было. Знакомились быстро.

На вторые сутки, к вечеру, были в Кабуле. Разместились на окраине, устроились на ночлег. Измотанные переходом, уснули, как убитые. А в час ночи – подъем по тревоге. Получили наскоро сухпак на трое суток – и в обратную дорогу, по тому же маршруту. На броне пехота. Хотя страна и южная, но холодно. Самый конец декабря. Дома бы елку украшали. А тут холод, ночь и неизвестность.

Утром остановились у развилки дороги Кабул-Баграм, близ города Чарикара. Командир роты, капитан МАКОВСКИЙ, отдал команду обособиваться капитально, ставить палатки. Здесь будет сторожевой пост.

– Наша задача, – говорил он, – обеспечить на участке нормальный проход транспортных колонн. Вчера здесь обстреляли наши машины. Есть убитые, сожжена техника. Всем быть начеку, оружие и технику держать в полной боевой готовности. Без команды не стрелять.

Вот тут я понял, что “учения” оборачиваются новой стороной. Игра в войну окончилась. Придется, видимо, стрелять не по мишеням и макетам. Стало как-то не по себе. В душе смятение, неуверенность. Стрелять в живых людей! Хотя они и душманы, но люди же! Стало просто страшно. Подумалось, что я этого сделать не смогу.

На третьи сутки нашего дежурства, как раз под Новый год, близ Чарикара душманы снова обстреляли колонну. Мы прибыли к месту происшествия. Но в колонне никто толком не мог сказать, откуда был обстрел, показывали в разные стороны. Мы открыли огонь по близлежащим горам и кустарникам. Стреляли наугад. Для острастки. Это уж потом мы научились определять опасные места, выставлять там заслоны, делать прочесывание, прикрывать при этом друг друга.

Служба началась беспокойная. Почти ни дня без стрельбы. То “духи”

напали на царандоевский (милицейский) пост, то сожгли школу и застрелили учителя. То обезглавили девушку, снявшую с лица паранджу, то экспроприировали у декхан скот и зерно в пользу исламской революции, то забрали деньги и товары у едущих на базар местных жителей. По первому сообщению афганцев мы садились на технику и неслись на помощь. Но чаще всего не успевали. “Духи” будто испарялись. И куда они ушли, никто не хотел указать. Люди боялись возмездия. На Востоке свои законы жизни. К сожалению, мы долго этого не понимали. Все мерили на свой аршин, на свой характер: открытость и прямоту. Здесь же человек, делает одно, думает совсем другое, а поступает по-третьему. Вот и разберись.

Часто даже наши успехи не вызывали восторга у местных жителей. Почти все давалось с боем. А пуля – дура. Она не ведаёт, что творит. Одна ударила в душмана, а десятки – в виноградную лозу, которую ценят здесь, как и саму жизнь. Ведём прочесывание местности, бронетранспортер идет через арыки и нередко по полям. А как иначе? После таких рейдов арыки требуют ремонта, а у нас не всегда есть время возиться с этим и обстановка часто не позволяет. После каждого рейда радио из Пешевара трубило на весь Афганистан, что оккупанты из банды Маковского ... и рассказывало такие небылицы, что и ушам своим не поверишь. У афганцев что-то копится внутри. Даже в глазах уже знакомых жителей не видно той радости при встречах, что светилась раньше.

УДАР В СПИНУ.

– Первый коварный, предательский удар всех нас ошеломил. Случилось это в Чарикаре. Вчетвером мы поехали в город за водой, где уже много раз бывали. Набираем термосы и канистры. Валера ЖИЩ-КИХ говорит: – Ребята, вы пока воды наберете, я на маркет (базарчик) загляну. Может, фотопленки куплю, пофотографируюсь.

Автомат за плечо и пошagal. Отошел метров на пятьдесят. Мы, видимо, делом увлеклись, его из-под наблюдения выпустили, хотя ротный постоянно твердил – не выпускать из поля зрения товарища, в одиночку не отлучаться.

Вдруг яростный крик заставил нас содрогнуться и окаменеть от ужаса. Безоружный Валера бежал к бронетранспортеру с запроки-

нутой назад головой. Кровь фонтаном била из горла в разные стороны. Он пробежал мимо машины еще метров двадцать и упал замертво. Горло его было перерезано от уха до уха.

Мы схватились за автоматы. Но в кого стрелять? Ярость клокочет внутри. А вокруг такие же изумленные лица местных жителей. Мальчишки, старики, женщины в паранджах ... Автоматные очереди полоснули в небо. Приказали всем стоять. Подоспели наши на технике. Прочесывание маркета ничего не дало. Виновника смерти ЖИЦКИХ и его автомат не нашли. Никто не указал нам убийцу, хотя, наверняка, многие его знали.

Ротный тогда перед всем базаром поклялся, что оружие и убийцу все равно найдет. И слово сдержал. Но для этого потребовалось несколько месяцев. А в тот день мы поняли, что враги не только те, кто пришел с оружием из Пакистана или спустился с гор из банд. Они есть и среди тех, кто живет с нами рядом. Поняли, что выстрел в упор или удар ножом в спину мы можем получить в любую минуту. После этого сам собой появился мучительный вопрос: кого мы здесь защищаем? И от кого?

Вскоре мы потеряли Сергея МАСЛЕННИКОВА. И тоже не в бою. Под вечер он устанавливал на бронетранспортере прибор ночного видения. И вдруг откинулся навзничь, скатился с машины. Пуля снайпера попала ему в переносицу. Никто из нас даже выстрела не слышал.

В настоящий бой я попал в августе. Шла операция по очистке от банд Ахмад Шаха долины Панджшер. Душманы часто выходили оттуда на дорогу, жгли и грабили машины, убивали людей. Ущелье было буквально напичкано и душманами, и вооружением. Бои шли тяжелые. Наш батальон заманили в ловушку. Куда ни сунемся – плотный огонь. “Духи” с криками “Алла Акбар!” бросались несколько раз в “психичку” (психическая атака). Но нас не сломали.

Было решено пробиваться к основным силам. Отходили группами, когда остальные вели огонь и не давали “духам” стрелять прицельно. Я попал в подразделение под команду заместителя командира взвода Олега Николаевича ЦАРЬКОВА. Отбивались долго. Настал и наш черед отходить. Спускаемся в долину, а ЦАРЬКОВ ведет огонь. Место у него хорошее подвернулось, господствующее в округе. Кри-

чу ему, чтобы спуcкался и он. А помкомвзвода в ответ:

– Малек, милый, уводи ребят. Я вас прикрою и огнем, и дымом!

В последний раз я видел его живым, когда он рвал зубами чеку из гранаты. Видимо, был уже ранен. Через восемь часов мы отбили у “духов” и вынесли к своим тело геройского нашего командира.

В этом бою бесследно пропал сержант Николай КАЗУРИН. Комбат сформировал группу поиска. Три дня шли по следу банды. Наконец, заметили дымок у распадка ущелья, близ кишлака. Когда вышли, кострище еще теплилось. Но что мы увидели – заставило всех содрогнуться. У костра лежали трое обугленных ребят, четвертый был нанизан на вертел и висел над затухающим кострищем. Рядом валялись отрезанные языки, уши, вытaщенные глаза. Казалось, сердце не выдержит такого ужаса и отчаяния, взорвется в груди, как граната.

Мы бросились в ярости к кишлаку, куда вели следы. Нас заметили и начали стрелять. Но мы шли, очертя голову. Стреляли длинными очередями по убегающим. Для нас людей здесь больше не существовало, только изверги рода человеческого. В кишлаке мы нашли гранатный подсумок КАЗУРИНА и оправу от его очков, взяли несколько английских буров (винтовок), автомат ППШ и пулемет “Максим”. Выходили к своим в глубоком трауре.

НЕОЖИДАННЫЙ ОТПУСК

После вечерней проверки меня вызвали в штаб полка. В глазах командира я заметил смущение и вину.

– Ты извини нас, МАЛКОВ, но штабной писарь по ошибке вместо павшего в бою МАРКОВА, вписал в списки убитых твою фамилию. Уж очень они созвучны. Похоронка телеграфом ушла в Союз. Даю тебе отпуск домой, может, успеешь опередить эту черную весть. Проездные документы уже оформлены. Дано указание снова внести тебя в списки живых. Теперь уж точно не пропадешь, если верить приметам.

Через час на “вертушках” вместе с ранеными я летел в Кабул, а оттуда без задержки в Ташкент. И там ждал всего несколько часов до самолета на Челябинск. Посчастливилось и в родном краю, подвернулся попутный молоковоз, как он очутился в аэропорту, и сейчас не

знаю. Его шофер довез меня до самого дома, хотя пришлось ему сделать крюк в сторону.

Захожу во двор. Мать хлопает половики, лицо горестное, сама сгорбилась – не узнать. Увидела меня – сжалась вся, побледнела, словно мукой посыпали, и не ко мне навстречу, а к соседке в калитку метнулась! Вместе смотрят на меня с чужого двора.

– Сашенька, ты ли это? – кричит соседка, Елена Романовна ИВАНОВА.

– А кто же еще, тетка Лена! Неужели не признали? – Хочу крикнуть громко, а горло спазмы сдавливают. Задыхаюсь.

Они через ограду – да бегом ко мне. Мать водит дрожащими ладонями по моим щекам, будто ощупывает. Все еще боится – не поблазилась ли. А потом уткнулась лицом в мою грудь и ревет. Слезы словно огнем прожгли гимнастерку, тельник и меня до самого сердца.

Улетать снова в Афганистан было трудно и как-то обидно. Дома парни с девчонками гуляют, к свадьбам готовятся. Никто всерьез и не говорит о войне, никого она, кажется, не волнует. Люди в Союзе тогда толком о ней ничего и не знали. Не принято было писать про войну в газетах и говорить по радио, хотя в Афганистане в тяжелых боях гибли наши ребята. Всем нравился мой настоящий южный загар, удивляли лишь встревоженные войной глаза.

ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ?

После Панджшерской операции нас перебросили в другой район, на такую же важную и беспокойную дорогу – Кабул – Джалалабад. Был ранен и контужен. Два бронетранспортера взрывались подо мной. Представляли к Красной Звезде, но документы, видимо, затерялись на нелегких афганских дорогах. Счастлив, что в трудные дни не дрогнул сам, испытал крепкую мужскую дружбу, видел настоящее мужество. Никогда из моего сердца не уйдет помкомвзвода Олег ЦАРЬКОВ, озаривший своей жизнью нас, однополчан, и жизни наших детей.

Интернациональной помощи, как она нам представлялась, в Афганистане не получилось. И, наверное, потому, что мы и афганцы живем совершенно в разных измерениях, в непохожих мирах. Во мно-

гом мы не понимали афганцев, как и они нас. То, что вся наша страна хотела им только добра – святая правда. Но и добро делать – надо тоже уметь. Пример тому - наша сегодняшняя перестройка. Сколько благих задумок и намерений, даже законы принимаются, а до улучшения жизни, как до луны. Пока что возрастает нервозность людей и общее напряжение. Идем, как по лезвию ножа. И все-таки надеемся на успех. Время покажет. И в истории с Афганистаном рано ставить точку, еще не все встало на свои места. Но совершенно определенно – и та страна проснулась от глубокого сна. Поживем – увидим. Большое видится на расстоянии.

И подумалось о “потерянном поколении”, как сегодня нередко называют ребят, вернувшихся с афганской войны. Нет, МАЛКОВ не потерял! Я знаю сотни таких же. Кто имел духовный стержень в себе, тот и пройдя через это страшное горнило, не согнулся. Сломались и потерялись те, кого мы не сумели воспитать в семье, в школе, в обществе, а теперь пытаемся, прикрываясь той войной, переложить свои просчеты в воспитании на чужие плечи. По старому принципу – война все спишет.

Нет, не спишет! Не может списать. И так думаю не я один. Недавно прочитал тетрадь стихов, написанных в Афганистане курганцем, гвардии сержантом Михаилом СОРМАЧЕВЫМ, не вернувшимся с огненных полей войны. Он свои мысли о судьбе прошедших через бои товарищей выразил так:

*Бывало трудно так, что руки опускались.
Бывало, ненавидел белый свет,
Одни, как ветки на ветру, ломались,
Свернув с дороги, не взглянув нам вслед.
Кто вынес все, остался сам собою,
Тому глаза ни перед кем не опускать,
Тот вспомнит о друзьях своих с тоскою,
С кем довелось и жить, и умирать.*

Точнее и честнее не сказать, чем рядовой участник афганских событий.

Геннадий Устюжанин

С учений - в Афганистан

Среди выпускников военных училищ, когда заходил разговор о распределении, была поговорка: “Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют”. И вот в 1979 году после 3 лет службы в Германии, я был назначен на Кушку, а в январе 1980 года был уже в Афганистане.

А происходило это так: 11 декабря 1979 года нашу дивизию (командовал ею тогда генерал ШАТАЛИН) подняли по боевой тревоге и вывели в запасной район. Началось ее отмотбилизация до штатов военного времени. Ко мне в роту (тогда я служил в ремонтно-восстановительном батальоне) призвали из запаса 12 человек – это одна треть от численности по штату мирного времени. Среди них были разные по возрасту и подготовке люди от 25 до 48 лет. Это бывшие инженеры, шоферы, колхозники. Их переделали, вручили оружие, посадили на технику и начали готовить к каким-то особым событиям. Мы не знали, что нас ждет, куда мы двинемся или от кого будем защищаться.

Кстати, ребята, призванные из гражданки на 20-дневные учебные сборы, с честью выполнили возложенные на них обязанности. Но только не через 20 дней, как планировалось, а через 3 месяца возвратились домой.

Дело в том, что в то время в Иране захватили американских дипломатов и длительное время удерживали их в заложниках. Среди нас бытовало мнение, что боевая тревога и вся наша подготовка проводится в связи с этим. Об Афганистане не было даже слухов.

И вот 28 декабря 1979 года наша мотострелковая дивизия, почти на одну треть состоявшая из военнослужащих, призванных из запаса, пересекла государственную границу и вошла в Афганистан.

Первые и навсегда запомнившиеся впечатления: горы, камень, песок, песчаные бури – “афганцы”. Железных дорог нет. Глинобитные, в основном, убогие, дома. Нищета. Все от мала до велика торгуют, меняют, выпрашивают “бакшиш”. Агрессивности среди населения не чувствовалось. Нападали редко, и в основном из засад, на одиночный транспорт. По крайней мере, в Шендантской провинции, где мы дислоцировались, было так весь 1980 год. За другие провинции говорить не берусь. Страна очень разная. И отношение к “шурави” было разным.

Досталось больше всех вертолетчикам и разведчикам. Они были обязаны обнаруживать базы “душманов” (так мы звали афганцев, воевавших против нас). Когда базы обнаруживались, направлялись силы для их уничтожения. Операции проходили, чаще всего успешно. Но уже были и потери.

*Марат Шаймарданов,
ныне подполковник запаса, г. Шумиха*

Самый длинный день

Шел 1980-й год и пятый месяц моей службы в Афганистане. В городе Нангалам и его окрестностях хозяйничали моджахеды. Задача по ликвидации одной из их банд была не проще и не сложнее других, она была просто очередная. Позднее ее назвали “Майская”, потому как проходила она во второй половине мая. Каждому не хотелось думать о плохом в это чудное время, когда на родине расцветала сирень, а нам предстояло идти на операцию по раскаленной солнцем земле, задышаться от жары и “афганца”.

На задание колонна бронетехники следовала среди гор по ущелью. Иного пути не было. Наш третий батальон шел впереди. Преодолев нелегкий путь, мы подошли к городу. Оставив технику на безопасном расстоянии, командир роты капитан Островский объяснил обстановку и поставил задачу.

Время приближалось к полудню. На зубах скрипел песок, очень хотелось пить. Но в это время мы думали не об этом. Предстояло штурмом взять полуразрушенный город. В нем укрылись душманы. Они знают местность и заняли удобные позиции.

Мы, в свою очередь, стали подходить к селению, вернее к тому, что от него осталось, небольшими группами, чтобы рассеять внимание душманов. Вот прозвучали первые выстрелы, которые известили о начале операции. Солнце нещадно жгло, от жары негде было спастись. Одежда прилипла к спине. Сжав зубы, мы терпеливо всматривались в городские окраины. Разведка, пытаясь просочиться в город, тем самым вызвала огонь. Не выдержав, душманы открыли яростный огонь. Они следили из своих укрытий за нашими перемещениями. Нельзя было расслабиться ни на секунду.

По команде мы поднялись и пошли вперед. Пули душманов посыпались на нас, как град. Пришлось отступить. В это же время бойцы другого батальона попытались штурмом взять хоть небольшой участок, но тоже были отбиты. После коротких передышек мы снова шаг за шагом стали подступать к окраинам. Снайперы моджахедов мешали продвижению, удобно замаскировавшись в ущельях. Изнуряющая жара, постоянное напряжение и потери не могли не сказаться на нашем самочувствии. Душманы обнаглели, уже не таились и перестрелка шла по всей линии их обороны.

Этот день показался мне самым длинным днем в моей жизни. Метко

Леонид РУСАНОВ

стреляли снайперы, засевшие в ущельях, грохотали длинные очереди вражеских пулеметов, были лихие вылазки наших смельчаков - разведчиков, были раненые и убитые бойцы. Рядом со мной разрывом снаряда контузило моего друга. В такие минуты, когда смерть проходит совсем рядом, начинаешь по другому смотреть на мир. Хочется жить, творить добро. А тут война ...

Убедившись, что город не взять своими силами, командиры по-

просили у авиаторов подмоги. От мысли, что вот-вот придёт подкрепление, мы воспряли духом. Наконец, услышали гул вертолетов МИ-24, обладающих большой боевой мощью.

Все смешалось на земле. Столбы пыли и дыма поднимались к небу. У летчиков особое чутье, огневая мощь, меткость и скорость. Они и помогли успешно выполнить боевую операцию. Правда, это было уже ночью.

Мы не заметили, как забрезжили первые лучи восходящего солнца. Утро в тот день было для живых, а павшим нашим боевыми друзьями – честь и слава.

И с годами не забываются бои, хотя и снятся реже. Память вновь и вновь переносит меня на землю Афганистана, где нам, молодым ребятам, достались сполна бессонница тревожных ночей, потери друзей, седина, так рано побелившая виски.

Леонид Русанов, Частозерье

Горы не прощали расслабленья

Яучился в Петуховском техникуме механизации и электрификации сельского хозяйства, когда подошло время служить в армии. Нас, группу ребят, призвали по специальному набору и отправили в Туркмению, в школу по подготовке водителей большегрузных автомашин.

В ноябре 1980 года был уже в Кабуле, получил назначение в 738-й дивизион водителем “Урала”. Наш взвод обеспечивал всем необходимым советские блокпосты по “дороге жизни” от Кабула до Саланга. Завозили боезапас, горючее, продукты, воду, охраняли колонны с грузами. Беспокойная и опасная была служба, но мне везло, а может быть мы очень чутко реагировали на все, что могло угрожать выполнению задачи.

Перед Новым годом передислоцировались. Теперь у нас под обеспечением стали блокпосты и другие службы от электростанции Суруби до города Джалалабада. Задачи были те же, но служба стала сложней. Участок находился в предгорных Гиндукуша. Справа от дороги – отвесные скалы, слева – горная речка. Масса крутых пово-

Виктор ЮДИН

ротов, подъемов и спусков. Тут-то и устраивали засады душманы. Много было острых и тяжелых боев, но я расскажу лишь об одном дне.

Дивизионом тогда командовал майор КИБЕЦ, начальником штаба был капитан ЛЕТНИК. Они были очень грамотными и умелыми командирами. Опираясь на данные нашей разведки и царандоя (милиционеров-афганцев), командиры настолько оригинально организовывали охрану и сопровождение колонн на вверенном нам участке,

что на протяжении года наша часть не понесла никаких потерь. В дивизии нас называли “королями Джалалабадской трассы”. Расположенные на этой дороге блокпосты тоже держали высокий авторитет.

В декабре 1981 года командование дивизионов решило отправить сводную колонну в штаб дивизии чтобы получить на складах боеприпасы, продовольствие и горючее. Водители, как всегда, старательно готовили свои машины к маршу, тренировались отбивать нападение “духов”. Правда, на этот раз среди водителей было много молодых солдат, которые ни разу не ездили здесь, в Афганистане.

На утреннем разводе командир дивизиона зачитал приказ о марше до Кабула. Колонна была небольшая: 3 Урала - наливника, 6 сухогрузов, 4 бронемшины для прикрытия. Старшим колонны назначили начальника штаба, также в колонне ехали заместитель по технике, начальник финансового отдела, начальник склада ГСМ.

Колонной из 13 машин мы двинулись на север от штаба дивизиона. До электростанции Суруби трасса пролегла по низкогорью. Автомобили легко преодолевали подъемы, спуски и делали виражи. Трасса ведущим была знакомая. Ничего не предвещало беды. Пройдя километров 20, первые машины остановились. По колонне передали: “Стой! Опасность!” Я на своем “Урале” шел третьим, вторым шел молодой водитель. Впереди шли машины ПТУР и БРДМ командирский с группой офицеров. На дороге обнаружили галошу и под ней записку с текстом на афганском языке. Офицеры повертели ее, посоветовались, начальник штаба положил записку в планшет. Колонна двинулась дальше. Километров через 15 снова остановились. Дорогу перегородил автомагазин ГАЗ-53. Водителя и продавца нигде не было. Фургон был открыт, товар и вещи разбросаны, стеллажи переломаны.

Командир ЛЕТНИК приказал мне лебедкой оттащить автолавку в сторону. Ребята из охраны подобрали вещи и продукты. Командир колонны по радио передал о случившемся в штаб дивизиона. Мы двинулись дальше. Ехать стало веселее, пили сок, ели конфеты, печенье. Охрана колонны расслабилась, отвлеклась от несения службы, перестала следить за окрестностями дороги.

Близ станции Суруби в командирский БРДМ, в открытый десантный люк, попал снаряд из гранатомета. Рвануло, взлетел столб дыма, машина резко вильнула в сторону, наскочила на ограждение края пропасти и, перескочив через него, упала в пропасть. В этот момент на

колонну посыпался град пуль и загрохотали выстрелы гранатометов. Душманы стреляли с отвесных скал, из укрытий.

Впереди, на невысокой скале, я увидел четырех душманов: двое стреляли из станкового ДШК, один – из гранатомета по первой машине ПТУР. В зеркало заднего вида я заметил, как вспыхнул один бензовоз. Колонна остановилась, ребята повыскакивали из машин и стали отстреливаться. Первая машина ПТУР развернула свой пакет и оператор произвел выстрел, остановив ненадолго нападавших. Душманы замешкались.

Этим замешательством мы воспользовались. “Уралы” смогли вырваться на проезжую часть и поехали дальше. Ко мне подбежал водитель одного бензовоза и сказал, что у него в кабине тяжело ранен начальник склада ГСМ прапорщик ТАРАНОВ. Мой автомобиль был цел. Мы быстро перенесли прапорщика в кабину. Я запустил двигатель, включил передачу и рванул с места. Отстреливаясь в открытую дверь, начал набирать скорость. Вдруг машину подбросило. Автомобиль стал плохо слушаться руля. Прапорщик стонал. Пришлось отложить автомат и взяться за руль обеими руками.

Вторая граната, выпущенная душманами из гранатомета, застряла с моей стороны между крылом и кабиной. Видно было, как горели остатки от порохового заряда на гранате. Но на мое счастье она не взорвалась. Видимо, впопыхах душман забыл снять предохранительный колпачок на взрывателе.

Добравшись до блокпоста, мы с ребятами вытащили прапорщика ТАРАНОВА из кабины. Он был мертв. Царандоевцы уже готовили БМП для выезда к нам на помощь. Ребята с бензовозов, которые прорвались сюда раньше, уже сидели на броне БМП и заряжали магазины патронами. Я оставил автомобиль на обочине и забрался к ним на броню. БМП рванулась на выручку нашим ребятам.

Когда мы подъехали, бой уже затихал. Одиночные выстрелы были слышны то в одной, то в другой стороне колонны. Уцелевшие ребята начали выносить и перевязывать раненых, выносить погибших. Спустились к месту падения командирского БРДМ. Машина лежала на боку и горела. Возле десантных люков разбросаны трупы наших товарищей: водителя машины, начальника штаба ЛЕТНИКОВА и двух сержантов. Здесь же был и раненый стрелок с БРДМ. В метрах десяти от них лежали шесть убитых душманов. Поставив противошокое и перевязав раненого, мы начали поднимать наверх своих товарищей. Погрузив раненых в уцелевший автомобиль, а в другой – тру-

пы погибших товарищей, отправили машины на блокпост. Сами начали буксировать поврежденные машины на электростанцию Суруби.

В этот раз мы понесли большие потери. Было очень больно за погибших наших товарищей. Весь оставшийся путь ехали молча, ругая и виня себя в случившемся. Ведь будь мы настороже, может и не было бы такой трагедии. Я уверен, каждый в душе поклялся отомстить душманам за товарищей.

В декабре 1981 года при выполнении очередной операции по сопровождению колонны через Саланг мой автомобиль подорвался на mine “итальянке”. Я получил контузию и был госпитализирован. После лечения вернулся в свою часть и продолжал служить в качестве заместителя командира взвода.

23 февраля 1982 года был награжден медалью правительства Афганистана - “За отвагу”. Ее вручал мне сам Бабрак КАРМАЛЬ – Генеральный секретарь НДПА.

Виктор Юдин,

с. Обухово, Притобольный р-н

Последняя граната

В моей памяти запечатлелись навечно пыль дорог, жаркое солнце Афганистана, темное, как сажа, ночное небо с огромными звездами, росчерки трассеров на нем. И, конечно, рейды с боями, смертельная “зеленка”, красная пыль, барханы пустыни Регистан, горы без деревьев и травы, желание пить. А самое главное – память сердца о моих товарищах, с кем преодолевал все превратности войны. Радость, когда после успешной операции живыми возвращались в полном составе в лагерь, горе по погибшим друзьям, с кем делил последний глоток воды и последний сухарь, последний патрон и гранату.

На войне в какой-то степени стираются официальные грани между офицером и солдатом, хотя командир есть командир, ему принимать решения и нести ответственность за все, особенно в боевой обстановке.

И все это прекрасно понимали. Без полного доверия между командиром и подчиненными там служить было бы очень трудно, хотя случалось всякое. На войне, как на войне. Встречал настоящих героев и трусов среди офицеров и среди рядовых, были и подлецы, готовые

Павел МАЛКОВ

за афгани все продать. Все было.

Главным мерилom жизни в Афгане для нас был Суворовский наказ – сам погибай, а товарища выручай. Этот завет выполнил до конца мой сослуживец, лейтенант Саша Демаков. Он служил не у меня в батальоне, но встречались мы часто в лагере, где стояли, и на операциях. А познакомились так. Нашему батальону придали для усиления роту из первого батальона. Мы вместе остановились на привал. Температура зашкаливала под 50 градусов. Вокруг ни одного деревца или кустика. Спасались от солнцепека под днищем бронетранспортера. Вижу, подползает ко мне лейтенант. Мужик крепкий, лицо, хоть и все в пыли, улыбочивое. Докладывает: “Прибыл с ротой для

подкрепления в ваш батальон. Комбату уже представился и как замполит представляюсь вам: – Александр Демаков, – и протянул руку.”

Не успели мы с ним присмотреться друг к другу, перекинуться несколькими словами, как около нас появился варан, сантиметров под сорок, видимо, тоже скрывался от солнца. Но так как мы мешали ему отдыхать, варан сразу вцепился в ботинок Саши. Такого крупного варана я видел в первый раз и не знал, что делать. Саша стряхнул с ноги непрошеного “гостя” и когда тот раскрыл пасть, кинул ему в рот несколько сигарет. Варан тут же убрался.

Та операция прошла для нас довольно спокойно. Вернулись в лагерь усталые, но без потерь. Позднее были еще совместные операции. И был наш последний бой.

В апреле 1982 года мы “чистили зеленку” по реке Аргандаб. Наш батальон шел по левому берегу, а первый батальон – по правому. Мы легко сбили несколько слабеньких постов душманов и вышли на высокий берег реки. Перед нами открылся левый берег. Там, видимо, вел тяжелый бой с “духами” первый батальон, где был и Александр Демаков. Бесперывная стрельба гремела на том берегу.

Две роты моего батальона залегли под деревьями и ждали приказ. Я доложил комбригу о выполнении задачи и попросил разрешения перейти на правый берег, чтобы помочь первому батальону. Комбриг запретил это делать, сказав, что ожидается выход крупного отряда душманов в наш тыл. Его сейчас вытеснил с позиций и преследует афганский полк царандоя.

В это время я услышал по радиостанции доклад Саши Демакова своему комбату о том, что он с группой бойцов попал в засаду и ведет тяжелый бой. Сам бой я видеть не мог, так как сплошные сады все закрывали. Душманы мелкими группами до десятка человек, вытесняемые первым батальоном, пытались перейти Аргандаб, выбраться на наш берег, но мы отсекали их огнем, уничтожали. Позиция у нас была отличная: полный контроль над рекой. Лежать без активного действия, когда на другом берегу наши товарищи дерутся с душманами, было тяжело.

Новое сообщение от Саши Демакова по радиостанции я услышал в 13 часов. Он докладывал своему комбату, что преследует группу “духов”. Но они отвечают плотным огнем. Саша упорно стремился “достать” бандитов. Эта банда доставляла нашей части много “беспокойств”, если это можно так назвать. Они часто вели обстрелы колонн на первом километре входа в Кандагарскую “зеленку”. На обо-

чинах дороги лежат десятки сгоревших машин, расстрелянных в упор душманами. Банда беспощадно вырезала семьи афганских активистов, жгла школы, отстреливала из снайперских винтовок наших бойцов.

Преследование бандитов было стремительным, но в результате группа Демакова попала в засаду. Бой завязался тяжелый. Полтора десятка наших бойцов оказались в окружении нескольких десятков “духов”, вооруженных очень мощно. “Духи” сидели за дувалами и вели огонь по группе с трех сторон, а наши были на поле. Используя численное превосходство, душманы несколько раз попытались атаковать, но под огнем наших бойцов отступали. Саша знал, что помощь придет, но сумеет ли его группа продержаться до подхода своих, выдержит ли огонь врага?

По правилам боевой тактики лейтенант Демаков должен был оставить группу прикрытия из 3-4 человек (можно сказать, смертников), а самому вывести остальных из-под огня. Но комиссар Демаков принял другое решение. И я его прекрасно понимаю. Как командир он чувствовал вину за то, что его люди попали в засаду из-за того, что он как командир не сумел все предусмотреть. И он отдал приказ сержанту Валиеву отходить с бойцами к арыку, где еще можно было спастись. А сам остался прикрывать отход своих бойцов. В это время пуля обожгла плечо лейтенанта. Валиев крикнул:

– Уйдем вместе, лейтенант!

– Я приказываю отходить! – ответил Демаков. – Я их задержу, а вы от арыка ударьте им во фланг. А там и наши подойдут. Только оставьте мне несколько гранат.

Душманы увидели, что бойцы Демакова уходят из окружения и бросились вперед, но взрывы гранат и автоматные очереди Демакова их остановили, заставили уйти за укрытия.

Несколько раз шли “духи” в атаку на лейтенанта, но под его огнем откатывались назад.

За ходом схваток я следил по звукам боя и по докладам Саши по радио. До последнего момента он поддерживал связь с комбатом:

– Командир, отбил еще одну атаку. Ребята вышли. Ранен, сейчас сделаю перевязку.

– Снова атакуют, гады. Еще держусь ... Опять ранен. Держусь, выстою ...

– Командир, я ранен в четвертый раз. Осталась одна граната ...

И после этого Саша не выходил в эфир.

Когда взвод Кушнарева прошел к месту боя, там были одни мертвые душманы и среди них ротный замполит Саша Демаков.

Последнюю гранату он взорвал на себе, чтобы осколки Ф-1 поразили как можно больше врагов, которые окружили его, желая взять живым.

В тот день я очень сожалел, что не нарушил приказ и самовольно не пошел на выручку другу. Банду мы уничтожили. Взяли много трофеев, оружия. За этот бой лейтенанту Александру Демакову было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Впоследствии так поступил и Николай Анфиногенов, наш земляк, – прикрыл отход своих товарищей и последней гранатой подорвал себя и окружающих его душманов.

*Павел Малков, полковник запаса,
замкомбата по политчасти в Афганистане*

Нас готовили побеждать

Как я попал в Афганистан? Это долгая история. Закончив с отличием профтехучилище, поступил в Шадринский индустриально-педагогический техникум. Учился хорошо. И никогда не расставался со спортом: выполнил норматив кандидата в мастера по боксу, успешно занимался борьбой, тяжелой атлетикой, волейболом, баскетболом. Летние каникулы проводил в стройотряде.

В мае 1975 года был призван в погранвойска. С отличием закончил сержантскую школу. Из 250 выпускников лишь четверым, в том числе и мне, было присвоено звание сержантга. Затем были курсы старшин, служба на одной из дальневосточных застав. Отвечал за питание, обмундирование пограничников, обучал их рукопашному бою и боксу.

В июне 1977 года демобилизовался и по комсомольской путевке был направлен на службу в органы внутренних дел. Был командиром отделения, помощником дежурного, участковым инспектором. И, вдруг, как гром среди ясного неба, предложение стать бойцом подразделения спецназа, предназначенного для службы в Афганистане.

Но до Афгана пришлось попотеть в Узбекистане, где стоит такая же дикая жара и сечет тело раскаленный песок. Нас гоняли по барханам и сопкам, обучали подрывному делу и стрельбе из всех видов оружия и из любого положения; до автоматизма отработывали приемы рукопашного боя.

Кабул встретил жарой и пылью. По улицам ехали оранжевые такси, неторопливо шествовали верблюды, а на обочинах азартно торговали ремесленники и кочевники.

Каритьян АХМЕТОВ

Напряженным был 1982 год. Шла активная подготовка к ликвидации одной из самых крупных банд, возглавляемых Ахмат Шахом Масудом. Обосновались душманы в Панджшерском ущелье. Скрытые тропинки отсюда вели к трассе Кабул - Хайратон, а могли под-

вести неприятеля и вплотную к столице. Так что все мы были начеку.

Несколько точных выстрелов – и пулемет душманов у входа в пещеру обезврежен. Стремительная атака – и подразделение десантников и бойцов спецназа блокировало пещеру, взяло в плен находящихся там моджахедов.

... Дорога Мазари - Шариф - Хайратон. Отъехали всего километров двадцать. Вдруг первый БТР, где был командир группы, исчез из поля зрения. А через несколько секунд взрывная волна хлестко ударила по нашему. Когда пыль и дым рассеялись, мы увидели, что БТР, подорвавшийся на mine, горит, а с бархан окружающих дорогу, поднимаются душманы.

Мы организовали круговую оборону. Вызвали по радиации подкрепление. Сами вели огонь. Не давая возможности душманам вести прицельный огонь, приблизиться, обеспечили возможность примкнуть к нам тем, кто остался жив на подорванном БТРе. Держались полтора часа. А потом прилетели долгожданные “вертушки” и рассеяли банду по пескам.

Много было и других заданий у спецгруппы. И они были четко выполнены, потому что нас для этого отлично подготовили.

***Каритьян Ахметов**, кавалер двух орденов
Красной Звезды и медали “За отвагу”, Каргапольский район*

Участник Великой Отечественной войны Герой Советского Союза Николай Исакович Попов среди награжденных медалями воинов-интернационалистов.

А оружие оказалось ...

Погрузившись ночью в Белоруссии, мы днем уже прилетели в Кабул. Почувствовали себя здесь подобно рыбешкам на раскаленной сковородке. Жгло солнце, жаром дышала окаменевшая земля, а начавшийся ветер “афганец” сек песком лица и руки. Сразу захотелось пить. Но уже на поле аэродрома нас предупредили – нигде не брать и не пить воду, кроме как в части, если нет желания подхватить желтуху.

По дороге из аэропорта мы узнали, что едем в правительственный дворец. Полк, в который нас зачислили, несет охрану в резиденции Бабрака КАРМАЛЯ. Но и там от жары не было спасу. От резкой смены климатических поясов и высокогорья – запокачивало. Никогда бы раньше об этом и не подумал: оказывается, здесь не хватает кислорода. И это ощущаешь, пока организм привыкает.

Не успели оглядеться, как к концу недели меня зачислили в третий батальон, который находился в Кандагаре. Полетели туда. Батальон наш был постоянно в деле. И, может быть, это спасало нас от черепашого течения времени, которое сильно ощущаешь на Востоке. В походах оно все-таки идет быстрее. В Афганистане на многое пришлось смотреть во все глаза и, тем не менее, многое не понимать.

Мы очень тесно сотрудничали с афганскими воинскими частями. И первый наш совместный рейд был по призыву населения на службу в армию. Когда мы пошли на эту операцию, то думали, что будем охранять призывников от возможного нападения душманских банд. А на деле все оказалось совсем иначе: мы охраняли кишлак, чтобы в него никто не вошел и не вышел, а рота афганцев вела там “отлов” тех, кто должен был идти на службу в армию. В этой стране не существует системы призыва в армию через военные комиссариаты, как у нас. Служат те, кого отловят, оденут в военную форму и выдадут оружие.

Часа три шел “отлов”. Подразделение афганцев “мобилизовало” за это время четыре человека. Афганцы говорили: хорошо, что обошлось без стрельбы. Позднее приходилось видеть, как облавы по “набору” в армию проводились вблизи базаров, у дуканов. Получалось что-то похожее на нашу игру в прятки: кто не спрятался – галит, то есть пойдет служить в армию.

Приходилось участвовать в засадах по задержанию душманских

Вячеслав САВИН

караванов. Как-то раз через разведгруппу, а она имела осведомителей - афганцев, было получено сообщение, что ночью через ущелье, находящееся в зоне нашего действия, должен пройти душманский караван. Под вечер в составе полуроты мы с полной боевой выклад-

кой погрузились в четыре БМД и подошли к горам. Около кишлака устроили учения со стрельбой и постановкой дымовой завесы. Мы в это время десантировались из машин и залегли. БМД, постреляв и пошумев, ушли в полном составе. А мы с наступлением ночи вышли в заданный район и блокировали дорогу.

Приятно ночью в горах. Прохлада скатывалась на нас со снежных вершин, а камни, нагретые солнцем за день, медленно отдавали тепло. Чтобы надежнее и спокойнее чувствовать себя, сгруппировались по два-три человека. В засаде главное не задремать: разговаривать нельзя, курить тоже. Время словно замирает.

Караваном оказались четыре нагруженные автомашины. Бой был коротким. Моджахеды, видимо, нас тут не ожидали. Потеряв несколько человек, они разбежались. Четверых мы взяли в плен. Больше всего нас удивило то, что грузом оказались новенькие, еще со смазкой, автоматы советского производства и патроны к ним.

За время службы многое пришлось увидеть и испытать. Я рассказал о случаях, которые меня поразили.

Вячеслав Савин, г. Курган

После похода

Поверишь и в судьбу

Мы с отцом оба побывали в боях. Батя воевал в Отечественную, и с гордостью называет себя десантником. Он и мне посоветовал идти служить в ВДВ. Даже военкома просил, чтобы меня обязательно в десантники определили. Сбылись наши мечты. И сколько у нас теперь разговоров, близких по духу и пониманию... И самое первое, о закалке, выдержке и боевом товариществе десантников.

Правда, у меня служба выдалась отличной от отцовской. Парашют и прыжки с ним были только в учебке. А в Афганистане – баранка ГАЗ-66, крутые горные повороты и подъемы, опасные спуски, когда в полуметре от кабины – уходящие к небу утесы, наледь на узкой ленте дороги и за ней бездонная пропасть ущелий. И никогда не знаешь, где поджидает тебя беда. Но, честное слово, мне очень везло.

2 ноября 1982 года наша колонна втянулась в тоннель на Саланге. Я шел в замыкающей технической группе. Почти перед самым тоннелем мою машину из головы колонны переставили в хвост. Не знаю, что стало причиной, но в центре тоннеля случилась пробка. И десятки ребят задохнулись от выхлопных газов. В их числе был и мой испытанный боевой товарищ Игорь Кравченко из Волгограда. Если бы я шел в колонне на своем обычном месте, такая же участь не обошла бы и меня.

Много раз приходилось попадать под обстрел моджахедов. Как-то душманская пуля пробила лобовое стекло кабины у самого лица. Удар был такой силы, что даже трещин-лучиков не образовалось. До конца службы так и ездил с этой отметиной.

И еще заполнился навсегда день увольнения со службы в запас – 27 апреля 1983 года. Погрузились мы тогда на бронетранспортеры и покатали на аэродром к самолету. Ребята шутили: “Помните, нас в полк везли на “Уралах”, а теперь БТР подали – значит ценить дорожке стали!”

*Юрий Хохлов, кавалер медали “За отвагу”,
с. Барино, Шатровский район*

Мы помним братство боевое

Службу в Афгане я начал не как все: ребята – в полк, а я – в госпиталь. Перед отлетом из Союза утаил, что наколол сильно палец и у меня образовался сильный нарыв. В Кабульском госпитале мне полпальца оттяпали. А почему? В Союзе смекнул, что если узнают про нарыв – оставят, а я хотел в Афганистан вместе с друзьями, хотя мне предлагали остаться сержантом в учебке.

Сделали мне операцию. Очухаться еще не успел, а в палату заходит девушка с букетом цветов. Спрашивает: «Кто из Кургана?» Сердце у меня екнуло от неожиданности.

– Я, – говорю.

Она кладет цветы на мою тумбочку. Улыбчивая вся.

– Земляк, – говорит. – Я тоже из Кургана.

Поговорили с ней душевно о городе своем, о людях наших.

Только она ушла, – парень заходит. Глазами ищет кого-то. Подходит ко мне.

– Узнаешь, земляк?

Смотрю во все глаза, что-то припоминаю.

– Сергей Бесунов я... В одной школе учились, я постарше на пару классов шел. Борьбой еще занимались в секции? Помнишь? Если что, земляк, я тут, при госпитале, на пазике службу нес.

Дружим с Сергеем с той встречи до сих пор.

Там в госпитале еще одного земляка встретил – Сергея Колотыгина. Он шадринец, но земляк-то все равно наша, курганская. Ему ногу ампутировали. Геройский десантник. Орденом Красного Знамени награжден. Я пока в госпитале был, в его палате добровольно пол ежедневно мыл. Когда помоешь пол, то некоторое время в комнате какая-то прохлада стоит. А в Афганистане очень важно, когда прохлада – человеку успокоение и облегчение приходит. Вот я и старался для земляка.

Пришел в полк. В нем до меня наш курганец служил – Николай

Сергей ПЕТРОВ

Анфиногенов, Герой Советского Союза. Его подвиг осенил славой само слово – курганец. Конечно, и я соответственно себя поставил. Чести не уронил. Наш полк 181-й стоял в Теплом стане. Его почти все ребята знают, кто от Кабула на Саланг ходил. Наши посты на этом маршруте до Баграма стояли. Комбат был у нас просто легендарный – майор Циркулов. «Духи» за его голову большие деньги обещали. Умел он их вокруг пальца обводить и добиваться победы. Жаль, он вскоре после моего прихода в Союз вернулся, но все ребята, кто при нем служили, и сейчас помнят геройского комбата.

А мне повезло со взводным. Он из училища – и в Афган, но парень с характером, поставил себя в батальоне так, что с ним считались. Ребята из других рот, наслышавшись о нем, приходили на нашего взводного Юрия Мартиновича посмотреть.

Первая операция по проводке колонны на Гордез была для меня просто ошарашивающей. Все обочины дороги были в буквальном смысле завалены сожженной и искореженной взрывами техникой. Прапорщик, что был со мной рядом, более двухсот единиц угробленной техники насчитал, а потом считать бросил. Я такого навала машин больше нигде не встречал, хотя побывал во многих огнедышащих точках.

Сначала, увидев это, перепугался, что уцелею – даже и не рассчитывал. И действовал не умом, но очертя голову, как в народе говорят. Бояться стал, когда до Приказа, как говорят, считанные копейки остались. Захотелось очень домой вернуться. А тут Пандшерская операция. И перед самым дембелем отчаянный бой у Чарикара, в зеленке. Охотились с духами, кто-кого: то чалма из виноградника высунется, то наша выгоревшая панама. Каменную крепость штурмом брали. Уцелел. Красную Звезду за этот бой получил. А так, за полтора года, более двух десятков серьезных схваток с моджахедами пережил. Такое не забывается, и люди, с которыми шел плечом к плечу, – тоже. К моему взводному в Гомель на свадьбу слетал, пригласил он меня, как боевого товарища. И к Николаю Анфиногенову в Обухово съездил, хотя с ним раньше никогда не встречался; в школу зашел, у могилы постоял. Он всем нам боевой товарищ.

*Сергей Петров, старший сержант запаса,
г. Курган*

Виктор КОЗЛОВ

Страницы из дневника

Гвардии майор медицинской службы Виктор Михайлович Козлов нес службу в отдельном разведывательном батальоне. Принимал участие в активных боевых действиях на территории Афганистана. Награжден орденом Красной Звезды, значком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», несколькими медалями. Свои впечатления записывал в дневник. Несколько страниц из него мы публикуем.

19 июня 1983 г. Ташкент. До Ташкента летели 2 часа 50 минут. После приятной прохлады, регулируемой мощными кондиционерами современного пассажирского лайнера, зной уже на трапе оказался таким, будто ты в теплой одежде оказался в парной нашей русской бани. В штабе Туркестанского военного округа долго ждал, пока выпишут пропуск в отдел кадров. Там мне выдали предписание, согласно которому я должен был заменить офицера, отслужившего положенный ему срок «в районе с жарким климатом».

Когда вышел из штаба, обратил внимание на термометр, установленный в тенистой аллее – он показывал +42°. Ташкент – красивый город, если бы не предстоящая «командировка» и два моих больших чемодана. Пришел в себя, только добравшись до родственников в Чинанзаре. Душ, компот из холодильника, вечерняя прохлада сняли усталость, накопившуюся за последние дни не столько от поездов и самолетов, сколько от неопределенности своего положения. Неопределенность угнетает любого человека, военного – в особенности...

22 июня 1983 г. Кабул. В этот день сорок два года назад началась Великая Отечественная война. Сегодня, бывают же совпадения, для меня начался Афганистан. Начался, как и для многих, с таможни. Обратил внимание на то, что многие пассажиры потратили свой последний день в Союзе на выпивку. Разговорился об этом с одним прапорщиком с медалью «За отвагу» на груди. Он посмотрел с удивлением на мои медицинские петлицы и с неохотой ответил: «Там поймешь...»

До Кабульского аэродрома ИЛ-76 добрался благополучно. Приземлились тоже удачно. Пишу об этом потому, что такое случается далеко не всегда. Из разговоров в самолете мне стало понятно, что за нашими самолетами и вертолетами душманы буквально охотятся, так как им за каждую сбитую машину выплачивается большое вознаграждение. К тому же кабульский аэродром не совсем приспособлен

для приема тяжелых самолетов, так что пилотам требуется продемонстрировать все их летное мастерство и опыт.

До города добирались в открытой машине по пыльной полевой дороге. Пока ехали, стемнело. Познакомиться с городом так и не успел.

26 июня. Баграм. Впервые летел на вертолете. В Афгане их называют «вертушками». Как мальчишка, прильнув к иллюминатору, долго смотрел на землю незнакомой, по сути чужой для меня и всех наших ребят, страны. Голые, пустынные места

Ближе к Баграму стали попадаться оазисы и небольшие поселения вокруг них. Приземлились. Долго ждал машину. Приняли хорошо, рассказали об особенностях жизни и службы, познакомили с расположением части.

В медпункте стол, стул, шкаф, оставшиеся от моего предшественника, да начальник аптеки, награжденный, между прочим, орденом Красной Звезды. В батальоне больше половины с наградами. Боевые, смелые ребята. Выглядят, как правило, старше своих лет. Все не по одному разу участвовали в выполнении специальных заданий. Некоторые имеют ранения.

4 августа. Исталиф. В 19.00 скрытно на трех машинах ГАЗ-66 выехали на задание. Экипировка бойцов весьма разнообразная. Надели кто что хотел. Но зато в боевом снаряжении этого хаоса не было. У каждого только то, что ему предназначалось. У меня как у врача, кроме автомата, запасных магазинов и пары гранат, за спиной еще и увесистая медицинская сумка.

В 21.00 остановились, выставили боковые дозоры и приготовились к встрече каравана с оружием. Спереди послышался лай собак. Подразделения батальона приготовились к бою. Грохот выстрелов и взрывов буквально оглушил. Появились раненые. Мы делали свое дело, помогая им и не обращая внимания на стрельбу. Потом почти одновременно ранило комбата, замполита и меня. Несмотря на сильнейшую боль, теряя сознание, постарался до конца выполнить свой врачебный долг. Перевязал командиров и вытащил их из-под обстрела. Заняться собой уже не хватило сил.

Коллега из госпиталя в течение нескольких часов извлекал из моего тела осколки – 45 штук. По сути встреча с каждым из них могла стоить жизни. Жизнь... Как врач я много раз видел, с каким упорством цепляются за нее тяжелораненые солдаты и офицеры, широкоплечие русские парни, еще вчера шедшие на смерть, защищавшие в бою своих товарищей. Политая кровью дружба, боевое братство, неписанный закон – не оставлять на поле боя ни раненых, ни мертвых – самые сильные впечатления, полученные мною здесь, на афганской земле...

Боевые товарищи мои

Я вспоминаю Афганистан, в первую очередь, думая о своих боевых товарищах. Помню, как около полугода следил за БТРом с дорогой мне надписью на броне : “Курган”. Промчится он мимо, а я в догадках: “Кто бы это мог быть?”. И вот однажды в Хинжане у штаба батальона, смотрю, тот БТР стоит. Подхожу, с волнением спрашиваю у солдата, что сидит на броне:

– Ты из Кургана?

Он смотрит на меня равнодушно.

– Нет, – и замотал головой. – Серега курганец, вон он от штаба идет.

Смотрю, незнакомый парень. Подходит не торопясь.

– Так это ты из Кургана? – спрашиваю.

– Я. А что?

– Да я тоже из Кургана – Сергей Потапов. Смотрю, а у тебя визитная карточка на броне.

– Вот здорово – Серега! Меня тоже Сергеем зовут! А где в Кургане живешь? Где сейчас служишь?

И пошло - поехало ... Общие знакомые нашлись. Оказывается, мы в одной части служим. Я в первом батальоне, а Сергей Шумков, за БТРом которого я столько наблюдал, – во второй роте нашего батальона. Мы ведем наблюдение от Хинжана в сторону Саланга, а они от Хинжана в сторону Пули-Хумри. И завязалась дружба, продолжающаяся и по сей день. Серегу, правда, вскоре здорово на фугасе тряхануло. Колесо БТРа в сторону отбросило, а Шумкова контузило. Но он не растерялся, вызвал подмогу, оборону держал. До самой демобилизации в батальоне у нас говорили, как начальник штаба майор Санталов со своей груди депутатский знак снял и перед строем Сергеем на гимнастерку прицепил, сказав: “Самое дорогое, что могу”. Такие награды больше ордена стоят, когда от всего сердца и принародно.

К боевой награде Шумкова представляли, но он ее так и не получил. Это часто в Афганистане случалось. Так что если у солдата-афганца наград нет – это еще ни о чем не говорит.

Служили в моем взводе Володя Пузырный и Валера Мельник. Отличные пулеметчики и водители БТР. Часто приходилось им по тревоге выезжать на устранение диверсий на трубопроводах горючего. Их так и звали – «трубачи». Служба была у них нелегкая. Как диверсия, так ожидай засаду. Много раз они рассеивали огнем из пулемета

Сергей ПОТАПОВ

засады моджахедов. А как-то раз при замене трубы “духи” устроили мощный налет, шквальный автоматный и гранатометный огонь. Разорвало трубу, горячее струей ударило по броне – и БТР вспыхнул. Бойцы стали спасать машину: вывели «бронник» из-под огня, выбросили боезапас, чтобы БТР не взорвался. Сами получили много ожогов. А бронетранспортер тот в батальоне на постамент поставили как память мужеству моих бойцов. Разве такое забудешь?

Служил в моем взводе Сергей Титовский из села Киселевка, что на Черниговщине. При устранении диверсии на трубопроводе он погиб. Осколок гранаты пробил комсомольский билет и сердце Сергея. Очень мы все переживали о потере замечательного товарища и бойца. Несколько раз я брался за ручку и бумагу, чтобы сообщить о горе его маме Ольге Николаевне, и не мог. Ведь это матери письмо. О награде его – ордене Красной Звезды – писал в разные инстанции. И как был рад, когда приехав через полтора года на Родину героя вместе со своей женой Таней и сынишкой, чтобы положить цветы на могилу боевого товарища, узнал, что орден сына вручен Ольге Николаевне.

И мать, и односельчане боевого нашего товарища с огромным уважением отнеслись к нашему приезду. Да и не должно быть иначе. Святое дело память однополчан.

Об афганских пацанах сердце болит, красивые ребяташки. С каким восторгом носились они вслед за нашими колоннами! И еще запомнился садовник в Хинжане. Какие прекрасные розы цвели у

него в саду! Он, проходя мимо, уважительно раскланивался с нами, проводил ладонями от глаз к подбородку как бы совершая намаз. Но никогда не разговаривал. Позднее я узнал, что у него душманы отрезали язык, но за что это было сделано, я не знаю. Помню только его печальные глаза и выращенные им прекрасные розы.

Сергей Потапов, старший сержант запаса, г. Курган

Будь бы моя воля...

Ошадринце Сергее Викторовиче Колотыгине мне посоветовал написать участник многих боев в Афганистане курганец Сергей Петров.

– Съездите к нему обязательно, – говорил Сергей, – не пожалеете. Сергей Колотыгин, как и я, сержантом в Афганистане служил, участвовал в боевых операциях, награжден орденом Красного Знамени – редкой для нашего брата наградой. Хотя, главное вовсе не в этом. Сергей просто отличный парень, сумел себя повести героически в схватках с моджахедами, а вернувшись домой инвалидом, остаться в трудовом строю.

И вот я в Шадринске, у Колотыгиных. Уютная, ухоженная квартира. Хозяин – стройный, подтянутый почти по-военному человек, с добрым, спокойным взглядом, располагающим к откровенности.

Сергей – коренной шадринец. Здесь родился и вырос. Один сын у родителей, но не избалован. Закончил Шадринское профессиональное училище № 9. Аттестовали его по четвертому разряду, тогда как абсолютное большинство – по третьему. До воинской службы поработал три месяца.

После призыва в армию направили в учебное подразделение в город Ашхабад. Учили на командира орудия. И тут Колотыгин не подкачал. По окончании учебы ему присвоили звание сержант, на ступень выше, чем остальным.

– Может, потому так вышло, – говорил Сергей, – что к службе я, хотя и не очень, но готовился, – Он улыбается. – Научился мотать портянки еще дома, ходил в армейских сапогах. Увлекался классической борьбой, а там подготовка разносторонняя. Так что служба началась без приключений.

Уже в учебке знали, что поедем в Афганистан. Но при распределении туда отправили не всех. Я остался в учебном подразделении, а через два месяца скомплектовали еще одну группу для сороковой армии, в которую и я был зачислен. Приехали мы в город Термез. Половина из вновь прибывших ушла в Афганистан, а меня и еще нескольких ребят оставили служить в Термезе. Мы это посчитали несправедливым. Почти все написали рапорта командованию о желании служить в Афганистане. Просьбу вскоре удовлетворили.

Хотя ребята и знали о положении дел в Афганистане, но Кабульс-

Сергей КОЛОТЫГИН

кий аэропорт встретил их в другом облике, чем виделось из-за границы. Сергей увидел у трапа самолета солдат, экипированных по-

боевому: каски, автоматы, выбеленное солнцем обмундирование, на поясах фляжки и котелки.

Десантно-штурмовой батальон, куда пошел служить Сергей Колотыгин, находился в пригороде Джалалабада. Знаменитая “зеленка” начиналась почти сразу за ограждением. Поэтому строгий приказ – без разрешения за территорию части – ни шагу. Хорошо хоть встретил тут друга Колю Анкудинова, с которым вместе призывался из Шадринска. Только тот попал в Афганистан тремя месяцами раньше.

Несколько раз Сергей побывал “на боевых”. Его поразил один случай. Вблизи аэродрома в Джалалабаде был сбит из пушки самолет. Начали прочесывание местности. Сергей рассказывает:

– Идем группой. Навстречу старец погоняет верблюда, впряженно-го в повозку, накрытую ковром. Подняли ковер, а под ним безоткатная пушка. Оказывается, дед таким образом вывозил пушки на позицию, брал самолет на прицел при взлете и стрелял. Сбил две боевые машины.

В ноябре 1984 года в провинции Нангархар, в районе Черных гор, началась крупная операция афганской армии по уничтожению банд моджахедов и иностранных наемников. На помощь было брошено несколько наших воинских подразделений. Главной задачей их было уничтожение баз душманов, находящихся в горных ущельях.

19 ноября боевая группа из 12 человек, в составе которой находился и Сергей Колотыгин, вылетела на разведку на вертолете МИ-8. Перед этим попытка разведать обстановку была предпринята афганскими вертолетами. Но выполнить задачу им не удалось.

При полете к намеченному для разведки месту, группа попала под плотный огонь ДШК. Вертолет буквально изрешетило. Четверо бойцов были убиты, поврежден двигатель. Сергей получил ранение в правую ногу. Легчикам просто чудом удалось посадить подбитый вертолет. Под огнем моджахедов те, кто остался в живых, выбрались из вертолета, заняли оборону. Завязался бой. Раненый Сергей сумел не только вынести свой автомат и боезапас к нему, но и радио. По ней командир и связался с группой управления боевой операцией, попросил подмогу. Пока на помощь прилетели вертолеты, группа вела неравный бой с моджахедами, отбив несколько атак, а вертолетчики в это время восстанавливали поврежденную машину. Когда подошла помощь, Сергей Колотыгин уже не мог сам добраться до вертолета. Его внес в вертолет и уложил там командир, расцеловав на прощание.

Через семь часов после ранения Сергей оказался на операционном столе. Последовала ампутация ноги.

Сергей смотрит на меня смущенно:

– Меня часто спрашивают: “За что награжден?”. Отвечаю: “Если бы наградной лист читал, то знал. А так – раненый, почти в беспямятстве вместе со всеми вел бой с моджахедами. Рация, что вынес из вертолета, может быть, спасла жизнь нам всем, уцелевшим после схватки с душманами”.

Я никогда не спрашиваю бывших афганцев о наградах. Самая высокая из них – они живыми вернулись с войны, где ежесекундно ходили по лезвию бритвы, между жизнью и смертью. И будь бы моя воля, я каждому из них на пиджак навечно привинтил орден особого мужества. К сожалению, в ту войну даже об исключительных солдатских подвигах в печати не говорили. Война была необъявленной. А потому еще более непонятной и жестокой. Это ощущают ее бойцы и сегодня. Отсюда родилась проклятая нами чиновничья оговорка: “А я вас в Афганистан не посылал”. Не посылал – это точно. Для большинства солдат быть в Афганистане стало не только приказом Родины, но и собственного сердца. Этого-то бездушному чиновнику не понять.

Боевой орден Сергею Колотыгину вручили в родном Шадринске в декабре 1985 года.

Геннадий Устюжанин

На службу и товарищей не в обиде

Под Новый 1984 год с группой молодого пополнения я прилетел в Кабул. Был зачислен в Невельскую дивизию, в третий горно-стрелковый батальон. В этом же полку, но в другом подразделении служил наш славный земляк Николай АНФИНОГЕНОВ, ценной своей жизни обеспечивший отход товарищей. На его примере воспитывались все бойцы полка последующих поколений. У курганцев в полку было особое чувство: и гордости, и ответственности.

Мне довелось участвовать в боях за ущелье Пандшер: 29 июня, на рассвете, наша рота заняла господствующие высоты и завязала бой. Потом авиацией был нанесен удар по «зеленке». И ребята начали продвижение вперед. Наш минометный расчет из шести человек начал поддерживать огнем пехоту. Но вскоре наблюдатели-корректировщики моджахедов засекли наше расположение. Последовал ответный удар и тоже из минометов. Сразу же ранило командира взвода. Я принял командование и руководил огнем батареи. Душманы хорошо знали местность, лучше нас ориентировались в горах и координировали свои действия. Подавить их огонь было очень сложно.

Бой закончился. Подразделения роты продвинулись вперед, а меня и еще одного раненого и одного контуженного на БМП доставили вниз, погрузили в вертолет и отправили в Баграмский медсанбат. Там мне сделали первую операцию по удалению осколков. Как это было, я почти не помню. Нас, тяжелораненых, вертолетом отправили в Кабульский госпиталь. Потом были военные госпитали Ташкента, Ленинграда, где мне сделали еще одну операцию. Долечивался в Крыму.

Если говорить честно, то судьба нам досталась нелегкая. Но на службу и боевых друзей я не в обиде. Мы сделали все, что могли, сделали с мужским достоинством и честью. Что от нас и ожидали земляки. И мы не обманули их добрых надежд.

*Александр Тимохин, рядовой,
р.п. Лебяжье*

Александр ТИМОХИН

Братья

Провожали их на воинскую службу два раза. Первый раз 7-го ноября 1984 года. Хотели забрать на атомную подлодку. Съехалась на провода вся родня, а братьев оставили. Направили учиться в Шадринск на водителей автомобилей. Через год сказали, что служить им придется на границе. Мать обрадовалась:

– Ну хоть в Афганистан вас не заберут ...

Тогда участие пограничных войск в войне тщательно скрывалось.

Не знали Мария Андреевна и Владимир Дмитриевич, что провожают сыновей как раз туда, в самое пекло. И больше года им придется носить в душе боль и тревогу за своих парней. Когда на войне один ребенок – это страшное испытание для родительского сердца. А если их там двое?

Кто знает, может, в ранней смерти родителей виновата не только “маячная” зона, но и Афганистан? И Мария Андреевна, что долгие годы проработала учительницей начальных классов Шутихинской школы, и Владимир Дмитриевич – тракторист, тогда еще совхоза “Мирный” прожили чуть больше шестидесяти лет.

В жизни сельских мальчишек все просто: можно хулиганить, но надо знать меру, можно быть лентяем, но родителям помогать все равно придется, можно дерзить старшим, но по большому счету следует им подчиняться. Таковы неписанные законы выживания. Наверное, поэтому сельские парни, а особенно уральцы, зауральцы, сибиряки всегда были в армии на хорошем счету. Если есть приказ – то надо его выполнять. Что тут сложного?

Братья Булыгины быстро освоили премудрости армейской службы. Невысокие и худые, они оказались спортивными, выносливыми.

После школы сержантского состава их в числе немногих отобрали в привилегированный хасанский отряд, на границе с Северной Кореей. Каждого назначили командиром автомобильного отделения.

Однажды их вызвал к себе майор, начальник штаба. И говорил туманно, но высокопарно:

– Если Родина вас попросит послужить ее интересам, то как вы отнесетесь к этому?

Впрочем, страха не чувствовали, об опасности не думали. Жаль только было расставаться с престижной пограничной формой. Некоторые ребята умудрились срезать околышки с фуражек на память.

Афганистан

Прощай, Дальний Восток! С его тяжелым влажным климатом. Впереди Таджикистан, ныне печально-знаменитый городок Пяндж. В этих местах разместили сборный отряд для подготовки к службе в Афганистане.

Вспомните, как прошлым летом все изнывали в сорокаградусную жару. А теперь попытайтесь представить шестидесятиградусный зной. Что, трудно? А для мест, куда судьба забросила братьев, это нормальная летняя температура. Солдатам дали время на адаптацию. Днем они лежали в палатках, ночью готовились к войне. Стреляли, бегали, таская на себе снаряжение весом килограммов по пятьдесят. Особое внимание уделялось политической подготовке. Кроме уже известных лозунгов, объясняли парням и правила поведения в чужой стране. Среди обязательных требований было: уважать религиозные чувства местного населения, не отзываться плохо об Аллахе.

Из отряда в 500 человек сформировали мотоманевренную группу.

На границе им устроили торжественные проводы: цветы, пионеры, речи. Переправились через речку Пяндж и сразу поняли: все – другое государство. Вроде и местность та же – гористая, и земля также выжжена жестоким июльским солнцем, а все же что-то не то...

– С нашей стороны как-то красиво, ярко все было, что ли. Современные дома, машины, дети беззаботные. А тут – убогие кишлаки, ослы как транспортное средство, угрюмые бородатые мужчины, запуганные женщины.

К месту дислокации – лагерю неподалеку от заброшенного кишлака шли двенадцать дней. Впереди пешком с собаками и “щупами” проверяли дорогу саперы. За ними гремел танк. Сверху прикрытые – вертолеты.

Северо-Западный Афганистан. Глухие, суровые места, будто иллюстрация к учебнику по истории об эпохе феодализма.

– Нынешние талибы именно из тех мест, – рассказывает Евгений.
– Они религиозные фанатики. За своего Аллаха хоть кому голову оторвут. Из всех достижений цивилизации признают только оружие. А как убого там живут! Ни промышленности, ни сельского хозяйства – ничего нет. Чем питаются – не понятно. Лекарства любят. Все ходили у нас таблетки выпрашивали. Ни школ, ни больниц мы там не обнаружили. А революция для них что-то далекое и непонятное. В очередную годовщину Апрельской революции мы решили им подарок сделать – телевизор показать. У нас был маленький такой, на батарейках. Только включили – они руками замахали, лица стали закрывать, молитву читать. Мы со своей техникой для них кем-то вроде инопланетян оказались.

У местных солдаты научились делать кирпичи. Там глина особенная – на солнце сохнет и хорошо держит форму. Из этих кирпичей отстраивали лагерь: землянки, в которых жили, столовую, баню и даже что-то вроде клуба, куда поставили киноустановку. Сейчас уже все, наверное, разрушили, – вздохнул Женя.

– Конечно, столько лет прошло, – кивнул Сергей.

С продуктами особых проблем не было – все привозили. Конечно, не очень шикарно, но жить было можно. Исправно писали домой письма. Весной в конвертах отправляли засушенные цветки диких маков для младшей сестры. Эта плоть Афганистана до сих пор хранится в учебнике литературы.

Сидят ветераны на диване и вспоминают свою службу, если не с удовольствием, то с теплотой, с улыбкой. Жили там хорошо, дружно. Дедовщины и в помине не было. Во-первых, все одного призыва, а во-вторых; – братья по оружию

– Нельзя было таких вещей допускать. Дело ведь с оружием име-

ли. Ты сегодня человека обидишь, а завтра он в твою печку в землянке гранату подбросит.

А за их спиной была страна. Сильная, огромная, и, о чем они с первого класса знали, самая справедливая в мире. Сомневаться в этом даже не приходило в голову. Впрочем, и политрук был начеку, строго следил за моральным духом. Поэтому исправно несли службу. Патрулировали местность, обыскивали караванщиков. Проверяли, чем навьючены ослы. Случалось, что оружием или наркотиками. И, конечно, стреляли, как на всякой войне.

- В первый раз было жутко, – вспоминает Сергей. – Загнали нас в ущелье, а мы все необстрелянные. Вроде, готовились, учились, а тут растерялись и не знаем, как себя вести ...

Пули не раз свистели возле братьев. И счастье, что мимо пролетали. Только одна Женю чуть-чуть царапнула.

– Боевых потерь у нас в отряде не было. Правда, ранило несколько человек. Да двоих убило: миномет взорвался во время стрельбы из-за заводского дефекта.

– 16 октября, я этот день навсегда запомнил. Дружок у меня погиб, хороший был парень из Казахстана, – сказал Булыгин-младший.

Домой

18 месяцев простоял отряд на “точке”. Улетели на самолетах. Через несколько часов были в Союзе. Увидели, как трактора в поле работают, и поняли: все, дома. А дома шла перестройка. И самое первое, чем она бросилась в глаза – вырубленными виноградниками.

– Из окна поезда было как-то странно это видеть. И жалко.

На поезде проехали половину страны. “До-мой, до-мой.” – стучили колеса.

Сделали четыре пересадки. В Таджикистане в декабре еще было жарко. На Урале в тонких брюках и кителях стало холодно. Замерзшие, голодные, исхудавшие воины-интернационалисты добрались, наконец, до родной Шутихи. Ничего здесь не изменилось. Собака на цепи тявкнула пару раз, а потом завиляла хвостом, узнала. С волнением шагнули через порог дома. Родные стряпали пельмени. Мать с отцом замерли, а сестра кинулась на шею Сергею: он оказался ближе.

Сестренка за два года так вымахала, что братья еле ее узнали.

Первое, что Мария Андреевна сумела произнести:

– Господи, да вас что же, не кормили там? Худющие какие.

Когда наплакались, наобнимались, отец подмигнул Сергею:

– Пойдем со мной.

Пошли к магазину, там стояла толпа желающих отоварить талоны на спиртное.

– А ну-ка, пропустите ветерана! – скомандовал Владимир Дмитриевич.

Мирные дни

В деревне их встречали как героев. Приглашали в школу на классные часы, в сельском Совете обещали помощь и поддержку. Вызывали в милицию, приглашали на работу. Но братья пошли учиться. Закончили физкультурный техникум, устроились на работу, женились в один год. И старшие дочери – Оля у Жени и Наташа у Сергея – почти ровесницы. Женя в школе работать не стал – не его это призвание. Ушел работать в совхоз. А у Сергея мамины гены оказались сильнее. Ведет физкультуру, и работа ему очень нравится.

– Мы первыми в районе ввели трехчасовую программу по физкультуре. И результаты сразу же заметны стали, – радуется Сергей.

Ну еще бы. На соревнованиях спортсмены Шутихинской школы всегда впереди.

У Сергея и сын растет – Андрюша. Жена Таня работает телятницей, зарабатывает по сегодняшним деревенским меркам неплохо. И платят почти вовремя. В этом отношении ТОО “Мирное” отличается от многих других.

Но все сегодня такое неопределенное. Сейчас вот идет разговор о передаче сельских школ на бюджет местных администраций. А дырявее, чем этот бюджет, ничего и придумать нельзя. И не только два физкультурника в школе, а многие другие преподаватели вполне могут оказаться для села роскошью.

– Не будем ли и мы жить так же, как афганцы? – спрашивают себя братья. – Иногда кажется, что к этому и идем.

Афганистан для братьев сейчас – уже только частица их молодости. Жизнь продолжается. Что там еще впереди?

*Оксана Шестакова,
Катайск*

В зенитном дивизионе

В апреле 1985 года наша команда прилетела из Прибалтики в Кабул. Шинели, которые мы сняли с себя при посадке в самолет, больше нам не пришлось надевать до декабря. Жару ощутили сразу, лишь только открылась дверь самолета. Это удивило, хотя мы знали, куда летим.

Наверное мы выглядели неважно, коли отслужившие свое в Афганистане ребята, которые должны были улетать в Союз самолетом, из которого мы выходили, старались подбадривать нас. Они приветливо улыбались и кричали:

– Не робей, братва! Здесь не боги горшки обжигают – “духи” и солнышко, так что все будет нормально. Держите ухо востро, а себя – начеку.

Они похлопывали нас дружески по плечам, словно передавали эстафету.

Сами “дембеля” выглядели браво. Голубые береты, лихо сдвинутые набекрень, хорошо подогнанная парадная форма, у многих боевые награды – все это вселяло и в нас уверенность, поднимало дух и настроение. Что ни говори, а добрый настрой других действует положительно и на тебя.

Служить я попал в зенитный дивизион. Он охранял подступы к Кабульскому аэродрому и сам город. С вершины Мухмандгары, как на ладони, были далеко видны пересечения дорог, аэродром, несколько кишлаков. Здесь круглые сутки было все “натовсь” под пристальным наблюдением. Ночью высвечивали горы, ущелья и всю округу подвесные ракеты, то и дело взлетающие высоко в небо. Свет – серьезная помеха злоумышленникам.

Нам предстояло пройти необходимую подготовку к службе. А это оказалось непростым и нелегким делом. Началась учеба. По несколько раз в день приходилось брать штурмом гору. У подножья отстреляться по мишеням и первую треть высоты пробежать бегом, пока ты проходишь вторую треть горы с полной выкладкой, вторая волна штурмующих стреляет по мишеням у подножья. Ощущаешь это, как пальбу тебе в спину, аж мурашки по коже бегают. Третью часть горы преодолевали, кто как сможет. Чаще всего ползком на четвереньках. Поднялся наверх, язык распух и во рту, как палка. Каждой каплей воды дорожишь. Ведь еще надо будет спуститься вниз. А я был са-

нинструктором подразделения. Мне не только за себя в ответе быть, за всех, с кем беру высоту.

Готовили нас к таким боям, хотя, слава Богу, ни разу не пришлось штурмом брать высоты, или ходить в атаку. Посягнуть на наш пост в открытую душманы не рисковали. Да им бы и не подняться по нашей горе: все здесь хорошо контролировалось и простреливалось. Правда, нас много раз обстреливали, но это издали и, в основном, когда плохой была видимость.

На службе, я считаю, главное не в том, сколько тебе пришлось пострелять, или поучаствовать в операциях, а как ты обеспечил выполнение поставленной перед тобой задачи. Хотя, все из нас попеременно побывали в рейдах по охране автоколонн. Обычно наши спаренные ЗУ-23 на автоплатформах замыкали вереницы наливников и автомашин и давали достойный отпор нападавшим моджахедам.

*Сергей Терехенин,
сержант запаса, г. Курган*

Не забуду тебя, Герат!

Рассредоточиться, прикрыть огнем пехоту! – услышал я в наушниках голос ротного. По-мальчишески, лихо. Повернул свой БТР вправо, опускаясь по склону, к видневшемуся впереди кишлаку. Его нам приказано было взять. Мы неслись вниз. И тут я услышал, как по броне тяжело ударили и с противным воем ушли в стороны первые душманские пули. Резанула градом пулеметная очередь. Тело невольно сжалось, хотя теоретически знал, что броня должна защитить. Инстинктивно пригнул голову, но выпрямился и направил машину в середину кишлака. Там мотострелки уже вылавливали не успевших убежать душманов. Бой закончили, вылез из машины и здесь увидел убитого парня из пехоты. Оцепенел от ужаса. Сердце сжалось: ведь на песке лежал мой ровесник, в такой же, как я, гимнастерке. Кулаки от горя сами взлетели вверх. Хотелось кричать, но я сжал до боли зубы. Это был мой первый бой.

А потом целых тринадцать месяцев из Герата ходили в рейды, то по охране наших автоколонн, то выбивали душманов из “зеленки”, то перекрывали караванные тропы. Бывало, что неделями “загорал” в полку, отсыпаясь, отдыхая, приводя в порядок одежду, обувь и нервы. Сколько раз на службе я говорил спасибо тем, кто научил любить физкультуру и спорт. Когда других жара и нагрузки выматывали вконец, я же чувствовал себя нормально.

В памяти живет еще один рейд, когда наш БТР был оставлен для охраны подбитого “Урала” со снарядами. Останавливать колонну нельзя, вот командир и отдал нашему отделению приказ остаться у машины, а колонна продолжала движение. Ночь в горах наступает сразу, будто накрывает черной шалью.

Трое из нас несли дежурство снаружи, а остальные четверо отдыхали в бронетранспортере. Никто не спал, ведь в любую минуту на нас могли напасть. Мне уже приходилось видеть, что делали душманы с пленными, а потому желание спать не приходило.

Наконец, бесконечная ночь кончилась, мы вздохнули свободнее. Командир машины приказал вырыть окопы, установить мины-ловушки, а трем ребятам сходить на разведку и попытаться запастись водой. Пройдя по дороге, мы за одним из склонов увидели кишлак, а недалеко от него - три колодца. Пока мы набирали воду, вокруг нас собралась толпа местных жителей, они, правда, не высказывали нам ни благожелания, ни ненависти.

Возле машины нам пришлось провести и вторую ночь, и тоже без

сна, но все обошлось.

При форсировании небольшой речки, в одном из рейдов, мой БТР шел следом за танком, тот, выбравшись из воды при подъеме, подорвался на mine. Прямо перед моими глазами встал столб взрыва, которым опорные катки танка подбросило вверх не на один десяток метров, а нас только ударило взрывной волной.

Много раз приходилось участвовать в перестрелках. В одном из ночных рейдов батальон нечаянно заехал на территорию Ирана, откуда срочно пришлось ретироваться во избежание международного конфликта.

1 февраля 1986 года, переслужив три месяца, я демобилизовался и улетал домой. Над Гератом стояла южная ночь, с огромными звездами, которые, казалось, подмигивали мне, как бы благодарили за службу.

*Жавдат Хакимов,
Сафакулевский район*

Всегда ощущали плечо товарища

Я думаю, у тех, кто послужил в Афганистане, первый день пребывания на этой древней земле навсегда отпечатался в памяти. Из Советского Союза мы, группа десантников-первогодков, летели в Кабул самолетом “Ту-154”. Хотя и знали, что летим туда, где идет война, но особого беспокойства среди нас не ощущалось.

Когда сказали, что под нами Кабул, пристегнуть ремни, идем на посадку, то наш самолет вскоре круто лег на крыло и, как говорят, буром стал ввинчиваться с высоты в серый с коричневыми мазками горный пейзаж. На горах, окружающих кабульскую котловину, виднелись нагромождения домишек-мазанок. Вскоре самолет коснулся бетонки, пробежал и вырулил не к аэровокзалу, а от него поодаль.

Открылась дверь самолета, и сухой жар ворвался в салон. Мы стали спускаться по трапу в густой и какой-то мглистый воздух. Я попытался оглядеть округу. Дали серели и желтели выжженными горами. Заметил поодаль шеренгу машин “ГАЗ-66”. Догадался, что это приехали уже за нами. От них шли солдаты в выгоревших от солнца панاماх и таком же выцветшем обмундировании. Только лица людей были загорелые, почти коричневые. За плечами автоматы, солдатские котелки и фляжки на поясных ремнях. И эта жара. Сразу стало как-то не по себе, тоскливо, даже жалко самого себя.

Мы быстро построились в форме подковы. И полковник, одетый в полевую форму, обратился к нам с напутственной речью. Она звучала по-отечески просто:

– Сынки, вам доверено охранять здесь южные границы нашей Родины. Вы прилетели на войну и не на минуту не забывайте об этом. От этого во многом будет зависеть ваше возвращение домой, на Родину. Без команды и разрешения ... – слова полковника слились и пропали в гуле вертолетов, появившихся над нами. Они закамуфлированные, грозные, как крокодилы, наплывали на нас с небольшой высоты, поднимая с земли столбы песка и пыли. В этом вихре исчезло все. Песок сек лицо.

Только воздух стал светлеть при оседании пыли, как над нашими головами с грохотом пронеслись два МИГа. Полковник снова что-то говорил, а я с тоской глядел туда, где стоял “ТУ-154”. Там шла по-

садка отслуживших свой срок, “дембелей”. Я не завистливый по натуре человек, но в тот момент я им завидовал такой завистью, какой больше никогда не испытывал.

Напутствия полковника были сердечными. Такую же заботу и напутствия мы, молодые, ощутили и в полку, и когда стали нести службу на заставе. Каждый старался уберечь от неприятностей тех, кто рядом, а потом уж себя. Когда заходит разговор о боевом товариществе, я, в первую очередь, вспоминаю искренние отцовские слова полковника и своих боевых друзей, что разделили со мной суровую пору службы в Афганистане.

*Сергей Федоров,
сержант запаса, г. Курган*

Оказались в заложниках

В августе 1985 года из Ашхабада в группе бойцов я прилетел в Афганистан. В Кабуле получил назначение водителем в воинской части, базировавшейся в Пули-Хумри. И в тот же день с колонной наливников отправился к месту службы.

Когда говорят, что на войне быстро взрослеют – я верю. За первый свой рейс по земле Афганистана я понял, что здесь секунды могут изменить все: оборвать или подарить тебе твою жизнь еще раз. По обе стороны дороги валялись искореженные взрывами и огнем автомашины. Перед Салангом нас обстреляли душманы. Впервые я увидел войну не в кино. И распрощался с детством навсегда.

Полгода гонял камазы с бензином по дороге от Хайратона до Пули-Хумри. Дорогу вроде бы изучил отлично, а спокойствия нет. Баранка в надежных моих руках, а в мыслях – ожидание стрельбы, только не знаешь за каким поворотом, или с какого утеса по тебе грохнет гранатомет или очередь из ДШК?

Потом перевели меня водителем-пулеметчиком на БРДМ. На нем и рулил до дембеля. Много было отчаянных моментов, но расскажу об одном, совсем необычном, что с другими ребятами вряд ли случилось.

Выехали мы из Кабула в одиночку, без всякого прикрытия, чтобы не привлекая особого внимания, ну, и под броней БРДМ, проскочить до Пули-Хумри к вечеру. Такое не раз бывало. Обходилось.

Катим себе, а как ездили в Афгане – многие знают. Уже стали подъезжать до свертка на Баграм. Стоит колонна разных афганских машин и бурбахак, тоже обычная картина для автотрассы Кабул-Хайротон. И вдруг, из-за машин на дорогу выскочил мальчонка лет 7-8 – и под колеса. Его шибануло. Мы выскочили, чтобы посмотреть жив ли пацан, если что – оказать помощь. Когда оглянулись – мы уже были в плотном кольце вооруженных людей. Они начали кричать, угрожать оружием. Прижали нас к броне, наставили автоматы.

В этот момент подошел прапорщик, который оказывал первую помощь пострадавшему пацану и стал знаками объясняться с афганцами, что надо быстро ехать в госпиталь, чтобы спасти жизнь мальчику. Афганцы поняли. Но вместе с пацаном влезли на броню двое бойцов царандоя и отец мальчика с гранатой в руке. В этом положении мы оказались своеобразными заложниками. Но, к счастью, все обо-

шлось. Доехали до госпиталя быстро, передали мальчонку в руки врачей. Тогда отец пацана отдал нам свою гранату. И мы продолжили путь с свою часть.

Как мы потом выяснили, колонну автомашин афганский царандовский пост остановил для проверки и вел досмотр. А тут произошел этот случай с мальчиком. Не разобравшись, афганские военные встали за своих и готовы были применить оружие. Мальчика вылечили, как потом мы узнали.

Медаль “За боевые заслуги” я получил за случай при обстреле нашей колонны. Но рассказывать о нем не стану – тяжело на сердце.

*Николай Устюжанин,
младший сержант запаса, с. Белозерское*

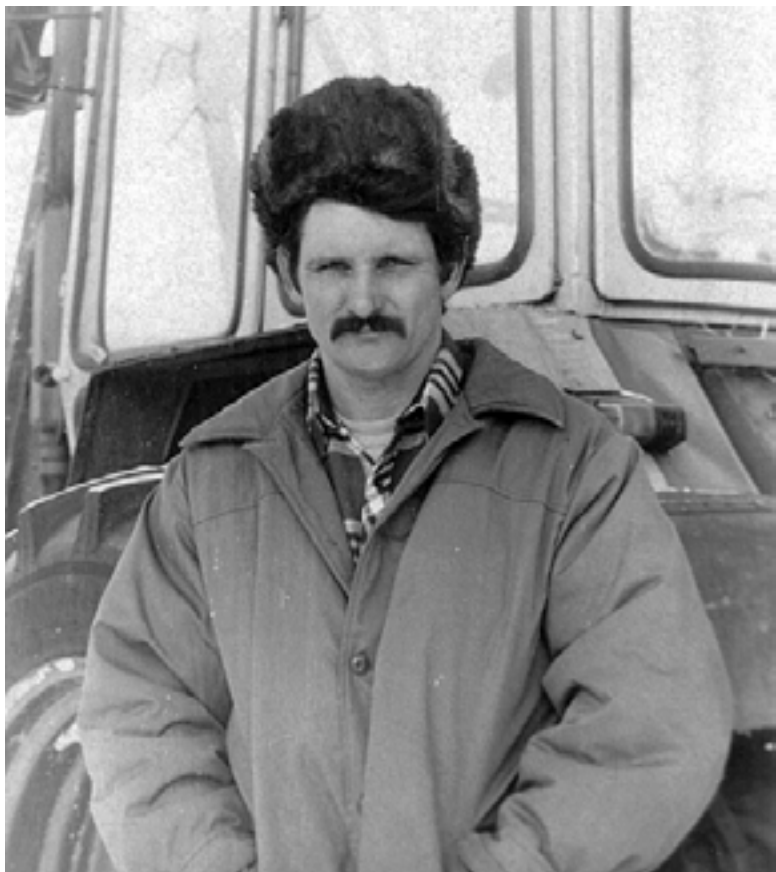
По дороге на Панджшер

В день Победы 1984 года я принял присягу.. А через три месяца был уже в Кабуле. На вертолете прилетел в Баграм, вблизи которого находился отдельный батальон материального обеспечения войск, куда водителем камаза я получил назначение. Наша рота занималась доставкой снарядов. Получали их в Хайратоне и везли по назначению командования. Много дорог пришлось исколесить. Сидишь за баранкой, на дверцы кабины наброшен бронежилет на всякий случай, автомат, рядом подсумок с гранатами, а за спиной в кузове “гора смерти”.

Ходили колоннами. Пара БТРов, зенитная установка в сопровождении, на дорогах мины и душманы-снайперы или гранатометчики в засадах на скалах или в “зеленке”. Доставишь груз, облегченно вздохнешь и снова в дорогу, и снова под смертельный риск. Идешь по колее колесо в колесо, не выскакивай на обочину, не обгоняй – смертельно опасно.

Особенно памятным стал для меня рейс в долину Панджшер, куда мы везли снаряды для артполка. С одной стороны до неба стоят скалы, а в четырех метрах от них – пропасть. Напротив, со скал стреляют духи, которых днем с огнем не отыщешь.

Пятнадцать километров – показались дорогой в преисподнюю. Я был замыкающим колонны. Четвертую машину подорвали духи. Во-

дитель был тяжело ранен, перенесли его в БТР, горевший грузовик столкнули в пропасть и снова тронулись. И тут тяжело ранило бойца-зенитчика. Борьба за его жизнь. Парню оторвало ногу. А он всего лишь месяц в Афганистане.

Прошли – как гору с плеч свалили.

Теперь, когда я вспоминаю Афганистан, то прежде всего думаю о минерах и шоферах, и друзьях всех родов войск – вертолетчиках. Эти ребята рисковали больше всех, хотя, что положено кому – обойдешь, не объедешь.

*Владимир Федосов,
Целинный район*

На огненном перевале

Кто водил автомашины и колонны “наливников” через перевал Саланг по афганской дороге жизни Кабул-Хайратон, тот, конечно же, видел, сколько там вмуровано навечно в скалы водительских штурвалов от наших “Камазов”, “Уралов”. Наверное, и сейчас по откосам дорог и в горных ущельях лежат груды искореженного взрывами металла от наших автомашин и бронетранспортеров. Это следы многолетней и жуткой “работы” душманских банд. Здесь, на Саланге, в третьем горнострелковом батальоне проходила моя служба с февраля 1985 года по охране высшей отметки перевала - тоннеля, прорубленного строителями через самое сердце мощнейшей скалы. О, какой это тоннель! Каких человеческих сил, ума и рук он потребовал, чтобы соединить наши страны.

Моджахеды-бандиты тайными тропами забирались высоко в горы и оттуда подкарауливали наши автоколонны, наносили по ним свои злобные удары.

Буквально через несколько дней, как я прибыл на заставу Камень, чуть пониже тоннеля на Уланге, душманы расстреляли из гранатометов колонну “наливников”: более пятидесяти машин. Представьте море огня и вы поймете, что такое дорога на Саланг. На эту операцию по ликвидации банды моджахедов я не попал, хотя бойцы заставы Камень, где я начал служить, выезжали. “Дедовщина” в нашем батальоне проявлялась в том, что послужившие ребята не брали не обстрелянных, молодых на такие операции, пока они не “оботрутся” в службе, не поймут суть службы в горах, в условиях личной ответственности за жизнь товарищей: зачем терять “несмышлennyшей”. И “дембеля” были правы. Жизнь на заставе, даже без боев, учила многому. Сами разговоры старичков были своеобразными уроками. Каждый из нас позднее оценил, что значит братство боевое, когда можно полагаться на любого, кто вместе с тобой идет на операцию. За полтора года службы на Камне я много раз убедился в этом. И всегда по-особому понимал слово “дембеля”.

Особенно горячим был в Афгане 1985 год. Настрелялись мы вдос-

таль, до дрожи и тошноты: духи объявили его решающим. За участие в одной из операций я был награжден орденом Красной Звезды.

А демобилизоваться пришлось на четыре месяца позднее, лежал в госпитале после подрыва на mine. Металл от нее живет во мне и не даст забыть никогда – и бои, и друзей!

*Ришат Сайфутдинов,
с. Альменево*

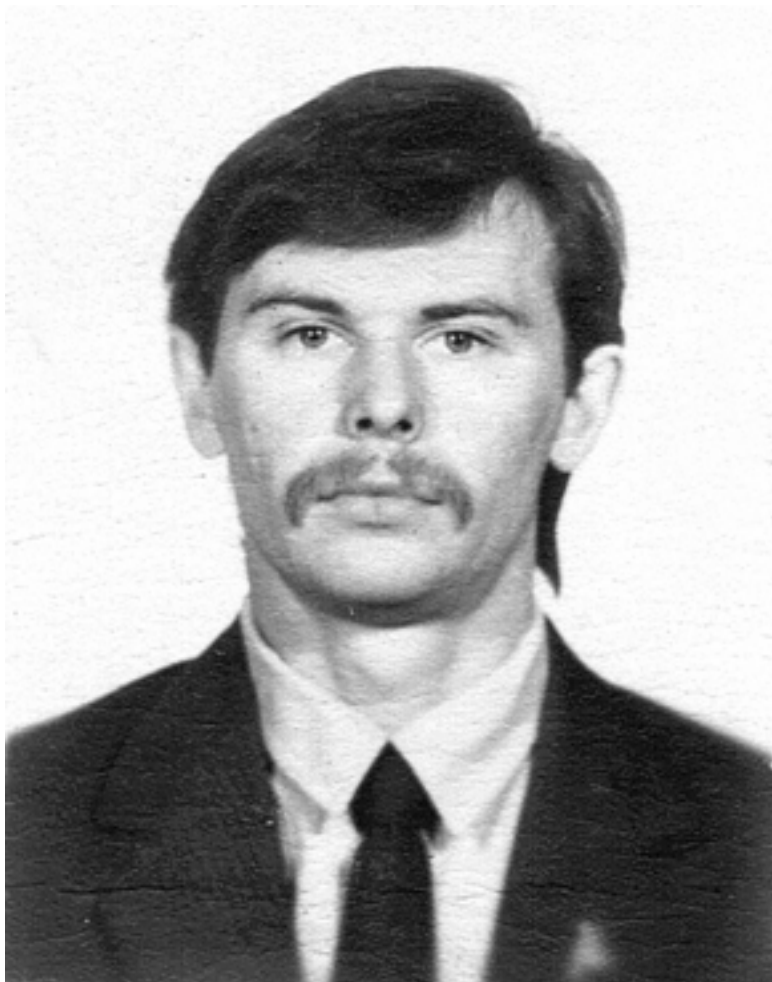
Вправе гордиться

Службу на Афганской земле я проходил с февраля 1981 года до мая 1982 года. Часть наша базировалась в Хайратоне, обеспечивала армию горючим. Трубопроводы отсюда тянулись в Кабул и Пули-Хумри. И все это хозяйство нам надо было охранять и обеспечивать бесперебойную работу. Подступы к складам охраняли специальные подразделения с четырьмя танками. Здесь для нас было меньше хлопот. Душманы сюда наведывались нечасто. Зато диверсии на трубопроводах ими проводились регулярно, хотя передвижные группы охраны и объезжали особо уязвимые места.

Как правило, ни одни советский праздник душманы не пропускали. И в это время мы жили в особом напряжении. Помню, 21 февраля 1982 года, около часа ночи нас подняли по тревоге. Душманами был пробит трубопровод километрах в десяти от гарнизона. Наша группа выехала к месту диверсии под прикрытием бронетранспортера. При таких выездах мы вели себя очень бдительно и осторожно, потому что вблизи таких мест моджахеды устраивали засады. Вот и на этот раз, не доехав с километр до места подрыва трубопровода, мы попали под перекрестный огонь. Завязался бой, который длился около получаса. Душманы не ожидали такого поворота дела, не знали, что группа была специально усилена бойцами и огневыми средствами. Огнем из бронетранспортера мы рассеяли засевших моджахедов. Они разбежались, а мы поспешили к месту диверсии. Быстро заменили там часть трубы и на рассвете вернулись к месту боя. Здесь мы обнаружили четырех убитых моджахедов. При них было три автомата АКС и американская винтовка М-16, которую я увидел впервые.

В этой схватке с нашей стороны были ранены три бойца. Мы оказали им первую помощь, а по возвращении отправили в госпиталь.

За службу подобных эпизодов было немало. Но время тогда еще было такое, что об этом было не принято говорить и писать, и на-

граждать орденами и медалями тоже.

Я не жалею, что пришлось послужить в этой непростой, очень интересной стране. И придерживаюсь такой позиции – кто послужил в Афганистане – может тем гордиться, кто не послужил – радоваться.

*Павел Федотов,
младший сержант запаса, г. Шадринск*

Товарищ генерал

Село Рига Шумихинского района – родина генерала армии Виктора Петровича ДУБЫНИНА. Свою жизнь Виктор Петрович до конца дней посвятил служению Отечеству. Думаю, полный очерк о судьбе славного земляка займет достойное место в книге “Офицерская доблесть Зауралья”, которую готовит авторский коллектив к 55-й годовщине Великой Победы.

Сегодня предлагаю читателям ознакомиться с афганским периодом биографии генерала по материалам, которые хранятся в музее школы имени генерала армии ДУБЫНИНА в селе Рига.

В Краснознаменном Белорусском военном округе Виктор Петрович ДУБЫНИН прошел путь от командира взвода до командира танкового полка, который под его началом получил на вечное хранение переходящее Красное Знамя Министерства обороны и заслужил звание “Отличный полк”.

После этого ДУБЫНИН закончил бронетанковую орден Ленина, Краснознаменную академию имени Маршала Советского Союза Р.Я. МАЛИНОВСКОГО, успешно командовал дивизией и был направлен на учебу в Академию Генерального штаба. После отличного завершения учебы в ней ДУБЫНИН был заместителем командующего ТуркВО, откуда был назначен заместителем командующего группой войск в Афганистане по боевым действиям. Вот что писал о нашем земляке в газете “Красная Звезда” ее специальный корреспондент полковник В. ФИЛАТОВ в номере за 27 июня 1987 года:

В один из приездов в Афганистан я попал в район боевых действий. Прожил там буквально бок о бок две с лишнем недели с Виктором Петровичем ДУБЫНИНЫМ.

Что запомнилось? Он, кажется, никогда не спал. Только иногда, как птица, закрывал глаза на 10-15 минут. Как он, никто этого не выдерживал в его окружении. Что еще запомнилось? Доклады ему. Сколько их было! Счесть невозможно. А что значит в такой обстановке доклад командиру? Это почти всегда поставить перед ним проблему, это почти всегда – он должен ее тут же решить. Такова судьба командира.

Спросил как-то Виктора Петровича, почему он не поспит, как все,

Виктор ДУБЫНИН

хоть пару-тройку часов? Он признался: “Боюсь, сразу начинает сниться, будто я отдал неправильный приказ, будто ошибся и гибнут мои люди. Или еще сон – будто потерял управление подразделениями... Это для командира даже во сне ужасно...”

В первый день пребывания в штабе ДУБЫНИНА я обратил внимание, что подле него неотступно находится офицер с автоматом через плечо. Автоматные магазины, как тут принято, сдвоены синей изоляционной лентой. При случае это сокращает время перезарядки. Ясно, к каким переделкам готов обладатель так снаряженного АКА. Бывало, ДУБЫНИН в вертолет – и офицер с ним. ДУБЫНИН на позицию – и офицер след в след. Я подумал, что это личный телохра-

нитель. Но мне сказали: “Это начальник связи Олег Викторович БЫКОВ”. Так я понял, кто у настоящего командира в бою правая рука, с кем он в бою плечом к плечу.

Попали однажды в засаду. Заполыхал бронетранспортер, ткнулся второй в кювет ... ДУБЫНИН распластался на белой дороге. Душманские стрелки головы поднять не дают. ДУБЫНИН лежит. БЫКОВ – рядом с рацией. И полтора часа ДУБЫНИН по рации вот в таком положении руководил своими подчиненными, пока душманский огонь не был подавлен. Командир все время был в центре пекла, но управление подразделениями ни на минуту не потерял. Все вверенные ему подразделения держал в одном кулаке – на волне своей радиостанции. Вот так он гарантирует, что ужасный сон не превратится в трагическую явь.

ДУБЫНИН рисовал стрелы на своей карте. Сам видел – здорово у него это получалось. Но перед тем он сел в вертолет и, невзирая ни на какой душманский огонь и непогоду, залетал туда, куда потом упиралась его стрела на карте. Свидетельствую это, потому что он иногда не отказывал мне быть в том же вертолете.

Мы облетали, вернее, он облетал самолично те маршруты, по которым должны были потом пойти его солдаты. Он внезапно для душманов, как снег на голову, садился на те перевалы, на которые должны были потом пробраться его солдаты. Огонь по вертолету велся почти с каждой горы, а когда мы садились на пятачок на перевале, который еще должны, может, через сутки -трое взять его солдаты, земля вокруг от взрывов кипела и вздымалась – душманы пытались накрыть вертолет всем имеющимся оружием. У летчиков белели губы, натягивались струной нервы. Кому жить не хочется? Но с приказом не шутят, особенно когда бой...

Что высматривал ДУБЫНИН, пролетая над скалами впритирку к стенам ущелий, высматривая из вертолета пятачок, в который потом на карте упрется его стрела? Он осматривал самые опасные и сложные места для солдат, когда они сюда придут. Это я понял, когда он после ставил боевые задачи командирам подразделений.

Я поражался тому, как и что, оказывается, он видел под собой с летающего вертолета. Он говорил командирам: “Возле камня здесь может быть то-то”, “Возле этого изгиба ручья то-то ...”, и так кило-

метр за километром, до самого острия стрелы на своей карте. Про перевал он говорил командирам так: “Ты захватишь его, разместишь свою технику за этой промоиной, а ты встанешь вот у этого края скалы, ты поставишь свои пушки возле этих трех деревьев, к ним подойдешь вот отсюда. Повторю, речь шла про те места, которые солдаты и командиры отделений и взводов должны были пройти с боями завтра или послезавтра.

Да, у него были исчерпывающие разведанные. И он им верил. У него были великолепные заместители – его опора. Да, в его распоряжении были безукоризненные исполнители. Да, он командовал от-важными солдатами. И все-таки, несмотря на это, он сам вначале проутюживал, где на вертолете, где на бронетранспортере, а где и на своих двоих ту местность, по которой предстояло пройти его солдатам. И даже после этого он боялся уснуть, боялся увидеть во сне, что отдал не тот приказ, что ошибся. И не было за все время случая, чтобы заблудился его солдат. Я уже не говорю о потери связи с отделением, взводом, о потери связи с какой-то из рот.

Через два дня я снова оказался на перевале. Там уже по-домашнему располагались наши и афганские солдаты. Я сидел среди них и слушал, как они рассказывали о героях – самых первых, ворвавшихся на эти плоские камни перевала. Они рассказывали, кто был вторым, а кто третьим ... Самые первые из них были представлены к наградам.

Паника вообще начинается не с солдата, который закричал: “Мы окружены!” Паника начинается с выражения лица командира, – говорит ДУБЫНИН, – Вы заметили, как жмутся все во время обстрела к командиру поближе?” – Да, заметил. Помню, как принесли вам горячий осколок от мины, который упал от вас в нескольких шагах, и вы никак на это не отреагировали. Глянули, будто на камни”.

Я же сказал, с кого начинается паника. А паника – это конец всему, в первую очередь – развал управления.

Но вот ДУБЫНИН – где пределы его должности? Где тот порог, за которым отвечает уже кто угодно, только не он лично? В самом деле, разве входит в его должностные обязанности лететь туда, куда еще даже разведчики не ходили? Запомнилось мне, может быть, самое главное в командире ДУБЫНИНЕ: ему не только постоянно докла-

дывали подчиненные– ему постоянно звонили “сверху” ... А звонок “сверху” во время боевых действий никогда не бывает по поводу гусей в небе. ДУБЫНИН обязательно выслушивал все, но не припомню случая, чтобы после очередного звонка “сверху” бросался бы перечеркивать свою карту. Мы находились посреди диких гор, а звонки были из очень далекого далека...

Не выдержал я однажды и спросил его напрямик: почему он порой, скажем так, перечит тем звонкам, “сверху”? ДУБЫНИН нахмурился. Была черная ночь. Неподалеку работала артиллерия, то и дело ночное небо вспарывали залпы реактивных установок.

– Пока я нахожусь здесь, – показал он пальцем на крышку стола, на котором лежала карта, – за каждого погибшего отвечаю персонально только я. Под трибунал за то, что здесь произойдет не так, пойду я. Поэтому я тверд в своих решениях”.

Корреспондентом запечатлены всего две недели из жизни Виктора Петровича ДУБЫНИНА. А он пробыл в Афганистане два года и девять месяцев. Можно себе представить, что за это время повидал и пережил наш земляк.

Г. Леготин

с. Рига, Шумихинский район

Штаб 40-й армии в Кабуле

Дороги жизни и смерти

Еще за долго до отправки в Афганистан я уже знал, что служить буду именно там и внутренне был готов. Конечно, мои родители, сестры и братья – вся моя большая семья беспокоилась за меня, но в душе все-таки надеялись, что я выдержу все испытания и вернусь домой живым и невредимым.

Если честно сказать, я хладнокровно принял известие об отправке в Афганистан, хотя знал, что там идут военные действия, есть жертвы. Был спокоен, потому что “слабаком” себя не считал, со спортом всегда был на “ты”, а преодолевать трудности жизнь уже научила.

Правда, в то время я еще не знал, что война с душманами особая. Там легко берут на “мушку” даже самых подготовленных и выносливых ребят. Со временем я осознал эту опасность. Если душманам удавалось вывести из строя одну машину в середине колонны, то движение за ней моментально прекращалось. Вся колонна попадала под шквальный огонь “духов”. В такой момент надо было убрать горевшую машину с дороги, вытащить из кабины водителя, если он ранен, перенести в другую машину, и продолжить движение. На все это отводятся секунды, так как “духи” могут в любой момент подбить следующую машину.

До Анавы, где дислоцировался наш второй батальон 345-го полка, дорога была шириной в проходивший по ней камаз. Поэтому направление движения грузовых машин регулировалось по четным и нечетным числам. Скорость же на всем протяжении обычно не превышала десяти километров в час. Машины шли, одним боком прижимаясь к скалам, с другой же стороны зияла пропасть, готовая в любой момент проглотить машину и зазевавшегося водителя. Пристальное внимание за полотном дороги было необходимо и для обнаружения ее заминирования. Неосторожность часто могла закончиться и заканчивалась смертельным исходом.

На всем ее протяжении по обочинам осталось много памятников нашим погибшим ребятам. Среди погибших были и те, с кем я вместе служил, преодолел не одну сотню километров афганских дорог.

Однажды в составе колонны я вез продовольствие в Анаву. Колонна состояла из 40 машин. Сверху нас сопровождали вертолеты. Без приключений добравшись до Анавы, разгрузились, переночевали и

собрались в обратную дорогу. Однако афганские соединения (мы их называли “зеленые”) вышли раньше наших машин и были обстреляны душманами. Наша колонна вышла позднее, поэтому мы уже зна-

ли, что ехать придется и ночью. В горах темнота наступает мгновенно, буквально за считанные минуты.

Едва вошли в зону гор, “духи” начали обстрел. Мой камаз из-за перебитой электропроводки оказался без света. Хорошо еще, что машина не потеряла ход и могла двигаться.

Впереди идущая машина тоже оказалась подбитой. БТР взял ее на буксир. Мне из-за полной темноты пришлось почти вслепую двигаться след в след за БТРом. Когда машина, следующая за мной, на время оказывалась за поворотом, я ориентировался только на темный силуэт ползущих впереди машин. Чтобы не потерять их из вида, пришлось выбить лобовое стекло. Машина шла, вплотную прижимаясь к горным выступам, ведь малейшее отклонение в сторону могло сбросить ее в пропасть. Пришлось выбить дверку, чтобы успеть выпрыгнуть в случае опасности.

Так на протяжении пятнадцати километров, скрежеща кузовом по горным выступам, моя машина ползла в составе колонны. Только добравшись до Баграма, я увидел, как была искорежена вся моя машина. Вечностью показалась мне эта поездка. До боли в пальцах сжимая баранку, я ловил себя на мысли, что если доеду до Баграма, домой обязательно вернусь живым.

Сильный обстрел пришлось пережить мне в момент вывода нашего полка с территории Афганистана. В то время наши блокпосты в горах уже были сняты. Это давало возможность душманам свободно передвигаться в горах и без опасения вести шквальный огонь по колоннам.

Надо сказать, отделение, которое я выводил, в полном составе вернулось на Родину.

Еще хочу сказать, что за время службы я сполна познал цену настоящей солдатской дружбы и взаимовыручки, вместе с однополчанами неоднократно встречал смерть лицом к лицу, спасал и терял своих друзей.

Война научила меня ценить жизнь, дружбу между людьми, мир и покой на Земле. Война для меня, как и для многих друзей-афганцев, не прошла бесследно. И мы ее не забудем.

*Андрей Макаров, кавалер ордена Красной Звезды,
медали “За отвагу”, п. Варгаши*

Под чужим небом

Там, где довелось служить Максиму Птицыну, всегда сияет голубое небо. Лишь изредка набежит облачко и тут же растает, словно стыдясь своего проступка. Летом 1985 года здесь зарегистрировали + 72 градуса – рекордную отметку, до которой поднимался столбик термометра.

И только в марте-апреле горы, лощины между ними окутываются зыбким маревом тумана. В четырех-пяти шагах человек как бы растворяется, пропадает. Моросят дожди.

В такую пору в одиночку никто не рискует передвигаться, потому что и впрямь люди исчезали, а потом находили их истерзанные тела неподалеку на скалах. То работа “духов”.

Бывало страшно. И не раз. Особенно, когда впервые идешь в поиск или следуешь в колонне.

Рассказывает Максим:

– Как следует колонна? Впереди идут саперы с собаками, обезвреживая мины. Затем двигается бронетранспортер или боевая машина пехоты, за ними – различные автомобили, а замыкает шествие снова БТР. И все – строго след в след. Не дай Бог, свернешь в сторону – взлетишь на воздух.

Сидишь ты на броне БТРа или в кабине автомобиля и невольно сжимаешь автомат. Потому как он – твоя единственная защита от “духов”, которые могут открыть огонь в любой момент. По первости за любым камнем чудилась угроза, казалось, что притаился враг.

Конечно, со временем Максим пообтерся, к нему пришел опыт, даже скалы стали ближе, роднее, что ли. Наверное, к местности присмотрелся. База первой мотоманевренной группы, в которой он служил, располагалась в небольшой лощине близ кишлака Мормоль. На вершинах окрестных гор были организованы “точки” с постами боевого охранения.

В первый же раз, когда довелось стоять на посту, наш земляк попал под обстрел. Он уже сменился и собирался идти на базу, когда вдалеке в горах заметил яркие вспышки. Находившийся рядом старослужащий закричал:

– Стреляй очередь! Живей! Не дождавшись от Максима никаких действий, он выхватил автомат и нажал на спуск. Загремела длинная очередь (она служила, оказывается, сигналом к бою). Вскоре рядом с

Михаил ПТИЦЫН

точкой стали падать реактивные снаряды. Грохот, дым, свист осколков ...

В тот раз все обошлось. Засекли то место, откуда прилетели “гостинцы”, сообщили командованию. Чуть позже поднялись вертолеты и пробомбили скалы. Попали ли “духи” под бомбы – кто его знает. Скорее всего ушли. Горы для них были родным домом. Да и они никогда на одном месте не задерживались.

– Этот случай стал для меня своеобразным боевым крещением, – вспоминает Максим. Помню и первый поиск, в котором довелось участвовать.

Поиск проходил в районе кишлака Гандоки. Жители его покинули, остались только их неказистые жилища. Да еще родник. Именно он и привлекал “духов”, которые приходили сюда из своих горных убежищ.

Максима назначили первым номером АГС (автоматического гранатомета). Весом он около 24 килограммов, плюс лента с патронами 16, автомат, боекомплект к нему, четыре гранаты, теплые вещи (в горах ночью довольно прохладно) – всего около 60 килограммов на себе нес солдат. Да за 8-10 километров. И топали не по ровной дорожке ...

Шли ночью. С таким расчетом, чтобы к рассвету добраться до места. Дошли за два часа без привалов. Почти уже ничего не соображали, каждого хоть голыми руками бери. Новичков, конечно. Старослужащие, естественно, уже втянулись, нормально себя чувствовали.

Разбились на группы: одна осталась в кишлаке, другие поднялись на близлежащие высоты. На той, где был Максим с товарищами, остались старые полужасыпанные окопы. Обычно их зарывают, так как это – излюбленное место “духов” для установки мин. Свежие копать поленились – устали, но ничего, обошлось.

Наступил рассвет, все отдохали. Вдруг загремели в кишлаке выстрелы. Это двое “духов” приехали на ишаках за водой. По ним и стреляли, “духи”, не дойдя до родника, оставили животных и бросились в спасительные горы. Да так быстро, словно стометровку сдавали. И ведь скрылись.

– День прошел спокойно, – вспоминает Максим, – мы расслабились. С наступлением сумерек вновь засвистели пули, загремели автоматные очереди. Вот тут-то и пригодились окопчики. Только я втиснулся в один из них, как пули веером прошли надо мной, а несколько воткнулись в брусвер.

Это подошли “духи” и ударили по позициям. И довольно прицельно, без окопчика Максиму бы точно пришел каюк. Мы открыли ответный огонь. В горах темнеет быстро, а потому яростная перестрелка длилась минут десять - пятнадцать. И вновь все стихло. С нашей стороны потерь, к счастью, не оказалось. А среди “духов” – один аллах знает. Стреляли-то мы бесприцельно, по тем местам, откуда раздавались автоматные очереди. Да и не проверяли: по темноте об-

ратно на базу надо было вернуться.

Вот в таких боевых буднях и протекала служба нашего земляка.

Можно ли было отказаться от Афгана? Наверное. Когда Максим окончил “учебку”, с ним и его товарищами беседовали. Достаточно было сказать “нет”, и остался бы в России.

– Нас обучалось человек четыреста, – говорит Максим, – и с каждым разговор состоялся. Я особого желания не испытывал ехать в чужую страну, зная со слов деда, кадрового офицера, что там нас ожидает. Только стыдно было показаться трусом перед товарищами. Да и если честно сказать, то все-таки хотелось испытать, на что годен.

Потом еще раз беседовали с теми, кто согласился служить в Афгане. Уже в Термезе, непосредственно перед отправкой. А тут уж на попятную идти и вовсе несподручно. Во всяком случае, для Максима. Потому как он хорошо помнил слова матери, родных на прощальном домашнем вечере:

– Ну, сынок, служи на совесть. Не позорь семью нашу.

За время службы он трижды попадал в госпиталь. Первый раз – с желтухой. Редко кто из солдат не перенес эту болезнь в Афгане. Кстати, после выписки тоже можно было отказаться ехать на войну.

– Подлецом себя последним считал бы, не вернувшись в свою часть. Как можно товарищей оставить, с которыми вместе ходили под пулями? – рассуждает Максим.

– Вот и вернулся снова на родную базу. И продолжал служить.

Его служба в Афгане незадолго до дембеля чуть не окончилась трагически. Однажды, как много раз это было, он ехал на ГАЗ-66 в составе обычной колонны. Водитель попался молодой, еще необстрелянный. Он то и дело выскакивал из колеи, за что получал сердитые замечания сержанта Птицына.

Уже подъезжая к точке, водитель вновь выскочил из колеи. И тут прогремел взрыв. Что-то толкнуло Максима снизу, и он, теряя сознание, понял, что грузовик наскочил на мину.

Еле вытащили Максима из кабины искорверканной машины. Снова госпиталь. И вновь ему представился выбор: вернуться в Афган или остаться в России. И вновь солдат остался верен своим боевым друзьям. Так до конца службы и пробыл за рубежом, демобилизовавшись в декабре 1987-го.

Иван Суворин, г. Катайск

На дорогах Афгана

Колонна продвигалась медленно. Усталости я не чувствовал, хотя за рулем находился всю ночь.

Колонна растянулась. Наша машина находилась где-то в ее середине. Половина пути была уже позади, когда у моей машины отказали тормоза. Отставать от колонны, исправляя поломку, было рискованно. Старший машины лейтенант Монетов решил, что лучше будет, если до привала нас возьмут на буксир.

Никаких предчувствий и уж тем более плохих, у меня не было. Вдруг перед нами блеснула яркая вспышка и ударил сильный толчок. Я еще тогда не знал, что выезд на обочину дороги очень опасен.

Там часто душманы устанавливали мины. Произошел взрыв. Машина вспыхнула. Мы с лейтенантом, прихватив личное оружие, выпрыгнули на землю. Машина, буксировавшая нас, полыхала огнем. Ее шофер взрывной волной был выброшен через лобовое стекло на дорогу. Мы бросились к нему, и, подняв, быстро понесли в сторону от дороги. В кузове каждой автомашины было по сорок реактивных снарядов. В любой момент они могли начать взрываться. Только мы отбежали от горящих машин, как с них начали “взлетать” ракеты (взрыватели находились не в боевом состоянии). Мы пролежали часа два, показалось вечностью. Обожженные руки сильно пекло, пересохли губы, фляжки с водой остались в горящих машинах.

По обе стороны дороги были кишлаки. Мы ждали обстрела со стороны душманов. Но все обошлось.

Кошмар закончился, как только наши машины догорели. Тогда нам оказали первую медицинскую помощь. Глоток теплой воды, предложенный кем-то, привел меня в себя, вернул к реальности.

У меня была контузия, а также ожоги лица и кистей рук I и II степени. Три недели я провалялся в госпитале в Кабуле. Затем вернулся в свой артиллерийский полк. До конца моей службы оставалось еще долгих три месяца.

За это время я успел еще раз подорваться на mine и перед самым дембелем попасть под сильный обстрел в горах.

Юрий Романенко, с. Мокроусово

Сестра милосердия

По натуре Людмила Анатольевна – романтик. Ее всегда тянуло куда-то в неизведанное, хотелось испытать себя, опробовать свои силы и характер в чем-то незаурядном, значительном. Поэтому, когда в Далматовскую районную больницу позвонили из военного комиссариата и предложили желающим поработать в военных госпиталях Афганистана, она, к удивлению многих подруг, с готовностью согласилась. Сборы были недолгими.

Пули-Хумри – маленькая точка на карте, раздираемой политическими и религиозными войнами страны, куда занесла ее судьба на долгих два года, даже из иллюминатора вертолета выглядел как незаметное поселение. Унылые, серые глинобитые постройки, обнесенные глухими дувалами, реденькие зеленые островочки среди серой степи. Светлым пятном на этом унылом фоне выглядел лишь

военный госпиталь, построенный для лечения личного состава ограниченного контингента наших войск. Что это именно он, Людмила Анатольевна поняла еще в воздухе.

Только открылись двери кабины вертолета, дохнуло сухостью и жаром, вездесущей пылью. Летчики смотрели, будто спрашивали: “Ну как, доброволец?” Она со своим чемоданчиком шагнула вперед решительно. Будто вызов всем - смотрите мол!

Людмила Анатольевна была назначена сестрой милосердия в инфекционное отделение. Брюшной тиф, малярия, вирусный гепатит – наиболее частые заболевания, преследовавшие наших ребят в этой отсталой в медицинском отношении стране. Больных желтухой порой было больше, чем раненых. Ей приходилось лечить и молодых солдат с седыми, как у стариков, головами, парней, живьем горевших в боевых машинах пехоты, танках и бэтэрах, подорвавшихся на минах, мучившихся от адской боли контузий, ранений и изнуряющей жары. И удивляло ее больше всего то, что они, едва став на ноги, уже буквально рвались из госпиталя в свои подразделения к товарищам, собирали гостинцы для ребятешек местных кишлаков.

– Перенасыщенность отделения была постоянно очень большая, – рассказывает Людмила Анатольевна. – Если в Далматовской районной больнице у меня под наблюдением 25 больных, то там их количество доходило до 250. Бывало, даже коек не хватало. Работы было очень много, но и помощников тоже. Ребята помогали друг другу в этих условиях.

Судьбу не угадаешь. Ну кто бы мог подумать, что именно здесь, в далеком Афгане, встретит Людмила Анатольевна свою любовь и судьбу, выйдет замуж. Муж тоже медик, как и она. Приехал в Афганистан по зову сердца с Украины.

Закончился срок службы, и они, обнявшись, на бронетранспортере с попутной колонной, счастливые, отправились домой, в Союз. Как позднее убедились, действительно счастливые и удачливые. Через несколько дней после их отъезда госпиталь взорвали.

И снова Людмила Анатольевна Снарская работает в родной больнице. Белоснежный халат, добрая улыбка, заботливые руки и благодарность выздоравливающих людей. Чего еще желать сестре милосердия в жизни?

*Михаил Болотов,
г. Далматово*

О любви и преданности

Ни одна воинская часть не обходится без службы обеспечения. Ни выполняют эти работы очень часто вольнонаемные. Вот и мне предложили поехать в Афганистан и поработать там машинистом водонасосной станции. Кто в этой стране послужил, тот знает цену каждому глотку воды.

Наша водонасосная станция качала воду из скважин и подавала ее по трубам в воинские части. Охранялась станция хорошо, но обстрелы ее были. Но мне хочется рассказать не о войне и о страхе, который испытываешь при обстрелах. Тот, кто воевал, расскажет. Мне хочется рассказать о поведении живых существ, как говорят в народе, братьев наших меньших.

Я впервые до самой глубины понял выражение “собачья верность”.

В одной из воинских частей, которая располагалась недалеко от водонасосной станции, жила собака. Откуда она появилась, я не знаю. Скорее всего местной была, а может, ребята привезли ее из Союза. Часть эта занималась тем, что перевозила ГСМ из Шенданта в Кандагар. Солдаты почему-то дали собаке кличку – Наташа. Наташа знала каждого военнослужащего части. Она всегда провожала в рейс колонны автомашин с ГСМ и встречала их по возвращении. Обнюхивала каждого бойца, лизала руки.

Солдаты очень любили Наташу, кормили ее в солдатской столовой, отдавали лучшие куски, прощались с ней, как с родной, уходя в рейс, и радовались встрече при каждом возвращении. Сколько ласки, поглаживаний, нежных потрепываний она получала!

А когда у Наташи появились щенята, то все бойцы относились к ним с такой же заботой и любовью, помогали воспитывать щенят, но все же больше всего любили Наташу. И как ее было не любить!? Я сама много раз видела, как собака плакала и по ее собачьей мордашке из глаз текли настоящие слезы. Это происходило, когда, встречая очередную колонну, Наташа не находила среди возвратившихся того или иного бойца, которого провожала в дорогу. Она подходила к машине погибшего бойца, садилась рядом с ней и начинала сначала громко выть, а потом плакать. Такого раньше в жизни я никогда не видела. И у меня самой катились слезы.

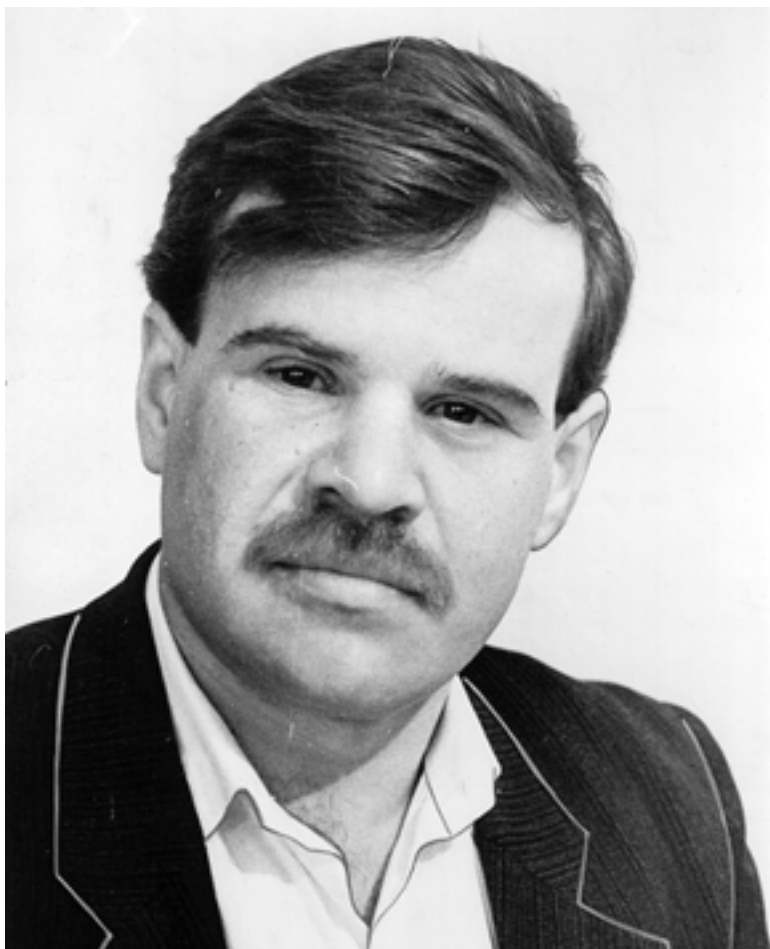
Часть эта была с Дальнего Востока и когда был дан приказ войскам о выходе из Афганистана, солдаты забрали собаку с собой в Советский Союз. Мне не забыть никогда ее искрометных и радостных глаз. Если говорить по-человечески, она просто вся светилась от счастья.

И еще: дома я любила слушать, как щебечут стрижи и резвятся трясогузки. Эти маленькие птички всегда создавали у меня хорошее, приподнятое настроение. И вот в Афганистане я их увидела поздней осенью. Они прилетели на зимовку. Но что удивительно – ни разу не слышала их щебета. Они прилетели на нашу водонасосную станцию из России, я так думаю, садились вдоль ручейка, пили воду. Но там, на войне, они вели себя молча, не проронив ни единого звука и никогда не вили гнезд. Это всегда вызывало у меня чувство тоски по родному Зауралью. Видимо, и птицы, как и я, тосковали по земле, на которой они родились. А улетали по весне быстро, снявшись с теплой зимовки, в края, где прошло их детство. Видимо и у птиц очень сильное чувство любви к Родине.

*Екатерина Мазенцева,
работница Водоканала, г. Курган*

Время выбрало нас

Володя Подгорбунских до ухода в армию получил права тракториста и шофера, с закрытыми глазами мог разобрать и собрать автомат Калашникова, приготовить к бою и правильно применить карманную артиллерию – ручные осколочные и противотанковые гранаты, особенно любил стрельбу. Перекрывал все нормативы из пневматического и огнестрельного оружия, в том числе и из АКМ. Этот парень как в психологическом, так и в физическом плане был готов

смотреть на врага сквозь прорезь прицела. Вот отрывок из письма героя этих заметок Владимира Подгорбунских: "Служу в Афганистане, под Баграмом, в разведывательном батальоне. Не было еще такого дня, пока я здесь нахожусь, чтобы какая-то из наших рот не ходила на боевые действия. Наконец, настал и наш черед. В «зеленке» нарвались на крупную банду, ввязались в бой: семерых наших ранило легко, двоих тяжело, а одного вынесли на руках уже мертвым. Вот где мне пригодились знания, полученные на уроках начальной военной подготовки и в учебке, особенно умение стрелять из любого положения. Как говорится, впервые заглянул смерти в лицо. До сих пор слышу свист пуль над головой, вижу фонтанчики пыли, поднятые ими у моих ног. Горд тем, что не сдрейфил, и по-моему, даже не растерялся. Залег, откатился в сторону, проверил прицел, поставил переводчик АК на автоматический огонь, дал длинную очередь по зашевелившимся духам – прикрыл отход товарища, потом то же самое сделал он. Одним словом, все, как учили".

Какой кровью досталась ему высокая награда – орден Красной Звезды?

Владимир Подгорбунских в том бою под Баграмом действовал на месте механика-водителя танка Т-62 и пытался вытащить с его помощью из-под обстрела подбитый, потерявший управление БТР. Но бронетранспортер душманы подожгли из гранатомета. Та же участь постигла бы и танк, если бы не Володя. Он под сильным огнем выскочил из люка, отцепил трос, но обратно заскочить не успел. Автоматная очередь ударила по броне танка, три пули впились в тело. Истекшая кровью, он все-таки сумел увести танк из-под огня за выступ скалы, чем обеспечил надежное прикрытие остальным.

В настоящее время Владимир Михайлович работает на железной дороге путевым рабочим, женат, растит двоих детей. Все также скромен и немногословен, о его мужестве и 23 месяцах, проведенных в Афганистане, почти никто не знает. Встретить на улице – обычный молодой человек. Лишь мужики в бане обратят внимание на отметины, оставленные душманскими пулями на руке, ноге и боку. Некоторые подходят, произносят то ли с вопросительной, то ли утвердительной интонацией одно единственное, короткое, как вспышка выстрела, слово:

– Афган?

Он кивнёт головой. И улыбнется.

– Сам, поди, напросился?

– Да нет. Время выбрало нас. Отслужили Отечеству, как надо.

Вот такой он, обычный «афганец», отец двоих детей, рабочий человек, наш Владимир Михайлович Подгорбунских.

Михаил Болотов, г. Далматово

Полк отвоевался без потерь

В декабре 1987 года вскоре после завершения учебы в Академии имени Ю.Гагарина я получил назначение в 40-ю армию, на должность заместителя командира вертолетного полка, расквартированного в Кундузе. Назначение для меня не было неожиданным. За время афганских событий мало кто из вертолетчиков там не побывал. И это очень разумно. Хотя я много летал на вертолетах всех марок, был летчиком 1-го класса, но военный летчик проверяется по-настоящему в боевых условиях. Поэтому назначение воспринял как должное для военного человека.

Восемь месяцев я пробыл в Афганистане. Совершил 142 боевых вылета, принимал участие в различных непростых операциях, но главное, чем горжусь, что наш полк за это время не потерял ни одного летчика, ни одной боевой машины. И думаю, прежде всего благодаря тому, что в полку была хорошо организована и поставлена вся система службы и особенно подготовка к полетам. В этом плане мне особенно запомнился мой первый полет, которым руководил сам командир полка полковник БЕЛОВ. Хотя я пришел с отличной летной подготовкой, но допуск к полетам получил только после полета с командиром. В задачу нашего полка входило обеспечение 201-й стрелковой дивизии всем необходимым, начиная от поставки продовольствия, горючего, боеприпасов и оружия, до охраны с воздуха проводки боевых и транспортных колонн, ведение воздушной разведки дорог и горных перевалов. Но основная наша работа состояла из полетов по маршруту Кундуз-Талукан-Файзабад и обратно. Вертолеты, можно сказать, из-за густого расположения душманских банд были тогда единственным средством сообщения, обеспечения и связи. Поэтому мой первый полет стал для меня на все время службы в Афганистане как бы эталоном.

Поднялись в воздух мы с командиром полка на вертолете Ми-6. Круто набираю высоту до двух тысяч метров, не выходя за радиус полутора километров. Эту зону безопасности нам обеспечивают наземные посты и тепловые ловушки, установленные на вертолетах для безопасности при подъемах и посадках. Везем три тонны бензина.

Полет ночной, но командир полка указывает мне характерные ориентиры, где наиболее вероятно могут быть засады душманов, и как лучше уйти от них на случай обстрела.

Выполняю его указания и вижу, как огненные трассы устремляются в нашу сторону и, не долетев, гаснут. С борта дает сообщение на аэродром о месте засады.

При полете к Талукану набираем высоту 4200 метров. Здесь местность более гористая, и с любой из гор по тебе могут выстрелить ракетой. Снова тянутся огненные трассы в нашу сторону и, не долетев, угасают.

А следом за нами идет караван вертолетов с грузом и машины охраны. Над Талуканом можно ожидать всего. Чтобы не рисковать, обходим его с юга километров на 8. Трассы идут в нашу сторону в большом количестве, но мы не достигаемы.

От Талукана летим на Файзабад. Взошла луна и высветила сказочную прелесть белоголовых вершин Гиндукуша. Но полюбоваться красотой нет времени. До конечной нашей точки километров 50. Стрелка радиокompаса устойчиво повернулась на аэродром. А через пару минут на наш запрос отвечает руководитель полетов. Начинаем снижение в направлении аэродрома с максимально допустимой скоростью, на которую способен наш вертолет. Снова работают тепловые ловушки. По нам стреляют со склонов ущелья, у основания которого лежит аэродром. Стремясь сократить время до входа вертолета в безопасную зону, садимся на металлические листы и вырливаем на каменистую площадку, поднимая столб пыли. Здесь нас встречает дежурный подполковник ИЗВЕКОВ и докладывает обстановку. А через пять минут на посадку идет вертолет основной группы каравана. Через равные интервалы времени вертолеты идут и идут.

После посадки пары поисково-спасательного обеспечения, наш вертолет вырлиывает для взлета и следования по обратному маршруту. Летим километров на десять южнее, чтобы не дать поживиться душманам, поджидающим нас на обратной дороге.

После возвращения командир полка делает разбор полета и размашисто подписывает допуск к моим самостоятельным полетам. Мы идем на командный пункт, чтобы спланировать завтрашний день нашей работы.

За время службы в Афганистане экипаж вертолета под моим началом доставил в войска более 250 тонн различных грузов, много раз был обстрелян душманами, получил повреждение, но благодаря слаженным действиям экипажа благополучно вернулся на аэродром.

*Анатолий Ходорич, полковник,
кавалер ордена Красной Звезды*

Размышления

Михаил СОРМАЧЕВ, Гвардии сержант,
курганец. Награжден орденом Красной
Звезды, медалью “За отвагу”, знаком “За
разминирование”, знаком ЦК ВЛКСМ
“Воинская доблесть”

*За что судьба вручила нам
Страну войны и диких гор -
Забывтый Господом Афган.
Он чей-то смертный
приговор ...*

*Я о том, что сам не видел,
Разговоров не веду.
Только помню - первый выстрел.
Шаркнул трассер - в темноту.
Помню первую высоту
И ночной свой первый бой.
Как жарой сводило глотку,
Как мы бредили водой.
Вой надрывный с миномета,
Дым с соседнего хребта.
Вот упал неловко кто-то,
Струйка крови изо рта...*

*Бывало трудно так,
что руки опускались.
Бывало, ненавидел белый свет,
Одни, как ветки на ветру,
ломались,
Свернув с дороги,
не взглянув нам вслед.
Кто вынес все, остался
сам собою*

*Тому глаза ни перед кем
не опускать,
Тот вспомнит о друзьях своих
с тоскою,
С кем довелось и жить,
и умирать.*

*Сгущенка в рот не лезет
И виноградный сок.
Быть может, где-то снайпер
С прицела сдул песок.*

*Улыбка на губах солдата.
Покой в душе за чутким сном.
Но как огнем по сердцу:
“Рота! – дневальный резанул, –
Подъем!*

Маме

*Облака плывут куда-то:
Что им до людей...
От восхода до заката
Много-много дней.
Стать бы облачком, забыться.
Улететь домой,
Теплым дождичком пролиться
Тихо над тобой.*

Под знаком отваги и мужества

Афганская война не обошла стороной правоохранительные органы Зауралья. Двадцать сотрудников органов внутренних дел Курганской области были откомандированы в районы боевых действий республики Афганистан для оказания помощи правоохранительным органам. Среди них Каргаполов Александр Владимирович, Епанчинцев Николай Андреевич, Липатов Александр Викторович, Мальгин Сергей Владимирович, Сычев Владимир Владимирович, Александров Александр Александрович, Едренников Сергей Николаевич, Федотов Михаил Александрович, Просвирнин Николай Павлович, Рой Илья Иванович, Рукавишников Владимир Васильевич, Третьяков Григорий Денисович, Черепанов Валерий Александрович, Киров Сергей Федорович, Федоров Николай Владимирович, Мосин Александр Ерофеевич, Сухонос Сергей Александрович, Петрушкин Виктор Петрович, Родькин Евгений Викторович, Медведев Юрий Устинович. На их долю выпали трудности и лишения, не уступающие по своей значимости и ответственности тем, с которыми пришлось столкнуться бойцам армейских подразделений. Личное участие в планировании и проведении боевых операций по ликвидации вооруженных банд потребовало от них не только глубоких специальных знаний, подлинного профессионализма, но и отваги, самоотверженности и доблести. Каждый из них свято хранил и преумножал там честь Зауральской милиции.

В 1984-1986 годах в качестве специалиста МВД оказывал интернациональную помощь афганскому народу в формировании системы правоохранительных органов и организации выполнения ими своих функциональных обязанностей в условиях ведения боевых действий Родькин Евгений Викторович, который принимал непосредственное участие и в боевых операциях. За проявленное мужество и самоотверженность награжден орденом Красной Звезды, афганским орденом “За храбрость” и медалью “Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа”.

В 1988 году после окончания академии МВД Е.В.Родькин был назначен на должность начальника Первомайского территориального отдела милиции г.Кургана. За пять лет руководства им создан слаженный, профессионально подготовленный, дисциплинированный служебный коллектив, успешно решавший задачи борьбы с преступностью, укрепления законности и правопорядка. С декабря 1994 года Родькин руководил спецотделом быстрого реагирования управления по борьбе с организованной преступностью.

В 1996 году, находясь в служебной командировке, погиб в неравном бою в Грозном. Евгений Викторович Родькин посмертно удостоен звания Героя России.

Более 40 лет посвятил службе в милиции Третьяков Григорий Денисович, который прошел путь от рядового до полковника милиции, от курсанта до заместителя начальника УВД – начальника милиции общественной безопасности УВД. Выполнял интернациональный долг в ДРА в качестве старшего советника в представительстве МВД СССР при МВД ДРА. Награжден орденами “Красного Знамени”, “Красной Звезды” и “Дружбы народов”, медалями “За безупречную службу” трех степеней и “За трудовую доблесть”, почетным знаком “Заслуженный работник МВД”.

В составе отряда специального назначения в качестве оперативного работника оказывал интернациональную помощь афганским правоохранительным органам Просвирнин Николай Павлович. За успехи в оперативно-розыскной деятельности Реввоенсоветом ДРА он награжден медалями “За хорошую службу”, “Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа”. В последующем с 1984 по 1994 годы возглавлял ОВД Мишкинского района.

Получив опыт ведения боевых действий в составе ограниченного контингента Советских войск в Афганистане, тысячи молодых людей возвращались на Родину, имея четкие ориентиры на дальнейшую жизнь.

Многие из них сменили солдатскую шинель на милицейскую, сделав свой профессиональный выбор, вложив в него сформировавшееся и испытанное представление о долге, чести и ответственности за порученное дело. Более 90 сотрудников, имеющих боевой опыт в Афганистане, пришли в органы внутренних дел сразу после военной

службы, и в настоящее время имеют стаж службы в милиции 10 лет и более.

Сегодня организация воинов-интернационалистов ОВД Курганской области объединяет 155 участников боевых действий в Афганистане, из них 22 пенсионера МВД, 5 вольнонаемных, 128 проходят службу в органах и подразделениях внутренних дел области. Среди них 67 офицеров (в том числе 20 старших офицеров), 19 прапорщиков, 10 старшин, 32 сержанта, все они успешно решают оперативно-служебные задачи УВД области. В том числе в криминальной милиции служат 19 человек (уголовный розыск - 11, ЭКУ - 3, УБОП - 4, начальник СКМ РОВД - 1); в милиции общественной безопасности - 68 (УИМ - 6, ОКС - 9, ППС - 10, ГИБДД - 10, ОВО - 20, ЛРП - 2, ООП - 2, дознание - 5, м/в - 2), а также есть следователи - 4, кадровые работники - 3, УГПС - 11, ОМОН - 3, УЦ - 2, штаб - 7, тыл - 7, дежурная служба - 4.

В основном это зрелые, ответственные, имеющие жизненный опыт сотрудники. Многие из них вносят достойный вклад в дело борьбы с преступностью и охраны общественного порядка. Не случайно 117 членов организации воинов-интернационалистов (практически две трети) награждены высокими государственными наградами не только за выполнение боевых задач в ДРА, но и за отличие в правоохранительной деятельности, в том числе: орденом “Красной Звезды” - 9, медалью “За боевые заслуги” - 23, медалью “За отвагу” - 15, орденом “За личное мужество” - 3.

Повседневные милицейские будни связаны с необходимостью действий наших сотрудников в экстремальных ситуациях, в том числе и в “горячих точках”. В этих условиях им во многом помогает полученный боевой опыт Афганистана. Бывший воин-десантник, кавалер ордена “Красной Звезды” и медали “За отвагу” Каргаполов Александр Владимирович проявил высокие качества опытного оперативника, находясь в служебной командировке в зоне чрезвычайного положения в Северной Осетии, лично выявил 12 автомашин, находящихся в розыске, изъял 10 единиц огнестрельного оружия. Награжден знаком “За отличную службу в МВД”. В настоящее время Александр Владимирович пенсионер МВД, но не теряет связь с органами внутренних дел.

Руководство УВД считает воинов-интернационалистов надежной опорой не только в деле борьбы с преступностью и охраны правопорядка, но и в обучении и воспитании кадров. Не секрет, что в последние годы общественные тенденции к потере нравственных ориентиров увеличили приток в органы внутренних дел людей недостаточно морально подготовленных. Активную помощь в их становлении, героико-патриотическом воспитании оказывают сотрудники – ветераны афганской войны. Немало сделано ими по передаче боевого опыта молодым коллегам, командировавшимся совсем недавно на другую войну – Чеченскую.

И этот опыт передавался не только на учебных занятиях: 20 сотрудникам пришлось показывать его личным примером в боевой обстановке. Казалось бы, с обычной рабочей миссией и вовсе не на передовую был откомандирован в Моздок Синицын Игорь Викторович. Желание изъявил добровольно, мотивировав его наличием боевого опыта в Афганистане, где проходил службу пулеметчиком в десантно-штурмовом батальоне. 22 января 1995 года при объезде мест дислокации ОМОН и СОБР бронетранспортер, в котором находился капитан Синицын, попал под прицельный обстрел боевиков. В отсутствие командира экипажа БТР И.В.Синицын, взял командование на себя. Умелым маневром и метким огнем из крупнокалиберного пулемета огневая точка противника была подавлена. По возвращении в БТР было обнаружено 7 пробоин. На несколько дней раньше он лично выявил и обезвредил две гранаты-ловушки, закрепленные на растяжке, преграждавшие проход штурмовой группы. За самоотверженность и проявленное мужество награжден орденом “За личное мужество”. В настоящее время майор внутренней службы И.В.-Синицын, исполняя обязанности начальника курса в УЦ УВД, успешно решает вопросы профессионального обучения и воспитания молодых сотрудников.

В процессе служебной деятельности шефство над молодежью со стороны ветеранов афганской войны позволяет плодотворно решать вопросы профессионального обучения и воспитания личного состава, успешного решения ими оперативно-служебных задач.

*Юрий Сквордин, генерал-майор милиции,
начальник УВД Курганской области*

После Афгана

Подполковник милиции Родькин Евгений Викторович в 1984-1986 годах в качестве специалиста МВД СССР оказывал помощь в формировании и обучении работников правоохранительных органов республики Афганистан. За участие в боевых операциях награжден орденом Красной Звезды, афганским орденом «За храбрость».

Погиб 6 марта 1996 года в городе Грозном.
Посмертно удостоен звания Герой России.

“Человек рождается для счастья, как птица для полета”, – писал Максим Горький.

Для счастья родился и Женя Родькин. Всю свою жизнь он стремился к справедливости, к правде, к радости и добру. Он, словно жаворонок над зауральской степью, своей веселой трелью звал мир и людей к голубизне, простору, свету, солнцу и добру. Да только век нам выпал иной – неугомонный и жестокий.

Евгений Евтушенко будто с Жениной судьбы списал его облик:

*... Я сибирской земли подорожник,
Распрявившийся из-под колес ...
И телеги по мне колесили,
И машины, и танки ползли.
С хрустом я прорастал из России,
Из горчайше -сладчайшей земли.
Вроде буйного чертополоха
Я от пыли себя не спасал.
Твою кровь, твои слезы, Эпоха,
Я в трехжильные жилы всосал.
Мои листья – они горьковаты
И в салаты они не идут:
Подорожник кладут не в салаты,
Подорожник – на раны кладут.*

Да, своим горячим и добрым, целительным сердцем Родькин творил справедливость и на земле Афганистана. А в трудную годину Женя прикрыл собой кровоточащие раны истерзанной распрями России. Прикрыл, как Великий и Верный сын Отечества.

Афганский синдром ... Чеченский синдром. Это ложь словоблуд-

Евгений РОДКИН

дов! Синдромов нет. Есть сердечная боль тысяч воевавших парней, ныне оболганных и униженных продажными писаками и конъюнктурщиками – политиками, без совести и стыда торгующими самым дорогим для нас и святым.

Но в нас жива память о добропорядочности, чести, справедливости, боевом братстве, где мы плечом к плечу стояли и мужественно сражались один за всех и все за одного. Все вместе – за Отечество.

Женя Родькин понимал это глубоко и трепетно, может быть, как никто другой, в годы службы на земле Афганистана и когда судьба поставила перед ним вопрос жизни и смерти в Чечне. В тот яростный, смертельный момент, он не дрогнул, отдал свою светлую жизнь, выполнив мудрый и вечный закон гордых Русичей – сам погибай, а товарища выручай!

Женино сердце, огромное и яркое, как солнце, взорвалось тысячами пламенных и негасимых искр, ранив вечной болью наши сердца и души. “Нет! – сказали земляки – курганцы, – Женя с нами в одном строю!” Женя Родькин живет в имени семьдесят пятой школы, где он учился, и в имени улицы, где он рос и любил, в трепетных наших сердцах. И это навечно!

Геннадий Устюжанин

Старшина Гарипов

В феврале 1989 года завершился вывод советских войск из Афганистана. А награды за бои с душманами продолжают находить своих героев. В числе тех, кто получил медаль “За отвагу” после возвращения домой, бывший воин-интернационалист, а ныне сотрудник Альменевского райотдела милиции Рамиль Гарипов.

Я записал его рассказ об операции, за которую он удостоился награды.

“Основной задачей десантно-стрелкового батальона, где я проходил службу, был контроль за шоссейной трассой Джалалабад – Кабул. Следует сказать, что подобные трассы были основными транспортными артериями Афганистана. По ним шли народно-хозяйственные и другие грузы. Душманы часто стремились воспользоваться ими в своих целях. Здесь всегда было неспокойно.

Однажды в штаб батальона пришли представители афганской контрразведки. Они по своим каналам получили известие, что в ближайшее время по трассе должен пройти вражеский караван из Пакистана.

После завтрака нам объявили, что пойдем в засаду. Весь день был посвящен подготовке. Новички, бывшие во взводе, заметно волновались. Для многих же это был далеко не первый бой. “Старички” сохраняли внешнее спокойствие, хотя на душе было, конечно, тревожно.

Ночью, часа в два, наша группа ушла из заставы и расположилась в расщелинах гор. На этот раз караван ждать себя долго не заставил. Появились 30 выючных животных в сопровождении охраны. По команде с разных позиций мы открыли огонь. Ошеломленные внезапностью удара, взятые в узкое кольцо, душманы не сразу смогли сориентироваться в обстановке. Началась паника. Но “духи” быстро пришли в себя и стали оказывать упорное сопротивление. Надо честно сказать, что организация подобных отрядов у них была хорошей, как и выучка моджахедов. И если бы не поддержка артиллеристов и бронетехники, то бой мог бы затянуться надолго. А так душманам пришлось бежать, бросив убитых, раненых, весь груз. Трофеи были солидные: безоткатные орудия, автоматическое оружие, мины, подрывная аппаратура, обмундирование – все необходимое для ведения длительной партизанской войны”.

Этот эпизод был у Рамиля далеко не единственным в его армейской биографии. Обстрелы, захваты караванов случались и в дальнейшем. Не всегда все проходило удачно, были и потери друзей, иногда довольно ощутимые.

Вернувшись из армии, Рамиль пошел работать преподавателем в Мальшевскую среднюю школу. Постоянно ездил на февральские слеты воинов-афганцев в райцентр, старался жить активной общественной жизнью. В 1994 году переехал из Алакуля в Альменево. В настоящее время старшина Гарипов является командиром патрульно-постовой службы альменевского РОВД. Имеет хорошие отзывы от руководства райотдела милиции и населения.

А. Кидрасов

Расскажу о товарище

Григорий Денисович Третьяков был дважды в длительных служебных командировках в республике Афганистан. Профессионал высокого класса, юрист с высшим образованием, надежный и смелый человек. Мне думается, характеристика эта будет неполной, если не рассказать о некоторых страницах из жизни полковника Третьякова, свидетелем которых был сам или знаю о них от товарищей его и моих. Самое удивительное в нашем товариществе то, что мы, курганцы, познакомились в Афганистане. Правда, я о нем был наслышан до командировки в Кабул. Знал, что Третьяков являлся одной из первых «скрипок» в нашумевшей в те годы операции по раскрытию и ликвидации банды взломщиков сейфов, гастролировавшей в нашей и соседних областях. Слышал, что сослуживцы уважают его как опытного профессионала и очень порядочного человека.

Улетая в Афганистан, я получил несколько просьб от работников курганской милиции повидать там Григория Денисовича, передать ему теплые слова приветов и пожелания всяческих успехов. Для человека в чужой стране многое значит, что он не забыт в родном краю, что там его помнят и добром вспоминают. Когда освоился немного с обстановкой в Афганистане, работа свела меня с ведомством, где советником был Григорий Денисович. Полковник царандоя Карим Сарбоз на мой вопрос о Третьякове сказал, что знает его, больше того – сопровождал на кабульский аэродром, когда тот получил назначение в провинцию Парван и должен был лететь в Баграм.

– В тот день нам не везло, – сетовал полковник. – Время уже приближалось к вечеру, а борта на Баграм не было. Приземлился АН-12, мы пошли к нему. Летчики сказали, что они летят на Баграм через полчаса, их самолет – «черный тюльпан», в нем сейчас шесть цинковых гробов с погибшими ребятами. Я напомнил мушаверу, что лететь с мертвыми – плохая примета у мусульман, лучше вернуться в казарму и улететь завтра. «Вернуться с полпути, – услышал в ответ, – для русских примета не лучше, чем лететь с погибшими в бою... Я полечу». И улетел.

В обычной обстановке я, может быть, и не придавал бы значения приметам и случаю, поведенному мне полковником царандоя. Но на войне...

Сразу вспомнил свой прилет в Кабул. Первую беседу с нами про-

Григорий ТРЕТЬЯКОВ

водил товарищ Нур Ахмад Нур. Рассказывая о сложностях ситуации в стране и особенностях нашей работы, он призывал быть предельно собранными; и осмотрительными во всем. На войне нет мелочей, осмотрительность здесь не техника безопасности – сама жизнь. И вдруг обратился к одному из наших товарищей:

– Вот вам, например, я думаю, не хотелось бы вернуться домой в цинковой коробке?

Товарища будто мукой посыпали, таким он стал бледным. После приема подходил к каждому из нас и спрашивал: «Почему Нур именно мне задал такой вопрос?» А вечером с истерикой его увезли в госпиталь. После такого вопроса, да при круглосуточной стрельбе какие мысли не придут в растревоженный ум гражданского человека? У Григория Денисовича нервы всегда в кулаке, а на первом плане – работа. В провинции Парван товарищ Набарт рассказывал мне, что с приходом Третьякова советником местного царандоя многое изменилось к лучшему. Под руководством советника была создана система укрепленных постов вокруг города и важных объектов, про-

водились засады на караванных тропах, по которым доставлялось оружие и снаряжение для душманских банд. Ряд главарей бандформирований был вынужден в такой ситуации пойти на переговоры с народной властью. Третьяков ходил на такие встречи к душманам и сам. В логово врага шел с четками в руках вместо оружия. И договаривался о замирении: разум и смелость – сильнее оружия. Смелость в особой чести на Востоке, где говорят: «Если ты встретился и мирнешься с противником, то твое рукопожатие должно быть твердым и крепким, а рука сухой». Здесь уважают сильных волей людей, умеющих побеждать и без стрельбы.

Четыре года работы «на лезвии бритвы» за спиной у Григория Денисовича. Десятки жизней наших парней, водивших машины по трассе Кабул-Хайратон, – спасла его трудная, до отчаянности рискованная работа.

Рассказывая о службе Григория Денисовича на посту советника царандоя, министр внутренних дел Афганистана тех лет Сеид Мухамед Гулябзой, беседуя со мной, охарактеризовал его с самой лучшей стороны как высококвалифицированного оперативного работника, бесстрашного и решительного человека. «И еще мне нравится в нем, – говорил министр, – что Третьяков в рот не берет спиртного. К таким людям у мусульман особое доверие и уважение.»

Уважение афганцев к Григорию Денисовичу приходило вместе с его неотступной борьбой за справедливость с теми, кто ее нарушал. Не надо думать, что с нашей стороны все в этой стране было достойно и гладко, как в кино. К сожалению, встречались там и такие наши «посланцы», кто не дорожил ни своей совестью, ни честью страны. Как-то в Газни несколько наших военных для личной наживы «экспроприировали» у афганцев солидную сумму денег. В отчаянии люди пришли к мушаверу – пожалуйста, помоги найти справедливость. Дело было исключительно трудным, не без риска потерять собственную голову. Третьяков не дрогнул. Пришлось подключить к решению вопроса самые высокие инстанции, проявить настойчивость. И справедливость восторжествовала. Зато как уважительно после этого случая относились все в округе к русскому советнику!

Вести о добрых деяниях на Востоке разносятся быстрее ветра и проникают всюду. Вернись сегодня в Газни Третьяков, и он мог бы спокойно ходить по улицам города. Добрая молва, как заговоренного, убережет его от злой пули.

Еще мне очень нравится в характере Григория Денисовича его собранность, обязательность, умение не расслабляться в работе над со-

Фотография на память

бой. Каждое утро зимой и летом в любую погоду я вижу его в шесть часов утра. Ежедневная физзарядка, бег до пота, лыжи зимой, плавание в Тоболе с ранней весны и до глубокой осени делают его крепким, стройным, моложавым.

Третьяков вышел на заслуженный отдых, отдав службе в органах милиции более сорока лет. Но никто, глядя на Григория Денисовича, не скажет, что ему за шестьдесят. Сорок - сорок пять лет, так он выглядит сегодня. При проводах Третьякова на заслуженный отдых министр внутренних дел России Анатолий Куликов наградил этого героического человека именным оружием. Это первый случай за всю историю существования Курганской области.

Как-то недавно мы разговорились с Григорием Денисовичем о бывших афганских делах и я спросил его: «Смогли бы вы поехать в Афганистан сегодня?»

Он, чуть подумав, ответил: «Да, смог, если у Отечества возникнет необходимость».

А пока Третьяков снова на службе. В одной из охранных фирм передает свой опыт борьбы с лихими людьми.

Геннадий Устюжанин

Ползком, ночью

Службу в Афганистане я проходил 1985-1986 годах в составе инженерно-саперного подразделения. Наверное, уже одно это расскажет многое побывавшим в Афганистане, когда, наверное, около половины погибших и раненых там пострадали от мин. Каких там только мин ни встречалось. И наши, и итальянские, и китайские ... **А минер ошибается только один раз.** Может быть, поэтому я и сейчас помню, как провел первую минерскую работу. Дело было в Пандшере, а вернее, нам было приказано очистить дорогу от мин для прохода в это ущелье бронетехники. Группу, в которой я служил, вел на задание старший лейтенант Андрей МЯЧИН. Он был года на 2-3 нас постарше. Мы его между собой называли “наш Мячик”. Уважительно звали и действительно уважали командира.

Но ни войти, ни вползти среди бела дня в ущелье мы не сумели: стреляли «духи шибко». А командир нас берег. По команде связался, заверив, что ночью легче пройти. Пройти, оно, конечно, легче, но разминирование ...? Но «Мячик» убедил командиров.

Алексей МАШЬЯНОВ у знамени части

А ночи в Афгане черные, как сажа, особенно после провала солнца в горах. И мы поползли ... Все коленки у штанов и локти гимнастерок поизодрали. И руки, конечно, тоже. За нами пошли танки и БМП. К рассвету мы уже были в ущелье, и танки громыхнули из пушек по горам. Операция началась. За нее мы и были удостоены личных фотографий у боевого знамени части.

Медалью “За боевые заслуги” награжден я за другое участие в разминировании.

А первое крещение огнем, как первая любовь, осталось в памяти на всю жизнь.

*Алексей Машьянов, сержант милиции,
г. Шумиха*

Афганская закалка

Все дальше в историю уходит афганская война. Время лечит физические и душевные раны, отмечает наносное с высоты прожитого, кристаллизует все, чем жил и кем был в Афганистане.

Андрей Александрович Кашин родился и вырос в городе Катайске. В 1983 году был призван на службу в армию. Попал в воздушно-десантные войска. После подготовки в учебном центре ВДВ был направлен в Афганистан. За полтора года службы Андрею Кашину пришлось испытать многое: и рейды по горам и пустыням, и засады, и охрану автомобильных колонн, бои, потерю друзей, ранение.

Афганистан закалил парня физически и морально, научил премудростям боевой работы, сдул всю «шелуху», подготовил к жизненным трудностям. С орденом «Красной Звезды» и медалью «За отвагу» вернулся гвардии старший сержант Кашин в родной Катайск.

Надо было определяться в жизни. Андрей поступил и закончил Курганский государственный педагогический институт, поработал в школе преподавателем, но навыки, полученные на службе в Афганистане, привычка к порядку и дисциплине привели его в Катайский отдел внутренних дел на должность оперуполномоченного уголовного розыска. Бывалый воин выбрал один из самых трудных участков милицейской деятельности, потому что имел большой авторитет у населения, хорошо знал обстановку в городе и районе. Андрей сумел быстро войти в курс всех дел. Работая среди несовершеннолетних, он

Андрей КАШИН

проявил себя умелым психологом и педагогом. Все ребята авторитеты Катайска с уважением здороваются с «дядей Андреем», делятся своими проблемами и заботами.

У работника уголовного розыска всегда много дел, забот и хлопот, надо не утонуть в повседневности, набираться опыта, знать в совершенстве законы, лучший опыт оперативной и сысчной работы. Вот почему Кашин стал студентом-заочником Екатеринбургского юридического института МВД, где совершенствует свое профессиональное мастерство.

Закалка, полученная Андреем Александровичем Кашиным в Афганистане, и сегодня помогает ему в нелегкой милицейской работе.

*Валерий Садчиков, подполковник,
военный комиссар Катайского района*

На горном перевале

Служил я в отдельном разведбате, расквартированном в Кабуле. Хотя задания приходилось выполнять в разных местах Афганистана. Особенно памятным стал для меня первый десант в горы. С бронетранспортеров нас забрали вертолетчики и высадили высоко в горах. Надо было провести разведку. Предполагалось, что где-то в том районе у моджахедов находится база: не раз замечали здесь людей с навьюченными ишаками.

Уплыли вертолеты, а мы остались среди камней и утесов. Жутковато стало, честно скажу. Засветло хорошо рассмотрели окрестности. Определились, где надо будет обосновать посты наблюдения. Ночью стали подниматься на облюбованные вершины. Шли по трое. Осторожно. За плечами нелегкая поклажа. Я был вторым номером при пулемете. Надо было нести цинки с патронами, одежду и продукты. Ночью идти легче, прохладно. Зато каждый шорох настораживал, пугал. К рассвету вышли на место. Дежурили несколько дней и все-таки обнаружили склад моджахедов.

После его ликвидации нам предстояло выйти через перевал к своей бронегруппе и по пути разведать местность. Задача снова выдалась не из легких. Сложность местности, жара и безводие измотали нас так, что хоть садись и помирай. Первый номер пулеметного расчета ослабел.

Пришлось разделить его ношу между другими, не бросать же оружие и боезапас в горах. Без них ты просто смертник. А тут еще моджахеды выследили. Пришлось отстреливаться. Почувяв, что мы готовы дать отпор, душманы отстали.

Когда мы спустились с гор, то ощутили себя очень счастливыми. Главное – все вернулись с задания, никого не потеряли. Вот тут- то я по-настоящему впервые оценил физическую закалку, которую дали мне занятия физкультурой и спортом.

***Виктор Кучин,**
с. Целинное*

Он многое смог

Написать о Виталии Степановиче Белюженко – председателе Совета Российского общественного фонда социальной защиты «Порядок-Щит» мне посоветовал руководитель представительства Курганской области при правительстве Российской Федерации Олег Евгеньевич Пантелеев.

– Так Белюженко же не курганец, – заметил в разговоре я.

– Зато «афганец», – парировал Олег Евгеньевич, – да еще какой – Герой Советского Союза! А главное, обаятельный человек, настоящий патриот Отечества, много делающий сегодня, чтобы традиции безаветного служения Родине не канули в лету, стали достоянием новых поколений россиян. Я обязательно позвоню вам, когда дела службы позовут Виталия Степановича в наш родной Курган. Очень советую познакомиться.

При встрече я удивился, что у нашего гостя в Кургане много близких людей. Действительно – мир тесен. Белюженко встречали и крепкими объятиями, и крепкими рукопожатиями. Встречали как товарища по службе и как наставника-учителя. Приятно видеть, когда глаза людей при встрече лучатся радостью. Они без слов говорят о многом.

От судьбы Виталия Степановича Белюженко веет романтикой. Она увлекательна, но предельно четко выражена – служение безопасности нашей Родины.

О том, как он стал чекистом, сам Виталий Степанович вспоминает с улыбкой, удивляется своей юношеской наивности. Военная служба Белюженко, электрика-оператора на подлодке Северного флота, подходила к концу. Кто послужил, тот знает, что «дембеля-годки» в такой период начинают всерьез задумываться о том, чем они будут заниматься после демобилизации. В свободное от службы время дембеля собираются вместе, кучкуются, и сам собой возникает разговор на тему жизни на гражданке. Каких только задумок и идей тут не обсуждают?!

Однажды дружок Белюженко Анатолий Самохвалов, как бы шутя, предложил:

– Давай-ка, Виталя, махнем после службы в школу шпионов. За границей поживем. И вообще, интересное это дело.

– Придумай что-нибудь полегче. Разведчик-диверсант мне выис-

кался, – ответил, смеясь, Беложенко товарищу. Какие «talанты» у тебя для этого есть? И где такая школа находится, ты знаешь?.

– Узнаем, если потребуется. И чем мы хуже других? Ты, например, чемпион флота по боксу, хороший лыжник и стрелок. Из подлодки выбирался через торпедные трубы, а это уже кое-что значит. И башка у тебя в полном порядке: на политучебе лучше всех режешь. Крепко политически подкованный, – так замполит о тебе говорил. Ну, и я не лыком шит, – Толя поводил головой и плечами. Симпатичным был парнем, сердечной болью многих девчат.

Поговорили так, посмеялись и забыть бы, а Самохвалов на эту тему с замполитом поговорил. Пригласили парней на беседу в особый отдел флота. Подраспросили. Задали несколько задач на сообразительность. Удивились, что ответы парней соответствуют действительности. И дело завертелось. Попросили подготовить необходимые документы для поступления в ВУЗ.

– Мандатную комиссию прошел без сучка и задоринки, – улыбается Виталий Степанович. – Тогда ведь важнейшим для этого было, что отец рабочий, мать домохозяйка. Сдал вступительные экзамены успешно. Зачислили курсантом в Высшую школу КГБ имени Дзержинского. Определили на факультет по изучению иностранных языков. При беседе со мной руководитель кафедры сказал:

– Очень хорошо, Беложенко, что вы мастер спорта по боксу. Тренировки продолжайте, но участвовать в соревнованиях – не советую. В вашей профессии накаутирующий удар важен, но это на крайний случай. Вам сейчас важно научиться побеждать противника без рукопашной схватки, силой ума, интеллекта, совершенного знания тонкостей языка. А удары соперников по вашей голове на ринге ума не добавят. Может случиться даже наоборот. Любите силовой спорт – займитесь классической борьбой, самбо.

После завершения учебы Виталий Степанович девять лет служил в органах КГБ Мурманской области. По долгу службы бывал во многих командировках, в том числе и за рубежами своей страны, где безупречное английское произношение его ни разу не подвело. Участвовал в оперативных делах, обезвреживал вооруженных преступников. Любил в одиночку ходить на лыжах в дальние переходы с увесистым рюкзаком за плечами. По несколько суток жил один в заснеженной тундре. Прошел несколько специализированных сборов, где обучался десантированию, тонкостям рукопашного боя, методам партизанской борьбы, другим премудростям школы бойцов специального назначения.

Виталий БЕЛЮЖЕНКО

Белюженко уже служил в Москве, когда летом 1979 года был зачислен в состав группы специального назначения. Прошел подготовку для действий в горах, пустыне, в условиях резких температурных перепадов. В соседнем с нашей страной Афганистане произошла Са-

урская революция. Дальнейшее развитие по государственному переустройству общества проходило здесь очень сложно. В любой момент могли произойти непредсказуемые события и действия. В Комитете государственной безопасности СССР это хорошо понимали.

В октябре специальная группа «Зенит-2» прибыла в Кабул. Ее членам предстояло глубоко изучить обстановку, отработать пути и методику действий на случай дальнейшего осложнения обстановки в Афганистане. Ставилась задача в случае экстремальной ситуации обеспечить защиту, а при необходимости и эвакуацию советского дипломатического и советнического персонала, членов их семей.

Начался интенсивный сбор и обработка нужной информации, определение мер и действий при тех или иных возможных ситуациях. Подразделение, в котором служил Виталий Степанович, находилось в городе Мазари-Шериф.

На 27 декабря члены группы спецназа прилетели в Кабул для отчета о проделанной работе. Из них и были сформированы подразделения для оказания помощи при отстранении от власти правительства Хафизуллы Амина. Все важнейшие объекты и учреждения по управлению страной в час «Ч» были одновременно взяты под контроль и локализованы. В Афганистане пришло к власти новое правительство во главе с Бабраком Кармалем. Был взят новый курс на развитие Саурской революции с устранением ошибок, допущенных правительством Амина.

Подразделения спецназа «Зенит» помогали правительству Афганистана в создании службы государственной безопасности республики, обучении ее кадров.

В феврале 1980 года Виталий Степанович возвратился в Москву. Здесь развертывалась подготовка к проведению летних Олимпийских игр. Нужно было надежно перекрыть провоз контрабандных товаров при приезде в столицу многотысячных гостей со всего света. У Виталия Степановича был солидный опыт в этих вопросах плюс великолепный английский язык, на котором общается около четверти населения планеты.

После Олимпийских игр Белюженко был снова командирован в Афганистан, теперь уже в составе подразделения «Каскад» для борьбы с бандформированиями контрреволюции.

Многим покажется просто невероятным, что о предстоящем тяжелом ранении Виталию Степановичу «поведал» вещий сон. За несколько дней до случившегося Белюженко увидел во сне, что ранен в

бедро и проснулся от страшной боли. Когда открыл глаза, то увидел спокойно спавших товарищей. Поднялся весь в холодном поту. Боль в бедре скоро прошла. Три дня спустя группа участвовала в операции по ликвидации одной из банд в провинции Парван, близ аэродрома Баграм. В одном из кишлаков отряд попал под мощный огневой налет моджахедов. Загорелись бронетранспортеры. Их пришлось покинуть. И вот тут-то душманская пуля ударила Беложенко точно в то место, что приснилось ему той злополучной ночью. Пуля расщепила кость. Все тело прошила та же боль, что он почувствовал спищим. Виталий Семенович на мгновения потерял сознание, но быстро пришел в себя, огляделся. Заметил углубление –подобие арыка. Попытался добраться до него ползком. Страшная боль пронизала все тело, нога не слушалась, болталась, как плеть. Кругом стояла пальба. Стал на руках подтягиваться к стене дувала. И тут же пули снайпера ударили рядом с головой. Заметив, что Беложенко живой, «духи» несколько раз пытались подойти и взять его в плен. Но каждый раз получали в ответ очередь из автомата. И так много раз. Несколько часов продолжался этот поединок. Виталий Степанович не только не подпустил к себе моджахедов, но под прикрытием его огня отошли товарищи, перегруппировали силы и, наконец, выручили. Беложенко.

Вертолет увозил из Баграма в Кабул раненых и погибших. Все оставшиеся в живых товарищи прощались с Беложенко с печалью в глазах. Как позднее они рассказали Виталию Степановичу, врачи в Баграме сказали о нем, что больше суток этот раненый не протянет. Часы его жизни сочтены.

В госпиталь 40-й армии Беложенко не приняли: никаких документов у спецназовца не было. Группа была придана 108-й мотострелковой дивизии без имен и фамилий, только в численном составе. Виталия Степановича привезли в Кабульский госпиталь афганской армии. Хорошо, что в нем оказались советские врачи. Было решено ампутировать ногу. Но раненый не согласился: «Делайте, что хотите, только без ампутации». Операция началась, а раненый снова запросил: «Только без ампутации». Ему ввели новую дозу снотворного.

– Очнулся после операции и сразу на ногу смотрю: слава Богу, не отрезали, – вспоминает Виталий Степанович. – Обрадовался, хотя ногу закрепили навьютяжку, боль во всем теле. Сорок пять дней пролежал так. А потом на полгода «заковали» в гипс по самую грудь.

Смотрю на Беложенко и представляю те мучительные болевые

испытания, которые ему пришлось претерпеть при разработке суставов после снятия гипса. Многомесячная напряженнейшая борьба самосознания с невероятной болью. Миллиметр за миллиметром отвоевывали движения у закостеневших с суставов. Воля победила боль и страх.

Сейчас никто и не подумает даже, что Виталий Степанович прошел через такие испытания. У него прекрасная походка, он бежит на лыжах, занимается спортом.

И еще одну победу одержал над собой спецназовец Белюженко. Он защитил диссертацию, стал кандидата наук и преподавателем одной из спецдисциплин в Академии КГБ.

Уйдя на заслуженный отдых, полковник ФСБ Белюженко не качается в гамаке на даче. У него и сегодня беспокойная для сердца работа, забота о том, чтобы не оказались забытыми заслуги перед народом и Отечеством людей в погонах, тех кто рисковал собственной жизнью, кто не посрамил офицерской чести, сделал все, чтобы люди в городах и селах великой страны трудились и отдыхали спокойно. Он один из активистов клуба Героев Советского Союза, цель которого – крепить связь поколений в деле верного служения Отечеству!

Беседа наша закончилась. Мы сидим, тепло смотрим друг другу в глаза.

– Мне тот, последний, бой поныне снится, – говорит Виталий Степанович, задумавшись. – Ощущаю, что лежу у дувала. Вжался в песок насколько смог. И чувствую каждой частичкой своего тела цепкий прицельный взгляд снайпера-душмана. Выстрелов не слышу, а только шлепки пуль о стену. Сыплются крошки глины на лицо, даже ощущаю запах сухой афганской пыли. И считаю шрамы, что оставляют на дувале в сантиметрах от моего виска пули. Их было тогда семь. И все слева. Видимо на винтовке у снайпера был чуть сбит прицел и все пули ушли влево, но легли кучно... А может просто не судьба им была остановить мою жизнь. Когда на дувале появляется седьмая отметина – во мне все протестует и не ждет восьмого выстрела... Я открываю глаза... – Пытаюсь вскочить. Больше не хочу пророческих снов...

У меня еще столько запланировано сделать людям добра. Столько еще потребуется и сил, и лет.

«Дай Бог, чтобы сбылись задумки этого доброго человека,» – держу я мысль у себя в уме и сердце. Боюсь произнести эти слова и услышать в ответ : «К черту». Он нам не нужен ни в задумках, и уж конечно, в делах.

Геннадий Устюжанин

Командировка в XIV век

Фотография на память: После одного из совещаний. Второй справа-президент республики Афганистан Бабрак Кармаль, второй слева - Геннадий Устюжанин.

Я находился в Афганистане с мая 1983 по май 1985 года. Публиковать воспоминания в этом сборнике не планировал. Но когда книга была уже готова, посчитал, что некоторые мысли, известные мне факты и данные помогут читателям глубже понять обстановку в этой стране после Апрельской революции и причины, почему наша помощь дружественному народу оказалась не такой эффективной, как это ранее предполагалось руководством нашей страны.

Два года работы советником в высших эшелонах власти республики Афганистан окунули меня с головой в жизнь всех слоев афганского общества, в деятельность партийного и государственного аппаратов, местных органов власти, заставили познать обычаи, традиции народностей и племен этой страны, изучить деятельность армейских формирований противоборствующих сторон, средства политического воздействия и массовой информации и т.д.

Многое, с чем приходилось сталкиваться в повседневной жизни и работе до крайности удивляло, порой просто изумляло и обескураживало, требовало совершенно иного осмысления событий, поиска

неординарных решений и действий, иных методов работы в сравнении с теми, что мы использовали у себя в стране.

Уверен, что кто побывал в Афганистане, был буквально потрясен крайней бедностью большинства населения. Когда я прибыл в эту страну, там шел по восточному календарю 1362 год. И вся окружающая жизнь, казалось, замерла и находилась на уровне этой глубокой древности. Четырнадцатый век, воображаемый в моем сознании, полнокровно существовал вокруг в действительности. Поразила почти поголовная безграмотность населения. Свыше девяноста процентов людей не умеют читать, многие из них не знают, сколько им лет, не назовут года своего рождения. Отпечаток пальца вместо подписи на документах – обычное явление. Мне лично приходилось участвовать в переговорах со старейшинами кишлаков, вождями племен, которые договора о сотрудничестве скрепляли отпечатками пальца и клятвой на Коране.

Даже среди самой образованной прослойки афганского общества – духовенства, более половины – люди неграмотные, зазубрившие на слух суры из Корана. Зато памяти афганцев можно только завидовать. Очень многие буквально за год-два научились разговаривать по-русски.

В партийных организациях положение с грамотностью оказалось не лучше. В городских организациях, правда, процентов до 20-25 членов партии умели читать, а в кишлачных – грамотных партийцев 7-10 процентов, а то и вовсе нет. Сразу пришлось усомниться в достоверности записанного во всех партийных и государственных документах выражения о всенародной поддержке идей Саурской (Апрельской) революции. Осознанной поддержки народом революционных преобразований не могло быть, вспомните, ведь еще Ленин говорил, что неграмотный человек стоит вне всякой политики.

Как я убедился в дальнейшей работе, даже грамотные афганцы очень ограничены в абстрактном мышлении, в умении митинговую, лозунговую пропаганду доходчиво истолковать, а тем более применить на практике. Поэтому разъяснительную работу среди населения партийцы чаще всего подменяли политическими лозунгами, приказами, часто с помощью военной силы. А ведь давно известно: кто устанавливает власть с помощью винтовки, тому долго не придется поставить ее в пирамиду. Обстановка не позволит. Я знал, что религия Ислам прочно вошла в уклад и образ жизни афганцев. Для вос-

Министр внутренних дел республики Афганистан генерал-лейтенант Гулабзой вручает Г.П.Устюжанину форму офицера Царандоя.

тока это характерно. Но в сочетании с полнейшей безграмотностью людей, она сделала многих мусульман настоящими фанатиками. В Афганистане действовало в то время 23 тысячи мечетей, 14 тысяч

святых мест, насчитывалось свыше 250 тысяч мулл и других служителей культа. Это на каждые 60 человек – священнослужитель. Такой высокой насыщенности духовенства не существует больше ни в одной стране мира. Ничто не делается в этой стране без благословения священнослужителей. Силу влияния слова муллы россиянину даже трудно себе представить. Повелит священнослужитель декхану пожертвовать жизнь Аллаху – тот, не задумываясь, исполнит повеление.

Часто именно по слову духовного наставника люди кишлаками уходили с родных мест на чужбину. После революции многие декхане отказывались принимать землю от народной власти, если мулла не благословит этот акт. Безграмотный и суеверный народ, как правило, неотступно придерживается обычаев, даже тех, что давно уже пришли в противоречие с жизнью. В Афганистане, например, до 15 процентов мужчин не имеют семьи, потому что нет денег выплатить "калым" - выкуп за невесту. Народная власть попыталось искоренить несправедливость. Она законом отменила Калым. Но закон пришлось приостановить. Возмутились женщины. "Это несправедливо, - говорили они. - Овца стоит денег, курица – тоже, а я ничего не стою? Такому не бывать!" В то же время здесь отец спокойно может обменять свою дочь 12-13 лет на такую же девочку и привести в свой дом второй или третьей женой. И никто не возмутится таким обменом, даже мать ребенка. Таков обычай.

Больше половины жителей страны за свою жизнь не бывали за пределами своего кишлака. Особенно это касается женщин. Она может после замужества не увидеть больше родных, хотя и живет с ними в одном городе. Без мужа – ни шагу за дувал. Даже калитки, ведущие во двор, сделаны ниже человеческого роста, чтобы лицо женщины, если она во дворе без паранджи, не мог даже случайно увидеть посторонний человек с улицы, когда кто-то откроет калитку при выходе.

В этой стране честь женщины берегут особо. Вы не услышите анекдота о женщинах. О них вообще не принято вести разговор в мужской компании. Даже имя жены у афганца не принято спрашивать. Это может его обидеть.

Многие парадоксы породила неразвитость средств связи. Например, в Кабуле, с населением более миллиона человек, не поименованы улицы и не пронумерованы дома. Письма адресуются на ме-

четь, и мулла вручает письмо адресату. Мечетей в Кабуле двести сорок.

В стране нет системы военных комиссариатов. Набор в вооруженные силы осуществляется методом отлова. Рота или батальон окрывают базар, могут войти в университет. Всех, кто на вид годен для службы в армии, забирают, под охраной сажают в машины с высокими бортами, через которые не выпрыгнешь, и везут в воинскую часть. Там одевают в солдатскую форму и определяют на службу; если земляки не видели, что человека забрали в солдаты, то семья считает его пропавшим без вести. Написать домой о случившемся человек не может из-за неграмотности, да и почтового сообщения с этой местностью не существует.

Мне пришлось столкнуться с таким фактом, что в кишлаке, расположенном в ста километрах от Кабула, люди даже не слышали, что в стране произошла революция и короля давно нет, хотя шел уже пятый год, как это случилось.

В Афганистане никогда не существовало государственности в нашем понимании. Племена и народности живут по своим традициям, которые почитаются выше всех государственных законов и указов.

Границ и пограничной службы, в нашем понимании, тоже не существует. Есть отдельные контрольные пункты на главных торговых путях и магистралях. Афганцы свободно кочуют по своей стране и за ее пределами. Земли одного племени, например, могут находиться на территории и Афганистана, и Пакистана, так как государственная граница нанесена только на карте, а на земле реально не существует. После революции в стране была сделана попытка перейти к новому общественному устройству без замены существующего государственного аппарата, государственная машина и большинство чиновников остались прежними. Они не понимали, а вернее – не хотели понимать и принимать никаких перемен в общественной жизни. Она их вполне устраивала. Поэтому распоряжения и указы новой власти продвигались в жизнь черепашными темпами, а чаще всего оставались без движения. Переход от феодального средневековья к социализму, как мечтали партийцы Афганистана, конечно же, состояться не мог. Об этом много раз говорилось афганским товарищам, но осознать это они так и не смогли. Можно было бы перечислять и перечислять многое, что удивляло в афганской жизни, но я думаю, что и этого достаточно.

*Геннадий Устюжанин,
бывший советник ЦК КПСС при ЦК НДПА.*

Национальное примирение?

Москва провожала дождем. Он зарядил с утра и не прекращался до самого отлета. Настроение соответствовало погоде. Давили грусть расставания с родным домом, неизвестность чужой страны, в которой идет война. В тот момент как-то еще не верилось, что уже скоро произойдет встреча с чужой землей, о которой много слышал и втайне мечтал увидеть своими глазами.

Неделя, проведенная накануне отъезда в Москве, прошла в изучении политической ситуации в Афганистане. От встреч с аналитиками в ЦК КПСС, с непосредственными участниками событий наша небольшая группа советников обогатилась не столько пониманием того, что творилось в Афганистане, сколько осознанием начавшихся перемен в отношении афганской проблемы да откровением, что “афганец - это человек, который думает одно, говорит другое, а делает - третье”.

Задача аппарата советников ЦК КПСС при ЦК НДПА в широком смысле заключалась в формировании политических предпосылок для деятельности всех звеньев политической системы страны. Поэтому, несмотря на название должности, наши обязанности не ограничивались вопросами партийного строительства, а наоборот, расширялись до организации взаимодействия всех советнических администраций и действий военного командования в части контактов с населением.

К 1987 году во внутренней политике афганского руководства, конечно, при активном влиянии политического руководства СССР, начали происходить существенные перемены. Стало ясно, что одержать победу в этой войне можно только ценой крупномасштабных боевых действий и перекрытия границ с Пакистаном и Ираном, откуда для моджахедов поступало оружие, боеприпасы, продовольствие и другая помощь. Официальный афганский режим не в состоянии был провести подобный план в действие. Но и в планы советского руководства это также не входило ввиду возможных больших человеческих жертв не только со стороны советской армии, выполнявшей свой солдатский долг, но и со стороны мирного афганского населения, проживающего на территориях, где потребовались бы боевые действия. А размеры этой территории к тому времени оценивались в 85 процентов. Контролировались только центры провинций, крупных волостей и округов, близлежащих к ним кишлаков да важные

Президент Афганистана Наджибулла вручает орден «Дружбы народов» Бухтоярову Александру Ивановичу

транспортные магистрали. Вся остальная территория была под контролем оппозиции. В этих условиях дальнейшее пребывание советских войск в ДРА становилось бессмысленным. Основная задача интернациональной помощи была выполнена. И только просьбы нового политического афганского руководства и нерешительность, на мой взгляд, руководства СССР не позволили своевременно вывести войска с территории Афганистана и втянули нас в участие в гражданской войне.

Решение проблемы нашлось. И решение, думаю, правильное: предоставить афганцам самим решать свои внутренние проблемы. Однако, чтобы осуществить это решение, требовалось время для убеждения общественного сознания в неизбежности вывода войск и для подготовки необходимых условий .

Вот тут и вступила в действие политика национального примирения. Она предусматривала проведение ряда процедур, направленных на сближение противоборствующих сторон и, в конце концов, на прекращение боевых действий между ними. Параллельно требовалось

провести работу по повышению уровня самостоятельности афганских кадров при принятии различных решений. В осуществлении обеих задач имелись большие сложности. Достижение согласия осложнялось непримиримым характером имеющихся между сторонами противоречий. Основным из них являлась полярная политическая ориентация. С другой стороны, афганским кадрам, при которых состояли советники, было выгодно их присутствие, так как всякая неудача в действиях могла быть оправдана некачественной советнической помощью.

Со всеми этими и многими другими проблемами мне пришлось столкнуться, когда в составе небольшой группы советников в октябре 1981 года я прибыл в ДРА.

Время, к сожалению, накладывает свой отпечаток на все. Предметы старины покрываются паутиной, а память утрачивает многие детали, которые когда-то казались важными, но почему-то ушли в небытие. Тем не менее, главное не забывается, и даже наоборот, приобретает черты более осмысленные, чем по свежим следам.

В Афганистан мы прибыли накануне второй конференции ЦК НДПА, которая как раз и была посвящена вопросам национального примирения.

Мы – это четыре советника, практически “последние из могикан”: инструктор ЦК КПСС Мясников Николай Иванович, назначенный по прибытии советником в ЦК НДПА по вопросам сельского хозяйства; Завьялов Евгений Александрович - секретарь Владимирского обкома КПСС, назначенный советником сначала в провинцию Балх, а затем переведенный в Кабул; два заместителя заведующих отделами, один из которых, Пчельников Василий Васильевич из Калмыцкого обкома КПСС, получивший назначение в провинцию Баглан, а другой - автор этих строк, отправившийся на северо-восток Афганистана в провинцию Кундуз. Главная задача, которая ставилась перед нами, – это организация выполнения афганскими подсоветными, как назывались афганские кадры, имевшие советников, решений партийной конференции.

Вопросы реализации плана, принятого конференцией, были обсуждены с группой советников на совещании, проведенном руководителем группы Виктором Петровичем Поляничко. Уезжая на места назначения мы уже представляли себе задачи в политической, военной, экономической и социальной областях, которые необходимо было решить до вывода войск.

К чести Виктора Петровича следует отметить, что он очень умело руководил работой советнического аппарата. Он, как никто другой, очень точно оценивал обстановку, бывал на местах, грамотно выстраивал стратегическую линию. Его указания и дружеские советы “бывало”, облеченные в ироническую, а то и в саркастическую форму, хорошо воспринимались и очень помогали. И в этот раз все детали предстоящей работы были выверены вплоть до лозунгов, которыми следовало руководствоваться в предстоящей работе. Жаль, что такой человек все-таки погиб, правда, не в Афганистане, а на Северном Кавказе. Думаю, что те, кто это организовал, знали его недюжинные аналитические способности, неумную работоспособность, умение сплотить людей и чувствовали в нем угрозу.

Разработанная стратегия национального примирения неоднозначно оценивалась самими афганцами. И теми, кто полностью доверял советскому руководству, и теми, кто им противостоял. Одни радовались начавшемуся процессу, другие воспринимали его с тревогой. Вспоминается один разговор со знакомым рабочим Кандагарского аэропорта, по-моему его звали Бобо, в котором он прямо заявил: “Когда вы уйдете, нас всех перебьют”.

Мы понимали, что он недалек от истины. Дальнейшее развитие событий подтвердило опасения. Будучи в Кандагаре я получил известие о том, что сразу после вывода из Кундуза 201-й мотострелковой дивизии, город был без промедления захвачен моджахедами, которые устроили в нем погромы и резню. Официальные же афганские воинские формирования не смогли им оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления.

В плане национального примирения политическая задача представлялась наиболее трудной. Предстояло добиться примирения воюющих сторон. Способ, который был предложен, заключался в предоставлении всем политическим силам возможности участвовать в формировании органов государственного управления на основании выборов депутатов народного собрания и сенаторов.

Выборы довелось организовывать в двух провинциях. Первоначально в Кундузе, а затем в Кандагаре, куда меня перевели в марте 1988 года.

Волею судьбы мне пришлось прошагать дорогой моего предшественника Владимира Ивановича Чупрунова, секретаря Ярославского обкома КПСС, работавшего в Афганистане сначала в провинции Кундуз, а затем переведенного в Кандагар.

С опытом его работы были хорошо знакомы прикомандированные переводчики, помогавшие в общении с афганцами. В Кундузе – Усман Обидов, таджик, кандидат филологических наук, не прекращавший своей научной работы по изучению отличий языка афганцев дари от языка таджиков. В Кандагаре – Валех Гасан-оглы, поэт из Азербайджана, также не прекращавший свои литературные изыски и даже печатавшийся в афганских изданиях на арабском языке. В последние месяцы работы в Кабуле меня сопровождал еще один переводчик – Вахабов Шавкат из Узбекистана. Все эти люди помогали скорейшему пониманию ситуации и это, соответственно, влияло на принимаемые по ситуации решения. Одной из особенностей их работы было то, что афганцы, когда хотели сохранить в тайне какую-либо информацию, в своем общении переходили на язык пушту, так как большинство из советских переводчиков не понимали этого языка. К чести моих коллег, они его знали, хотя афганцам этого не показывали. За счет этого удавалось иногда получить более точную информацию о происходящем, чем через официальные каналы.

Большую помощь в работе и в бытовых делах оказывали и наши военные. Они прекрасно понимали, что партийные советники чаще всего работали без прикрытия броней, ежедневно находясь среди афганцев и надеясь только на собственные силы. В Кундузе – командир 201-й дивизии полковник В. Рузляев, начальник политотдела этой же дивизии полковник Л. Петухов, начальник пограничной заставы в Шерхане капитан М. Давакеев, в Кандагаре – командир 70-й бригады полковник Н. Гришин, его замполит Н. Эполетов, начальник госпиталя полковник Ю. Скрыпник, советники афганских войсковых частей полковники Г. Иваницкий и И. Карабут – все эти и многие другие офицеры с готовностью откликались на просьбы, помогали решать сложнейшие задачи, способствовали созданию условий душевного комфорта. При принятии решений мы широко пользовались оперативными разведанными, предоставляемыми в наше распоряжение. В то же время сами делились информацией, которую имели от гражданского населения. Во многом благодаря усилиям военных удавалось осуществить намеченные планы национального примирения, в том числе и проведение выборов, о которых я упомянул выше.

Выборы состоялись в мае 1988 года. Они были достаточно предсказуемы. Победили в них те, кто имел на своей территории подавляющее силовое преимущество. Причем во многих местностях, где не было форпостов государственной власти, они не проводились и

округа остались без депутатов.

Международное сообщество не признало итоги тех выборов. Наверное это, в контексте той политики, которая проводилась против Советского Союза, было правильно, но для нас не было иного пути, чтобы показать серьезность наших намерений идти путем национального примирения.

Те полевые командиры моджахедов, которые включились в процесс национального примирения и заключили с властями соответствующие договоры, безусловно выиграли. Мне приходилось встречаться со многими из тех, кто пошел по этому пути и все они прекрасно понимали преимущества, приобретаемые в результате перемирия. Контролируемые ими территории не подвергались бомбардировкам, на них не проводились боевые действия, сами командиры наделялись властными полномочиями и получали возможность беспрепятственно перемещаться по всей территории страны.

В провинции Кандагар действовал полевой командир Исмаат, отличавшийся скандальным характером и жестокостью. Про него даже ходили слухи, что он, наподобие Синеи бороды, убивал своих жен, что, кстати, очень вероятно. Так вот, он, заключив договор о присоединении к политике национального примирения, получил возможность беспрепятственно разъезжать на открытых джипах с группами своих боевиков, гирляндами висящих на конструкциях автомобилей и вооруженных до зубов гранатометами и автоматическим оружием и наводящими не только страх на мирное население, но и вызывая тревогу у военных за возможные столкновения. В своем округе Исмаат был избран единогласно, голосовало сто процентов населения. Конечно, проверить легитимность выборов было никак нельзя, так как доступа на его избирательные участки не было никакого.

Победу на выборах в своих округах в провинциальных центрах одержали и руководители НДПА и возглавляемого ими блока, так как оппозиции им в этих округах не было.

Военная составляющая плана национального примирения включала в себя, во-первых, создание мирных зон путем заключения договоров с полевыми командирами о прекращении боевых действий и, во-вторых, пересмотр схем территориальной обороны, в которых советские войска замещались силами афганских формирований. В связи с этим советские войска свертывали активные боевые действия и начали подготовку к выходу из Афганистана.

Хотя в пределах необходимости боевые действия велись. Напри-

мер, была проведена крупная войсковая операция “Магистраль” по разблокированию дороги в округ Хост, который был отрезан от основных коммуникаций и нуждался не только в пополнении боезапасов, но и продовольствия. За успешное проведение этой операции командующему 40-й армией Б.В.Громову и представителю ставки Верховного Главнокомандующего В.И.Варенникову были присвоены звания Героев Советского Союза.

Проводились и некоторые другие локальные операции по очистке от группировок противника мест предполагаемого передвижения войск при выводе. Мне довелось участвовать в операции, проведенной мотоманевренной группой Пянджского погранотряда против группировок, располагавшихся вдоль северной границы провинции Кундуз и обстреливавших с этой территории Таджикистан. Операция также прошла успешно, обстрелы прекратились.

Проезжая после окончания боевых действий по территории волости Имам-сахиб можно было диву даваться – какая нищета и бедность царили в кишлаках. Позже, избородив на УАЗике полстраны, я видел и более горестные картины полной разрухи, видел в кишлаках вокруг Имам-сахиба жизнь бурлила, но мне она представилась незавидной.

Главной достопримечательностью самого Имам-сахиба был дервиш Молор Саланг, живший в открытой, без стены на улице, глинобитной келье на центральном базаре. Эта келья находилась в общем ряду магазинчиков - дуканов и с виду ничем от них не отличалась. По словам местных старожилов, этот бедолага жил здесь лет пятьдесят и не выходил из своего убежища, кормясь подаянием. Не могу судить о точности срока, но вид его действительно свидетельствовал об отрешенности: безумный, блуждающий взгляд, свалявшиеся в войлок длинные, не знавшие расчески волосы, необстриженные, невообразимой длины бесформенные ногти на пальцах рук и ног. Жалкий вид представляли и дети, привлеченные любопытством к новым людям и без стеснения требующие бакшиша – подарка.

Невольно приходили мысли о том, как силен дух этих нищих, обездоленных людей в борьбе за свою независимость.

Волость Имам-сахиб отличалась еще и тем, что во времена владения короля он выезжал сюда на охоту. На берегу Пянджа сохранилась небольшая гостиничка, носившая одноименное название со своим владельцем – хлопковым комбинатом “Спинзар”, с хорошим видом на реку и холмы таджикской стороны. Афганская сторо-

на реки в этом месте более плоская. Здесь и останавливался король, когда приезжал на охоту на оленей и фазанов. Мы же использовали эту гостиницу в тех случаях, когда, возвращаясь из Таджикистана, не успевали добраться до Кундуза в светлое время суток. Сумеречные и ночные путешествия были особенно опасны, поэтому приходилось делать ночевку под прикрытием погранзаставы Шерхан, расположенной в непосредственной близости от “Спинзара”.

Мы тоже использовали эту местность для охоты. С коллегой из МВД, руководителем группы советников при Царандое полковником милиции И.Евсеевым, мы выезжали на своих расхристанных УАЗах на холмы Дашти - Арчи для охоты на фазанов, гусей и дроф. Попадались и лисицы, но они не представляли интереса как провиант. Самым большим дефицитом были охотничьи патроны, но и АКМС оказался тоже вполне пригоден, хотя меткость стрельбы пулями по традиционному дробовым целям оставляла желать лучшего. Тем не менее, дичь зачастую оказывалась на столе.

На оленей мы не охотились, так как необходимо было углубляться в “зеленку”, последствия посещения которой могли быть непредсказуемы. Но и на степи тоже было небезопасно. Однажды мы потянулись за табунами гусей и далеко углубились от контролируемой дороги, за что чуть не были наказаны, подвергнувшись обстрелу из гранатомета. Благо, что мы засекали момент выстрела и сумели маневрировать. После этого случая был большой перерыв в охоте ...

Для меня стало откровением, что в Афганистане к съедобной дичи относятся и скворцы. Кучки их тушек можно увидеть на каждом базаре. Однажды, возвращаясь из Шерхана вместе с губернатором провинции Кундуз Хадафмандом, мы увидели большую стаю скворцов, севшую в придорожную траву. Он настоял на том чтобы мы с разгона въехали в эту стаю, что мы и сделали. Ликованию его не было конца, когда после этой “операции” несколько битых птиц оказалось в его руках. До самого Кундуза мы только и слышали: “Хуб. Биссиор хуб.” (Хорошо. Очень хорошо.)

В Кундузе тоже была гостиница “Спинзар”, где жили советники всех ведомств, в том числе и я. И там были королевские апартаменты, которые использовались в качестве гостиной и столовой для приема делегаций и почетных гостей.

При этих гостиницах сохранились прекрасные, райские сады с розами и другими благородными цветами, за которыми ухаживали садовники, что было очень странно и поразительно в условиях войны.

А во дворе кундузского «Спинзара» рос огромный вековой платан, не менее чем в три обхвата в окружности.

Красота садов радовала глаз, но наличие деревьев иногда оборачивалось и бедами. В Кандагаре на одном из совещаний в провинциальном комитете НДПА погиб генерал Муталиб. Здание подверглось минометному обстрелу. Одна из мин попала в крону дерева, росшего под окном, а генерал сидел у окна...

Для реализации экономической политики в рамках процесса национального примирения был взят курс на расширение связей афганских предпринимателей с Советским Союзом. В частности, была упрощена процедура пограничного перехода для приграничных провинций, к числу которых относился и Кундуз. Мне были делегированы некоторые консульские функции для оформления разрешений на переход границы. Предприниматели хотя и пользовались этим каналом, но, как мне было известно, на то время никаких договоров они не заключали, а использовали эти поездки как туристические. Кроме предпринимателей широко пользовались этим преимуществом и те, кто нуждался в лечении. Был заключен договор между провинцией Кундуз и Курган-Тюбинской областью о взаимосотрудничестве, по которому клиники области представляли места для афганцев.

Это соглашение о сотрудничестве не ограничивалось приемом больных. Шел активный обмен делегациями, на территорию Афганистана поступала гуманитарная помощь.

А какой популярностью пользовались концерты таджикских мастеров искусств! Афганцы – народ музыкальный. Залы, где проходили концерты, всегда были переполнены и жители очень живо реагировали на музыку не только аплодисментами, но и начиная пританцовывать.

Можно сказать и о мужестве советских людей, приехавших в Афганистан в самые сложные дни. Конечно, охрана была обеспечена, но приезд делегаций, как правило, приурочивался к каким-либо праздникам, а именно в праздники моджахеды активизировались и преподносили “подарки” в виде обстрелов территорий, где находились “шурави”, либо нападением на них.

На памяти не осталось ни одного праздника, кроме религиозных мусульманских, в дни которых чего-либо не произошло бы. Напри-

мер, на Октябрьские праздники 1987 года, то есть на 70-летие Октябрьской революции, в Кундузе был сильнейший обстрел города реактивными снарядами. Был базарный день. На гандум-базаре (зерновой базар) были многочисленные людские жертвы, погибло много животных, городу причинены разрушения.

На майские праздники 1988 года в Кандагаре было совершено нападение на советскую колонну, направлявшуюся в город. Был уничтожен один наш танк, погиб экипаж.

И все это кроме обычных ежедневных, ставших для всех штатными обстрелов и легких стычек на окраинных блок-постах.

Вспоминается случай с организацией праздничного первомайского парада в Кандагаре. Для того, чтобы он состоялся, пришлось широко рекламировать время его проведения, а фактически провести на несколько часов раньше. В назначенное же время маршрут парада был накрыт огнем артиллерии моджахедов.

По большому счету, часть политики национального примирения, реализованная в интересах Советского Союза, увенчалась успехом. Удалось убедить общественное мнение в Афганистане, да и во всем мире в искренности наших намерений вывести советские войска из страны со всеми вытекающими отсюда последствиями. Логическим завершением усилий многих и многих людей стало возможным подписание в мае 1988 года международного договора, который назвал конкретные сроки и условия вывода войск.

Нужно было видеть небо над Кандагаром в тот вечер, когда средства массовой информации донесли до общественности эту весть. Оно было расчерчено тысячами трассирующих нитей – афганские бойцы производили салют в честь радостной вести. Канонада не утихла добрую четверть часа. Знали бы эти бойцы, что война с этим решением не кончается, наоборот, ей предстоит новый виток, который не будет последним.

В своих отчетах в ЦК КПСС мы прогнозировали развитие событий и отмечали возможность ужесточения боевых действий, но уже между группировками афганцев в борьбе за власть. Сейчас можно сказать, что эти прогнозы сбылись полностью. О национальном примирении до сих пор можно только мечтать.

*Александр Бухтояров, первый заместитель
Главы Администрации (Губернатора) Курганской области*

Последний рейс на Кабул

Наш отдельный автотранспортный батальон обеспечивал вывод войск из Афганистана. Ходить в Афганистан приходилось часто. Особо запомнился последний рейс.

В середине января 1989 года колонна загрузилась в Хайратоне безвозмездной помощью народу Афганистана. Везли муку на хлебокомбинат Кабула и продукты в госпиталь афганской армии.

Я служил на должности командира взвода материального обеспечения, а поехал на этот раз в качестве начальника продовольственной службы. Передо мной стояла задача: обеспечить личный состав колонны хлебом, водой и горючесмазочными материалами. Старшим колонны был майор Киреев, замполит батальона. В составе колонны было 70 грузовых автомобилей камаз, радиостанция Р-142, три зенитных установки, семь бензовозов, кухня.

Колонну загрузили днем. На следующее утро в половине шестого уже прошли через дорожный пост Хайратон, а к 12 часам прибыли в Пули-Хумри. Встали в так называемый отстойник на дорожном посту. Надо было заправиться горючим, но та часть, где планировалось это сделать, уже ушла в Союз. Километрах в семи разыскали армейский склад и заправились. Были готовы двигаться дальше, но в Афганистане ночью колонны не ходят. Приготовились к отдыху. Поздно вечером комендант дорожного участка отдал нам приказ двигаться на Кабул, объяснив, что с Ахмад Шахом Масудом заключено перемирие, которое он четко соблюдает.

Поздно ночью подъехали к Салангу. Перед входом в тоннель нас остановили. Навстречу шла колонна из Кабула: выходила какая-то часть в Союз. Раньше по тоннелю колонны шли по четным числам в одну, по нечетным – в другую сторону. Пока стояли, в нашу колонну пристроились несколько афганских машин. Они по одному не ездили – опасно. Машины афганцев в колонны царандоя не вставали, так как перемирие касалось только наших войск. Душманы выбирали даже в наших колоннах афганские машины и расстреливали их, а наших в данный момент не трогали.

На перевале был мороз 30 градусов и метель. Дорогу сильно перемело. Наша колонна перепуталась с какой-то другой. Впереди оказались два бензовоза афганской армии. Около кишлака вдруг прогремели выстрелы. Один из бензовозов вспыхнул. Мы сразу же залегли,

Перевал САЛАНГ

***Старший лейтенант ДЕГТЯРЕВ В.А. и
старший прапорщик ДОЛГИХ А.К.***

но огонь не открывали: было не понятно, что за стрельба. Кто-то из душманов на русском языке прокричал, чтобы мы двигались, они с «шурави» не воюют, а бензовоз подожгли афганский.

Наш зампотех прапорщик Секара дал команду, и БТР-80 столкнул горящий бензовоз в кювет, освободив нам путь. Стрельба на этом закончилась. Утром мы спустились с Саланга и расположились в “отстойнике” Джабаль-ус-Сирадж – это 80 километров от Кабула. Здесь задержались до полудня. Впереди душманы сожгли колонну афганской армии. Поздно вечером мы прибыли в Кабул.

Переночевав, утром поставили под разгрузку 20 машин на хлебокомбинате. Афганцы ростом небольшие, худые, берут мешок муки и бегут на третий этаж. Ох, и выносливый народ! Один грузчик уронил мешок, застопорив движение. Бригадир чуть не убил его: недорого ценится у них жизнь. Другой грузчик упал с лестницы, разбив сильно руку. К нему даже никто не подошел. Я взял аптечку и перевязал его, за что он очень раболепно благодарил меня и говорил, что хлеба в городе нет и его семья голодает, а он работает за мизерную плату, лишь бы накормить детей. Он поведал, что душманы жгут машины с продовольствием, очень просил, чтобы мы, русские, остались, здесь, иначе беднякам будет очень плохо.

К вечеру машины были разгружены. Мы получили сухой паек на обратную дорогу. Заправились и в Теплом Стане спокойно провели ночь.

Рано утром двинулись в путь. Позади остались Кабул, Чарикар... За Чарикаром начиналась зеленая зона, любимая зона душманских засад. Было видно, что здесь недавно прошел бой. Еще чадили скаты от машин. Нас остановили в “отстойнике” Джабаль-ус-Сирадж. Здесь мы ждали очереди на движение целых три дня. Продукты закончились и мы с замполитом решили съездить в Кабул за продовольствием. Взяли с собой машину с зенитной установкой и поехали. На КПШ нас пропустили, но предупредили, что «духи» жгут по дороге афганские колонны, наших пока не трогают, но лучше поберечься.

Проехав километр пять, увидели много машин, несколько из них подбиты. Были слышны выстрелы. Вперед проезда не было, все было забито грузовыми машинами, но и водителей тоже не было. Видимо, все попрятались. Внимательно осмотревшись, увидели МАЗ с разбитыми контейнерами. Вокруг валялись куры в целлофановых пакетах.

Поговорив с майором Киреевым, решили: раз нельзя проехать в Кабул, то воспользуемся подножным кормом – загрузим кур. Я и рядовой Фатаев пошли к разбитому контейнеру за курами. Раздалась короткая очередь. Мы залегли. Наша зенитка не засекала, откуда стреляли. Тишина. Мы снова взялись за разгрузку и опять короткая очередь. Стало ясно – нас отгоняли от продуктов. Тогда я крикнул, что много не возьмем, а Фатаев – таджик по национальности, – на дари крикнул то же самое.

Из кустов ответили, чтобы мы взяли пять ящиков, а за каждый следующий платили по 5000 афганей. Я ответил, что заберем десять коробок. А заплатить лишь можем огнем из зенитки. «Духи» зенитного огня очень боялись. Ответа не последовало. Мы спокойно загрузили 10 коробок. Решили посмотреть, что находится в соседнем афганском автомобиле, разукрашенном чисто в восточном стиле. Взяли двенадцать коробок изюма. В это время вышел из кустов миролюбивого вида душман и стал с нами торговаться. За каждый ящик изюма отдали по 10 рублей.

Вернувшись в колонну, мы долго смеялись, что «духи» поставили нас на довольствие. В это время колонну стали отправлять в Хайратон. Дороги раскисли от тепла, машины с прицепом стаскивало, они стопорили движение. До места ехали долго, но обошлось без едино-

го выстрела. Вдоль дорог густо стояли и провожали нас афганцы. Среди них явно просматривались моджахеды. Они переговаривались по радиостанциям типа “Филипс”. Было видно, что они чувствуют себя хозяевами, даже пытались регулировать движение в местах затора транспорта.

Мы, в свою очередь, вглядывались вдаль, ждали землю своей страны, которую никогда не покинем. И вот остался позади мост через речку. Война для меня позади.

Это был самый долгий рейс. Сейчас часто вспоминаю своих товарищей, верю, что когда-нибудь увидимся, ведь друг по боям бывает роднее брата.

*Александр Долгих,
старший прапорщик запаса, г. Куртамыш*

Мы ушли последними

В 1987 году я закончил Алма-Атинское командное пограничное училище. У меня, как и у большинства выпускников, было желание послужить в Афганистане. Хотелось сразу же познать непарадную сторону армейской жизни. Кроме того, мы считали, что Афганистан – это важный этап в истории нашего поколения. А нас воспитывали – не бояться трудностей, быть там, где делается история Отечества. Дружба народов, интернациональная помощь были одной из основ политики Советского Союза.

Попросил комиссию назначить меня в Среднеазиатский пограничный округ, а там – назначить в Афганистан.

Получил в подчинение взвод. А в афганском приграничье – оборудованный в блиндажах опорный пункт. Мы обеспечивали безопасность нашей границы от посягательств банд моджахедов, от людей, промышлявших сбытом наркотиков. Охраняли советско-афганские объекты. Позднее наше подразделение стало принимать участие в проводке автоколонн с различными грузами. Что это значит – большинство воинов, послуживших в Афганистане, знают.

Однажды мы сопровождали очень крупную автоколонну из нескольких сотен автомашин. Хорошо, что нас надежно прикрыли с воздуха вертолетчики. И несколько попыток моджахедов огнем с гор помешать движению были ими успешно ликвидированы. Но все-таки при одном из обстрелов колонны трассирующими пулями на БТРе загорелись мешки, где были заряды и гранаты к СПГ-9. Заметивший это

Сергей ИВАЩЕНКО

старшина сверхсрочной службы Геннадий Бурбицкий, рискуя жизнью, сбросил воспламенившиеся мешки с бронетранспортера и предотвратил трагедию.

Вспоминается и такой случай. Нам пришлось обустроиваться на месте, где раньше когда-то уже был опорный пункт. Время шло к ночи. Саперы тщательно проверили место, но их собаку что-то беспокоило. Она несколько раз приседала на одно и тоже место и начинала скулить. Решено было проверить место взрывом небольшой толовой шашки. Хорошо, что все мы отошли на значительное расстояние. Взрыв буквально потряс округу. Видимо, на месте бывшей стоянки был заложен мощный фугас.

А самое памятное из афганской жизни – это наш уход из Афганистана. Наше подразделение замыкало колонну советских войск. И последним пересекло государственную границу. Правда, в воздухе были еще вертолеты прикрытия. Ни одного выстрела не прогремело нам в спину.

Какие взволнованные лица были у солдат и офицеров! Какими крепкими, искренними были объятия и поздравления с возвращением на Родину! Этого забыть невозможно, как и службу на афганской земле.

*Сергей Иващенко,
старший лейтенант запаса, с. Целинное*

Застава в горах